

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

www.lgz.ru

№ 2-3 (6400)
23-29 января
2013 г.

Выходит по средам

Газета основана в 1830 году
при участии А.С. ПУШКИНА

Издание возобновлено в 1929 году
при поддержке М. ГОРЬКОГО

Literaturnaya Gazeta

EUROPE: D - 2,20 €; A - 2,30 €;
B - 2,30 €; PL - 12,90 PLN; L - 2,30 €;
CZ - 75,00 CZK; H - 720 HUF; SP - 2,50 €;
I - 2,50 €; GR - 2,5 €; CYP - 1,35 CYP;
TR - 5 M. TRY; CH - 3,50 CHF; GB - 1,80
GBP; DK - 20,00 DKK; S - 25,00 SEK;
NOR - 25,00 NOK; E - 15 EGP;
USA - 2,50 \$; C - 2,5 CAD

Международное издание

В НОМЕРЕ

За верность слову и Отечеству

Лауреаты Всероссийской премии им. А. Дельвига – 2012

«Золотой Дельвиг»

1. **Ахмедов Магомед** – за стихи последних лет и переводы классиков русской поэзии на аварский язык.
2. **Личутин Владимир** – за исследования национального характера и духовной природы русского человека в книге «Душа неизъяснимая».
3. **Семёнова Мария** – за историко-героический цикл о Волкодаве (книга «Там, где лес не растёт») и за исследование и творческое обогащение славянской мифологии.

«Серебряный Дельвиг»

1. Антология «Поэты «Сибирских огней» – за верность классической традиции русской поэзии и творческое развитие евразийских идей. Премия вручается составителю, главному редактору журнала «Сибирские огни» Владимиру Берязеву и издателю Алексею Ивантеру.
2. **Архипов Юрий** – за новые переводы произведений Франца Кафки и выдающийся вклад в отечественную германистику.
3. **Беляков Сергей** – за монографию о выдаю-

щемся учёном «Гумилёв – сын Гумилёва» и литературно-критические работы последних лет.

4. **Кабанков Юрий** – за стихи последних лет и религиозно-философскую эссеистику, собранную в книге «...И рошшет мыслиющий тростник».
5. **Козлов Юрий** – за роман «ВОбода» и оригинальное художественное исследование жизни современной России.
6. **Нечипоренко Юрий** – за книгу «Смеяться и свистеть» и плодотворное развитие лучших традиций отечественной детской и юношеской литературы.

Литрезерв

1. **Абаимова Влада** – за книгу стихов «Выжженная полоса», ярко отразившую патристические настроения молодого поколения.
2. **Лукин Антон** – за книгу рассказов «Самый сильный в школе», развивающую уникальное наследие «деревенской» прозы.
3. **Орлова Анастасия** – за дебютную книгу «Яблочки-пятки», возрождающую традиции поэзии для самых маленьких.

Продолжение темы на стр. 5

Мины под СССР

Во время самой страшной войны Советский Союз выстоял, и никакая мина тогда не сработала. Она сработала в начале 90-х годов, но отнюдь не по вине тех, кто создал СССР.

СТР. 3

Судьба в зеркале безработицы

Многие экономисты считают небольшой уровень безработицы для страны благом. Для страны, может быть, и благо. А для того, кто вынужден, оставшись без средств к существованию, месяцами обивать пороги служб занятости, соглашаясь на любую работу, лишь бы прокормить семью?

СТР. 9

Работа актёра над собой

Те, кто знает Юрия Стоянова только по «Городку», прочитав беседу с ним, сильно удивятся. Он парадоксально размышляет о Станиславском и актёрской профессии, любви к родине и ностальгии по СССР...

СТР. 10

Первый государь всея Руси Иоанн III Васильевич

Исполнилось 550 лет со дня вступления на престол первого государя всея Руси Иоанна III, которому давно пора поставить памятник в столице нашей Родины.

СТР. 13

Сорванный голос эпохи

К Владимиру Высоцкому можно относиться по-разному. Единственное, чего нельзя отрицать, – это его безусловный поэтический талант и беспрецедентную популярность. Был ли Высоцкий бунтарём или приспособленцем, свободным человеком или рабом «системы», искусственно раздутой фигурой или подлинно большим поэтом?

СТР. 15

ИНИЦИАТИВА

О русском романсе замолвите слово

Обращение к Президенту Российской Федерации В.В. ПУТИНУ

Уважаемый Владимир Владимирович!

Сегодня наша страна переживает период духовного и нравственного возрождения. Люди всё чаще начинают обращаться к истории России и её культуре, находя в этой истории ответы на многие вопросы современности и будущности страны.

Среди уникальных созданий нашей культуры особое место занимает русский романс. Это не только один из немногих подлинно отечественных видов искусства: русский романс – последний хранитель высокого слога души русского человека. В наше время, когда даже опера и поэзия «снизошли» до жаргонной и матерной лексики, когда сленговые речевые образования стали признаком престижной современности, когда обыкновенная безграмотность признаётся языковой нормой, русский романс продолжает оставаться на неизбывных эстетических позициях красоты и благородства.

Устойчивость этого жанра вовсе не говорит о его архаичности и несовременности – с таким же успехом можно объявить «устаревшими» простые и понятные человеческие чувства: любовь, верность, преданность, сострадание. Обращение к душе и сердцу человека

– норма существования романса, и поэтому романс будет жить столько же, сколько будет существовать мыслиющий и чувствующий человек.

Русский романс – это образ духовной, интеллигентной России. Эта Россия живёт, активно действует, плодотворно трудится – жаль, что о ней сегодня знают, увы, меньше, чем о России преступников и стяжателей. Истинная Россия дорожит русским романсом, хранит лучшие его традиции и умножает их в творчестве современных исполнителей, композиторов и поэтов.

Русский романс обладает огромной соборной силой. Он способен увлечь людей самых разных возрастов, национальностей, социальных слоёв. Примером тому – Международный конкурс молодых исполнителей «Романсиада». Его участники – представители не только России, но и многих стран мира, а региональные этапы конкурса проходят сегодня не только во многих городах страны, но и в Казахстане, Литве, Эстонии, Латвии, Беларуси, Узбекистане, Киргизии, Дании, повсеместно превращаясь в праздник искусства, взаимопонимания и дружбы.

Русский романс имеет много заслуг перед Отечеством. К нему обращались гении русского искусства всех эпох.

В период, когда культурные ценности России «сбрасывали с корабля истории», романс смог не только сохранить, но и умножить свои позиции и открыть плеяду ярких исполнителей, поэтов и композиторов. В годы войны романс звучал на фронтах не реже, чем патристическая песня, – многие участники фронтовых бригад вспоминали, как бойцы просили их петь не героики, а лирические, нежные произведения. Сегодня романс – пропагандист русского языка в мире: нередко именно романс становится переводчиком и учителем русского слова.

Уважаемый Владимир Владимирович! В современном календаре событий и памятных дат есть немало праздников государственных, профессиональных, религиозных, а рядом с ними – такие удивительные даты, как, например, День земли или День воды. Может быть, в этом ряду есть место для Дня русского романса?

Мы просим Вас об учреждении этой даты. По сути, День русского романса уже существует – вот уже десять лет подряд, в период православных рождественских праздников, в последнюю субботу января поклонники романса собираются в Колонном зале Дома союзов на праздничном

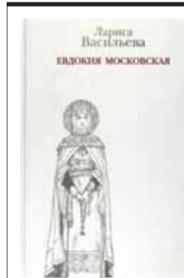
фестивале лучших отечественных и зарубежных исполнителей – лауреатов конкурса «Романсиада». Этот фестиваль уже стал традиционным и популярным настолько, что зал наполняется до отказа даже при полном отсутствии рекламы.

Нам бы хотелось, чтобы в этот день русский романс вышел далеко за пределы Колонного зала, наполнил бы концертные и клубные сцены столицы и периферийных городов, собрал бы молодёжь и ветеранов, профессионалов и любителей, россиян и гостей страны, чтобы повсеместно зазвучала чистая русская речь и одухотворённая лирическая мелодика, чтобы этот день был наполнен чистотой чувства и стройностью, совершенством формы – всем тем, что и называется «высоким слогом русского романса».

Мы просим Вас, уважаемый господин Президент, о русском романсе замолвите слово!

Галина ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ,
заслуженный деятель
искусств России,
художественный руководитель
Международного конкурса
«Романсиада», директор
Московского дома романса

«ЛГ»-РЕЙТИНГ

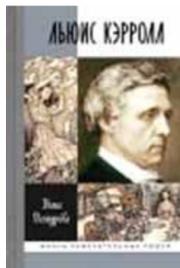

● Лариса Васильева.
Евдокия Московская. –
М.: Бослен, 2012. – 176 с.:
ил. – 3000 экз.

Эта книга, как говорится в предисловии, – история жизни и жития выдающейся женщины, великой княгини Евдокии Московской, принявшей монашеский постриг с именем Ефросинии. Она была женой великого Дмитрия Донского и первой настоящей кремлёвской хозяйкой. Книга содержит в себе факты, документы, события, сказания, легенды, слухи и взгляд автора.

Вот что говорит о своей героине известная писательница Лариса Васильева: «Чем больше книг разных жанров, а также фильмов будет о ней, тем душевно богаче станут люди, всегда стремящиеся к счастью, но не всегда понимающие, что оно есть соучастие в судьбах друг друга».

Книга содержит богатый иллюстративный материал.

● Нина Демурова. Льюис
Кэрролл. – М.: Молодая
гвардия, 2013. – 414 с.:
ил. – (Серия «ЖЗЛ»).
– 5000 экз.

Будущий знаменитый писатель Льюис Кэрролл был третьим ребёнком из одиннадцати в небогатой, но дружной семье. Всегда окружённый детьми, он рано стал «за старшего»; неудивительно, что ему и впоследствии было легко находить с ними общий язык. Что блестящий выдумщик Кэрролл был священником и преподавал математику – факт довольно известный. Мало кто знает, что он был ещё и прекрасным фотографом: его детские портреты признаны лучшими в XIX веке. Ещё меньше найдётся тех, кто знает о его путешествии в Россию в 1867 году и «Русском дневнике», полном восхищённых и тонких наблюдений. Книга Нины Демуровой представит не просто известного детского писателя, но человека, который куда сложнее и многограннее, чем расхожее представление о нём.

● Вячеслав Быстров.
Между утопией и трагедией: Идея Преображения
мира у русских символистов. – М.: Прогресс-
Плеяда, 2012. – 384 с.
– 500 экз.

Автор книги – литературовед, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, член редколлегий и один из судей Полного академического собрания сочинений и писем А.А. Блока. В исследовании рассматриваются религиозно-философские искания трёх самых значительных представителей русского символизма: «старшего» символиста Дмитрия Мережковского и «младосимволистов» Александра Блока и Андрея Белого. В приложении «Избранные стихи русских символистов» приведены некоторые стихотворения героев книги, а также Владимира Соловьёва, Иннокентия Анненского, Зинаиды Гиппиус, Константина Бальмонта, Валерия Брюсова и др.

СОБЫТИЕ

Второе рождение «Блокадной книги»

Музей истории Санкт-Петербурга состоялась презентация нового издания легендарной «Блокадной книги» Даниила Гранина и Алексея Адамовича. Авторы собирали материалы для книги ещё в 70-е годы прошлого века, однако выпустить её удалось только в 1981 году. Нынешнее издание приурочено к 70-летию прорыва блокады Ленинграда. В настоящей версии книга вышла без купюр, а также приросла новой главой «Ленинградское дело». Даниил Гранин отметил, что для него переиздание данной книги является не только большой радостью, но и памятью о соавторе Алексее Адамовиче, ушедшем из жизни в 1994 году.

На этой неделе наш сайт www.lgz.ru посетили 18 982 человека. Заходите!

ОЧЕВИДЕЦ

Писать или пасти

Когда-то много лет назад мне в руки попала не совсем обычная книга Михаила Зощенко. Изданная в конце 30-х годов, она свидетельствовала о том, что писатель понемногу отходит от своей легендарной манеры, потихоньку нащупывает новые пути.

Например, в документальной повести о революционных событиях 1917 года даёт оценку личности Александра Керенского. Совсем кратко. Керенский, полагает Зощенко (цитирую не дословно, но за смысл ручаюсь), воспринимал свой чисто артистический успех у публики как триумф политика и государственного мужа.

В последнее время это вроде бы частное замечание меланхолического Зощенко часто приходит на ум. По поводу вполне конкретного. Кое-кто из собратьев писателей, добившись успеха у публики, начинает трактовать это своё счастливое достижение весьма расширительно. Принимается, от чего предостерегал коллег Николай Гумилёв, «пасти народы». И даже государства.

Честно говоря, грех это известный и, при определённом складе характера, вполне простительный. Человек, взявший в руки перо (читай, севший за компьютер), имеет право судить обо всём. Критиковать, опровергать, оспаривать любое постановление, любому мнению противоречить, каждому решению оппонировать. О чём угодно предупреждать и что угодно пророчить. Но как раз это неотчуждаемое право на свободу слова и мнений должно удерживать его от вмешательства в сферы, где он некомпетент по определению, по предназначению своей рефлексивной природы. Должно разумно предостерегать его от желания непосредственно управлять государством, командовать армиями и полками, вводить макро- или микроэкономику, определять геополитику. Пусть всему этому способствуют твои образы, но не твои декларации и призывы.

Конечно, «каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». Никому не запретишь, наблюдая со стороны кризисы и смуты, мнить себя отцом нации и спасителем отечества. Однако, как мне кажется, сама суть литературного таланта и писательского творчества противоположна конкретному, прагматическому, предпологающему компромиссы действию политика. Разумеется, если политик имеется в виду мудрый и осмысленный. Поскольку политик воспламенён, легко возбудимый, заполношно романтический как раз и напоминает собой импульсивного поэта, готового в реальности, а не в воображении «смазать карту будня». А в этом самом «будне» и протекает по преимуществу обыденная человеческая жизнь, которую писателю при всём высоком парении духа положено знать и уважать.

Фазиль Искандер как-то грустно заметил, что ни один народ никогда не прислушивался к мнению своих писателей. Это горько, если иметь в виду авторские прозрения, душевные терзания, мучительные осмысления народной и общественной жизни. Но, если речь идёт о стремлении совершенно конкретно, в течение двух-трёх дней переделать мир по образу и подобию своих заветных непримиримых идеалов, то, слава богу, пожалуй, что такие эффектные поэтические озарения народ пропускает мимо ушей.

Итальянец Габриэле Д'Аннуцио, по натуре авантюрист и брэттер, мечтал о рождении великого Рима. С кучкой приспешников, вопреки политике собственного государства, он вырвался в города соседних стран, но в благодарной памяти соотечественников остался всё же как изысканный романтист и поэт. Скольких бед избежала бы прекрасная Италия, если бы другой честолюбивый беллетрист прошлого века Бенито Муссолини не оставил романтическое перо ради грандиозных политических и государственных проектов.

Приходят на ум и некоторые живые классики бывших советских республик, в памяти не 90-е решившие пробуждать национальный дух не выходящими образами, а экстремистскими на грани безумия призывами к насилию. К счастью, не везде державные вершины покорились им с такой же очевидностью, как художественные.

Наши российские мэтры словесности тоже не пренебрегают планами государственного и даже геополитического переустройства. Правда, в отличие от собратьев из сопредельных стран, чаще не ради прибавления мощи отечества, а для её умаления.

Недавно известный писатель современной России, чья неизбывная производительная энергия поражает, высказался в том смысле, что в обозримом будущем Дальний Восток, а также Сибирь, скорее всего, отделятся от государства Российской, и предстоит этому не имеет смысла. Вот вам и «нашенские» края, и «опорный край державы», и сибирские богатства, которыми будет «прирастать Россия».

С чисто творческим задором и самонаменем романтист и поэт запросто опроверг всех на свете рдеателей за благо Отечества. Я не сомневаюсь, конечно, что он знаком и с противоположными мнениями и теориями, пленяющими его своим радикализмом и, скорее всего, своею оппозиционностью нынешней российской власти. Но, как мне представляется, при заявлениях такого рода писатель обязан ссылаться на свой личный, персональный, не только читательский, но выстраданный человеческий опыт.

Так и подмывает поинтересоваться, не вполне деликатно, может быть, насколько реальна и потомственная связь нашего властителя умов с Сибирью и Приморьем, что даёт ему право рассуждать столь опрочметливо и размышлительно? Он что, родом из столыпинских переселенцев? Погибал на сопках Маньчжурии, бил японцев под Халхин-Голом? Томился «во глубине сибирских руд» или тянул срок за колючей проволокой ГУЛАГа, рыл золото «в горах», исходил тюменскую тайгу и уренгойскую тундру в поисках нефти и газа? Строил Братскую ГЭС и восстанавливал после катастрофы Саянскую? Оплакивал распутиную Матёру и ловил астафьевскую Царь-рыбу? Пробивал Северомуйский тоннель для БАМа? Откуда такая решимость говорить как бы от имени всех, кто всё это прошёл? Можно ли позволить себе эксцентричные в глобалистском духе сентенции, вдвойне удивляющие в устах писателя, который некогда совершенно определённо заявлял, что «шваль демократически-беспредельная нас никогда не убедит, что без Родины будет лучше»?

Допускаю, впрочем, что эти геополитические фантазмы и впрямь рождены игрою склонного к парадоксам ума. Но тогда надо принимать во внимание, что многие слушатели и читатели мыслят вполне прямолинейно, и к каким выводам они придут в результате таких прогнозов, право же, неизвестно.

Анатолий МАКАРОВ

Точка зрения авторов колонки может не совпадать с позицией редакции

ФОТОГЛАС

В Москве прошла церемония вручения Международной премии Станиславского за 2012 год накануне юбилея великого режиссёра. Эта премия была учреждена в 1994 году фондом Станиславского и вручается ежегодно за достижения в области театрального искусства. В списке лауреатов в номинации «Событие сезона» – директор Музея имени А.А. Бахрушина Дмитрий Родионов. На снимке он вместе с режиссёром Сергеем Женовачом.

В воскресенье в Новоушикинском сквере состоялся митинг «Против политики Департамента культуры столицы в области репертуарных театров и других учреждений культуры». В «собрании» участвовало около ста человек и представители СМИ. Несогласные стояли с плакатами: «Булгаков, Гоголь, Маяковский, кто следующий?», «Верните зрителю Театр Гоголя! Долой захватчиков!». Выступавшие призывали власти к открытому диалогу с работниками культуры.

ДОСЛОВНО

Евгений ПРИМАКОВ:

«Конец эпохи тандема»

На днях ветеран нашей политики, академик Евгений Примаков традиционно поделился соображениями о том, что произошло в году минувшем и чего следует ожидать в наступившем, что хорошо и что плохо. Выступление вызвало большой интерес. В Центре международной торговли на Красной Пресне можно было увидеть руководителей думских фракций, рядовых депутатов Госдумы, многих руководителей министерств и ведомств, известных политиков и политологов, ректоров вузов, учёных, деятелей культуры, писателей, журналистов. Прозвучало много интересных и острых высказываний.

«В настоящее время Россию характеризуют некоторые новые черты, отличающие её от предшествовавшего периода. Одна из них – конец эпохи тандема. Это отнюдь не значит, что его участники должны разойтись по разные стороны баррикады. Но окончание эпохи тандема демонстрирует прежде всего, что и практически, и юридически глава российского государства ныне в одном лице – Путин. Вместе с тем перестала существовать перспектива обязательной взаимной ротации двух лидеров, что должно способствовать демократизации общества».

«Многое будет зависеть и от отношений в руководстве страны. Несмотря на некоторые различия, необходимо единство по стратегическим вопросам экономики, внутренней и внешней политики. Иначе будет происходить размежевание элитной части общества, создание своеобразного двоецарства».

«Впервые в истории нашей страны разрешён уличный протест недовольных – ещё сравнительно недавно такие демонстрации подавлялись силой. Свобода печати стала тоже, пожалуй, впервые проявляться в беспрепятственной критике в адрес властей – справедливой или несправедливой...»

«Чтобы избежать дестабилизации, нужно в первую очередь значительно больше, чем раньше, учитывать общественное мнение при принятии решений. Речь идёт о недопустимом игнорировании мнения не только широких слоёв общества, но и меньшинства, нередко объединённого креативными идеями».

«Для сохранения политической стабильности в России крайне необходимо ни в коем случае не сво-

рачивать решительные действия против чиновников-коррупционеров... Распространены сомнения, не будет ли антикоррупционная борьба, которая находит широкую народную поддержку, доводиться лишь до определённого уровня должностных лиц. В этой связи обратило на себя внимание заявление об эффективности, проявленной на своём посту бывшим министром обороны. Это прозвучало уже после того, как стали известны вопиющие факты коррупционного разгула в системе этого министерства...»

«Россия, обладающая огромными природными ресурсами, должна иметь возможность не только плавного увеличения финансирования, что сохраняет разрыв с другими развитыми, да и рядом развивающимися странами, но финансового рывка в обеспечение здравоохранения, образования и науки. Без этого нет и не может быть инновационного развития, модернизации страны. Без этого... нет решения демографической проблемы, остро стоящей перед Россией, которую покидает значительное число молодых людей, принадлежащих к креативной части населения. По имеющимся подсчётам, из России в последние годы уехало примерно 2 млн. представителей образованного среднего класса».

«Раздражение в обществе существует. Главными его причинами являются разгул коррупции и бюрократии, недовольство растущим разрывом в доходах между горсткой богатеев и значительной частью населения, находящейся за чертой бедности. Такое недовольство не следует считать антипатриотичным проявлением».

Выступление выслушал Владимир СУХОМЛИНОВ

ЗЛОБА ДНЯ

Стандарт необразованности

Государственная Дума приняла несколько лет обсуждавшийся новый закон об образовании, который вызвал много споров. Но борьба вокруг закона, в котором обозначены нормы по всем уровням образования, включая дошкольное, начальное, среднее,

высшее и дополнительное, продолжается. По мнению многих, документ противоречит элементарным конституционным нормам. Представители КППФ намерены обратиться в Конституционный суд, чтобы документ признали недействительным.

Худо без добра

Олег СМОЛИН, депутат Государственной Думы:

– Статья 55 Конституции России утверждает, что в стране не должны приниматься законы, умаляющие или отменяющие права и свободы граждан. Любый закон, ухудшающий положение людей, подпадает под действие этой статьи.

Право на образование – одно из основных прав человека. Мы убеждены, что принятый 29 декабря 2012 года закон № 273 содержит положения, которые ухудшат ситуацию для тех, кто учится и учит. Их мы и собираемся оспаривать в Конституционном суде.

Приведу лишь некоторые положения. В действующем законе установлено ограничение: плата за детский сад не должна превышать 20 процентов от стоимости реальных затрат конкретного детского сада, а для многодетных семей – 10 процентов. В новом законе его нет. Значит, закон провоцирует местные власти поднимать плату за детский сад.

В прежнем законе дети-сироты имеют право вне конкурса поступать в вузы. В новом законе это право у детей-сирот отбирается. Тем самым ограничивается их право на высшее образование. По некоторым оценкам, до 90 процентов воспитанников детских домов – это ребята, которые не могут успешно социализироваться, – то не получают жилья, то психологически не готовы, то не получают других форм поддержки. Видимо, таких детей станет ещё больше.

В прежнем законе плата за общежитие не должна превышать 5 процентов суммы расчётной стипендии. В новом законе такое положение нет. Между тем реальная цена за общежитие в Москве – 4, 6 и более тысяч рублей. Большинство студентов это не

по карману. И даже если по указу президента для самых бедных и одновременно самых успешных студентов будет установлена стипендия на уровне прожиточного минимума, практически вся она пойдёт на оплату общежития.

По прежнему закону доктор и кандидаты наук имели надбавку за учёную степень, действующие профессора и доценты – за учёное звание. В новом законе этих положений нет. К чему это приведёт? Наверное, вряд ли им прямо снизят заработную плату, скорее всего, надбавки просто включат в неё, заявив: посмотрите, как вам зарплату повысили...

Подобные положения, а число их весьма велико, мы и будем пытаться оспаривать.

Удушьяющая любовь

Евгений ЯМБУРГ, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, директор Центра образования № 109

– Я крайне редко соглашаюсь с коммюнистами, но это как раз тот случай, когда я с ними полностью солидарен, – принятый закон нарушает конституционные права наших граждан.

Проект этой редакции был размещён в Интернете, его долго обсуждали родители и педагоги, прошло огромное количество крупных столов и совещаний, только ректорское сообщество предложило около 600 поправок. И что? Останутся наши ученики лучшими в мире, как заявил на днях на прошедшем в Ставрополе выездном заседании Минобразования его руководитель Дмитрий Ливанов? Вряд ли. Они и сейчас лучшие не благодаря системе образования, а вопреки ей, а после принятия нового закона шансов сохранения хотя бы имеющегося ещё меньше.

При беглом чтении кажется, что документ никаких прав не

нарушает – декларируются и светский характер образования, и его доступность, и бесплатность. Но почти каждая статья так или иначе апеллирует к другим правовым актам, и получается, что практически во всём присутствует некая двусмысленность. Например, бесплатность. Она гарантируется, но... в рамках уже утверждённых, несмотря, кстати, на серьёзные возражения профессионалов, образовательных госстандартов. А как быть, если интересы ребёнка или построения, например, в спецшколе системы выходит за рамки этих стандартов? Либо предоставлять дополнительные платные услуги согласно 83-му Федеральному закону, нарушая при этом принцип бесплатности образования, либо ужимая программу до стандартной. Понятно, что в мегаполисах, где уровень жизни выше, родители смогут воспользоваться платными услугами, а в посёлках – увы. Как же быть с равными правами?

В системе дополнительного образования утверждённых государством стандартов нет. Ответственность за их финансирование возложена на муниципалитеты. Но если в их бюджетах денег нет, выхода опять-таки только два – либо переводить кружки и секции на платную основу, либо закрывать. Как в такой ситуации реализовать положения Писания президента об организации досуга детей и подростков? Как соотносить заявленную в Конституции и подтверждённую в преамбуле новой редакции этого закона светскость образования с передачей права учебно-методического обеспечения курсов духовно-нравственного воспитания религиозным организациям?

В коротком комментарии остановиться на всех спорных, а часто и мутных моментах этого закона невозможно. Если верить его разработчикам и принявшим в такой редакции документ законодателям, всё делалось исходя из интересов ребёнка и любви к нему. Но, право, это какая-то удушьяющая любовь, ставящая такие жёсткие рамки, что о модной нынче креативности можно забыть.

<p>ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА</p> <p>1971 1979</p> <p>УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ АНО «Редакция «Литературной газеты»</p> <p>Главный редактор Юрий ПОЛЯКОВ</p> <p>Заместители главного редактора Алесь Кожедуб, Леонид Колтаков, Марина Кудимова, Игорь Серков</p> <p>Анатолий МАКАРОВ</p>	<p>ОТДЕЛЫ:</p> <p>«Политика, экономика» тел. 8-499-788-01-06 Игорь Серков, Владимир Сухомлинов</p> <p>«Литература и библиография», сайт «ЛГ» тел. 8-499-788-02-05 Марина Кудимова, Игорь Панин, Татьяна Шабалева</p> <p>«Искусство» тел. 8-499-788-02-12, Арина Абросимова, Евгений Маликов, Анна Кузнецова</p> <p>«ТелевЕдение» тел. 8-499-788-02-12 редактор Александр Кондрашов, Олег Пуханцев</p> <p>«Общество» тел. 8-499-788-02-08 редактор Людмила Мазурова, Наталья Гамаюнова</p>	<p>«Клуб 12 стульев» тел. 8-499-788-00-53 администратор Александр Хорт</p> <p>Обозреватели Сергей Минацкая, Лев Пирогов, Дмитрий Карацис (Санкт-Петербург), Игорь Гамаюнов</p> <p>Спецпроекты и приложения Алесь Кожедуб, Анастасия Ермакова</p> <p>Отдел оформления тел. 8-499-788-01-13 бывл-редактор Евгений Федоровский, художественный редактор Антон Меньшов</p> <p>Представитель в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе Валерий Павлов</p> <p>Собственные корреспонденты Александр Самойленко (Калуга), Юрий Беликов (Нерн), Жан Миндубаев (Ульяновская область, Татарстан),</p>	<p>Владимир Шемшученко (Санкт-Петербург), Владимир Королёв (Смоленск), Сергей Евстратов (Республика Македония), Всеволд Марьян (Закарпатье), Ирина Тосунян (США), Алексей Славин (Германия), Мария Хамакер (Пензенская область), Никита Барашев (Италия), Светлана Селиванова (Китай)</p> <p>Московский тираж – 60 351 экз. Федеральный тираж – 35 707 экз. (печатается в Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Воронеже, Новосибирске) Тираж в Крыму – 2500 экз. Тираж в Европе и США – 6000 экз. (печатается во Франкфурте-на-Майне) Тираж в Израиле – 22 000 экз. Тираж в Великобритании – 9000 экз. Тираж в Греции – 3000 экз.</p> <p>Общий тираж 138 558 экз.</p>	<p>Цена договорная Отпечатано в ЗАО «Полиграфический комплекс «Экстра М», 143400, Московская область, Красногорский р-н, п/о «Красногорск-5», а/м «Балтия», 23-й км.</p> <p>Номер подписан к печати 22 января 2013 г. Зак. № 13-01-00231</p> <p>Редакция рассматривает все обращения читателей, оставляя за собой право не рецензировать и не возвращать письма и рукописи.</p> <p>Подписные индексы: 50067, 34189, 84874 и 91168 (для предприятий и организаций) Подписка и размещение рекламы: тел. 8-499-788-00-52</p> <p>Экспортная подписка – по каталогам «МК-Периодики» и «East View Publications»</p>	<p>Газета зарегистрирована в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № 77-35721 от 20.03.2000 г.</p> <p>Адрес редакции: Хохловский переулок, д. 10, стр. 6 Москва, 109028</p> <p>Автоминформатор и соединение с отделами: 8-499-788-02-10</p> <p>Электронный адрес: litgazeta@lgz.ru Факс: 8-499-788-00-52</p> <p>Переписка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ЛГ» обязательна</p> <p>Ведущий редактор номера Алесь КОЖЕДУБ</p>
---	--	--	---	---	---

ДИСКУССИЯ

Мины закладывали позже

Продолжаем обсуждение беседы с историком Юрием Жуковым («ЛГ», № 43) — «Мина под государством», где речь шла о принципах национального устройства СССР, заложенных в Союзный договор 90 лет назад, о разделении страны на «национальные кварталы» взамен экономических областей.

С Юрием Николаевичем Жуковым многие годы работаем в одном институте, у нас добрые отношения. Но есть вещи более важные. Его рассуждения, высказанные в «ЛГ», меня не только озадачили, но и встревожили. Я не согласен не только по ряду конкретно-исторических проблем, но и в принципе. Та рецептура регулирования национальных отношений, которую мой уважаемый коллега предлагает, — это дорога с прогнозируемым концом. Ликвидация современного административно-территориального деления страны приведёт, на мой взгляд, к неизбежному обострению межнациональных отношений. А этим не преминут воспользоваться не только не очень дружественные внутренние, но и внешние политические силы.

Так начинался развал Советского Союза

Положения, высказываемые Жуковым, увоят также от правильного ответа на вопрос о том, кто повинен в разрушении СССР. Так вот, не Ленин и не Сталин повинны в разгроме великой страны, а Горбачёв и Ельцин и те, кто был с ними или за ними стоял. Это общее положение, с которым, пожалуй, никто особо спорить не будет. Но вернёмся к истокам. Когда скончался Ленин, было уже собрано в одно государство более 95 процентов старой России. И нужно признать, что отнюдь не белые, розовые (эсеры и меньшевики), зелёные (лесные атаманы), чёрные (анархисты) или жёлто-синие (украинские националисты) создали великую страну, а именно красные. Такова правда истории.

Теперь о некоторых конкретных тезисах Жукова. Прежде всего следует отметить, что в XIX веке в России было одно крупное национальное движение — польское. Но уже в последнее десятилетие этого века история стала меняться. Появляется ряд других национальных движений, что подробно отражено в архивах департамента полиции. Ситуация такова, что друг юности императора Николая II, редактор «Санкт-Петербургских новостей» Э. Ухтомский в мае 1900 года заявил, что Россия расширяется по всем швам.

Итак, концом позапрошлого века можно датировать начало подъёма национальных движений в стране. Второй этап последовал после революции 1905 года, а третий на-

нейших основаниях — принципе интернационализма («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!») и праве наций на самоопределение вплоть до отделения. Первый был для большевиков главенствующим, поскольку выражал устремления коммунистов со времён К. Маркса и Ф. Энгельса. Но и принцип права наций на самоопределение был изобретён отнюдь не австрийскими социал-демократами, как полагает Жуков. К нему подошли ещё русские революционеры-разночинцы, а потом это нашло отражение в программах революционных народников. В его поддержку высказался в конце XIX века и Второй интернационал.

Но ситуация 1917 года оказалась такой, что указанных двух принципов было недостаточно. Большевики, как известно, являлись противниками федерализма. Вспомним хотя бы статью Ленина, направленную армянским социал-демократам, или его письмо С. Шаумяну (6 декабря 1913 г.), где он писал: «Мы в принципе против федерации».

И Сталин тоже был против федерации. Жуков упоминает его статью в «Правде» в марте 1917 года. Но позднее, в 1924 году, комментируя эту статью, Сталин признал ошибку. Много ли примеров, когда Сталин признавал ошибки? Отнюдь. А ведь речь о той области, в которой Сталин был специалистом. В первом советском правительстве он был наркомом национальностей, хорошо разбираясь в проблематике.

И большевики дополнили программу: к двум основным принципам добавили ещё один — принцип федерализма. И этим самым привлекли на свою сторону значительную часть националов, которые, кстати, выдвинули с учётом этого ряд видных полководцев Гражданской войны.

Что же произошло? Произошёл стремительный рост национальных движений. Выделились три основных направления — централисты-ассимиляторы, отделенцы и федералисты. Большевикам пришлось выбирать. И они отдали предпочтение федералистам по нескольким причинам. Прежде всего потому, что они составляли большинство, то есть выражали настроения национальных окраин. Кроме того, самая многочисленная политическая партия 1917 года — партия эсеров — уже внесла в свои программы пункт о федерализме. Создавалась угроза, что эсеры поведут за собой большинство так называемых националов.

Ленин весной 1917 года становится сторонником федерализма. На Апрельской конференции большевиков он выдвинул идею союза советских республик, а затем принцип федерализма вошёл в директивные документы. Это решение стало одним из компонентов победы советской власти. В 1921 году на совещании эмигрантов — бывших членов Учредительного собрания — один из его бывших депутатов заявил: «Припомните историю антибольшевистского движения. Деникин занимал

литература, представленная не только Т. Шевченко, но и И. Франко, М. Коцюбинским, Л. Украинкой, О. Кобилянкой, В. Винниченко, М. Грушевским, другими именами. Вообще, кто такие украинцы и на каком говорят языке, лучше спросить у них самих, и они ответят и ответят известно как. Украинцев сейчас в мире более 40 млн. человек, и тот путь, который нам предлагает Жуков, это путь конфликтов. Мало у нас проблем — давайте добавим ещё одну.

Жуков утверждает, что после принятия Конституции 1924 года в СССР начался разгул национализма. Это не так. Развитие национальных культур и национального образования — не национализм, это нормальные человеческие потребности. Если бы в селе моего отца, что в Приднестровье, не была создана молдавская школа, то он, сын безграмотной молдавской крестьянки и старого солдата, остался бы неграмотным, а так он стал основателем и первым президентом Молдавской академии наук.

Коснусь того, что следует из заглавия «Мина под государством». Я уже упоминал выше, что разделение старой России на губернии не спасло её от разрушения. Центральная рада на Украине была создана в марте 1917 года. Тогда же создаются подобного рода организации на других окраинах империи. Далее шёл этап создания национальных республик, но в составе России. А затем в связи с военной интервенцией эти республики провозгласили свою независимость — в январе 1918 года на Украине, в Бессарабии, а затем и в других регионах. После восстановления или установления там советской власти эту независимость признавала и сама советская Россия. Кстати, первая советская республика, которая была признана РСФСР, — Эстонская советская республика. Поэтому возникший план автономизации был встречен повсюду с неудовольствием. Получалось, что советская власть ликвидирует ожидающуюся независимость и обманывает народы национальных окраин.

И дело не только в грузинском вопросе, получившем заметный резонанс. План автономизации не был принят на Украине. И не на уровне клерков, а председателем Совнаркома Украины Х. Раковским, командующим Вооружёнными силами Украины и Крыма М. Фрунзе, другими видными деятелями. Ни Раковский, ни Фрунзе не были украинцами, но они знали настроения граждан, были их выразителями. План автономизации не поддержали и в Белоруссии. А поддержка, оказанная в Армении и Азербайджане, проистекала от партийной дисциплины. Когда же план был отставлен, этот отказ был с удовлетворением встречен и там.

Развивавшаяся обстановка тревожила Ленина, который придумал двухэтажную федерацию с формаль-

ным сохранением независимости республик. Эта суверенность затем была признана во всех трёх Конституциях СССР — 1924, 1936 и 1977 годов. Когда Ленину сказали, что подобное федеративное устройство приведёт к распаду страны, он ответил, что есть партия и она всё поправит.

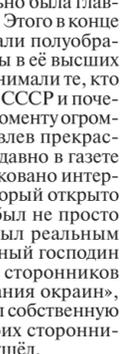
Партия действительно была главным стержнем страны. Этого в конце 80-х годов не осознавали полуборозанцы-интеллигенты в её высших рядах, зато хорошо понимали те, кто замыслил разрушение СССР и почему-то получил к тому моменту огромную власть. А.Н. Яковлев прекрасно знал, что делал. Недавно в газете «Завтра» было опубликовано интервью генерала ГРУ, который открыто заявил, что Яковлев был не просто агентом влияния, а был реальным агентом. Небезызвестный господин А. Байгушев, один из сторонников концепции «сбрасывания окраин», в своих книгах признал собственную ошибку и ошибку своих сторонников. Но поезд-то уже ушёл.

Сталин сыграл очень большую роль в создании СССР. Сыграл как до известной беседы с Лениным в сентябре 1922 года, так и после, когда отказался от плана автономизации. И что очень важно, он больше не ставил под сомнение этот вопрос. Известно его выступление на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года. Он подчеркнул: «СССР есть добровольный союз равноправных Союзных республик. Исключать из Конституции статью о праве свободного выхода из СССР — значит нарушить добровольный характер этого союза. Можем ли мы пойти на этот шаг? Я думаю, что мы не можем и не должны идти на этот шаг».

Этот принцип позже помог в решении вопроса о западных территориях, вошедших в состав СССР в 1939—1940 годах. Это позволило значительно улучшить для нашей страны военно-стратегическое положение. Даже трудно представить последствия того, что уже 22 июня 20 прибалтийских дивизий начали бы наступление против СССР. А ведь на территории Прибалтики могли бы присутствовать к тому времени и гитлеровские войска. Получилось же во многом по-другому: ряд прибалтийских дивизий был в составе Красной армии.

Не стоит забывать и того, что во время войны СССР выстоял, и никакая мина тогда не сработала. Она сработала в начале 90-х годов, но отнюдь не по вине тех, кто создал СССР.

Владислав ГРОСУЛ, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук

ОТКЛИК

Другой народ мне не нужен

Сам подход к русской теме, выражаемый заголовком «Стать новым народом», отдалённо схожа с тем, что отдалённо от «имперскости», от «актуальной русскости», переосмыслив себя... Как? Во что переосмыслиться? В либеральных демократов? Стать «нормальным народом». После пяти веков отклонения от нормы?

Для этого необходимы, по мнению автора, «новая концепция» России (НКР) и «новая концепция русского народа» (НКРН), предусматривающие федерацию национальных республик, скреплённых не «какой-нибудь имперской нацией», а договором между субъектами права, среди которых будет, «предположительно, семь русских республик на основе регионального и субэтнического самосознания». В общем, что нам стоит дом построить? Нарисуем — будем жить!

Нет, не будем вешать на оппонента ярлык агента наших геополитических противников, предлагавших разделить Россию на семь государств. Предположим, что он просто — любя! — предлагает русским сменить их «смысловые коды», «снять ментальную установку на великую страну» в центре в Москве, отказать от «официальных и полуофициальных базовых институтов». Его требовательность, его «нужно» и «необходимо» особо подчёркивают дух либерализма и демократии.

Я прежде всего с ходу отмечу наветы на моих предков, что они как-то не так жили — не либерально, не демократично. Как жили, так и жили! Пахали-косили, пели-плясали, деток растили, в походы ходили за землёй Русскую, за веру, царя и отечество, за советскую власть, за родину... «Тут ни убавить ни прибавить — так это было на земле» (А. Твардовский).

Что до соседей наших, мордвы и чуди, так мы завсегда меж собой ладили, не мешали друг дружке жить кто как хочет. На ярмарках баш на баш скот обменивали, хомутами, колёсами, самоварами торговали. Ну, бывали стычки — они у нас скот угоняли, а мы у них красавиц из аулов воровали... В казачьем узкоглазом роду моей матери так и коachtet предание о том, как казаки, посланные на Иртыш Петром I строить редуты от набегов джунгар, обзаводились жёнами из степных аулов. Что было, то было. Но ведь потом и дружили с теми степными родами. Тамырами звались, то есть приятелями, друзьями.

«Переосмыслить себя»... Откуда берется среди нас, русских, такие настроения?

Что вместе со святителями Стефаном Пермским и Иннокентием Якутским и Алеутским, с другими подвижниками православной веры помогли тёмным аборигенам просветиться? Неужели нам нужно подхихикивать над собой, будто бы мы в тельчьем восторге переименовали лампочку Эдисона в «лампочку Ильича»? Неужто забудем при этом, что план ГОЭЛРО и обширный учебный курс были гигантской вспышкой, осветившей и просветившей всю страну так, что в каждой семье появились не то что грамотеи, но и студенты, инженеры!

Не хочу я подхихикивать. Потому что это даже не шутка — это подмена понятий. Ментальные установки, если угодно. Разговор требуется об этом большой, но скажу коротко: о чём бы ни пели в советское время — про заводскую проходную, гудки парохода, пшеницу золотую или усталую подложку — всё это пели о любви! Сейчас шоу-бизнес завывает только «про любовь», но ведь любому понятно, что любви никакой там нет. В этом смысле предлагается переосмысление?

И не надо упрекать меня — дескать, тебе про имперскость, а ты о сексе... У либералов всегда так: целятся в коммунизм, а попадают в Россию, целятся в имперскость, а попадают в русскость.

Так каким же «другим народом» нам советуется стать? «Интермаль-

чиками»? Родина там, где мне хорошо, а хорошо мне там, где есть маны в кармане. А откуда маны — коммерческая тайна!

Вот тут важная черта «ментальной специфики» русских. Теперь уже без привязки к коммунизму звучат откровенные огорчения либералов о том, что «народ не тот для либеральных моделей», о русской «природной склонности к приоритетам общественных интересов над личными». Один из причастных к формулированию идеологии нынешней власти прямо сказал: «Модернизация России мешают русские. Они архаичны. В российском менталитете общность выше, чем личность. В общем, человеческий материал не созрел» (И. Юргенс).

Что наделали, называя народ приоритет частного выбора? Кто вырос, обманутый обожествлением «индивидуальной личности»? Высокомерное «я» с длинным рядом нулей на счёте, неподсудное на основании владения контрольным пакетом акций и умением сделать контрольный выстрел в голову. Ладно — криминал это крайность. Но сколько наплодили самозванцев, самовыраженцев, самовыдвиженцев! И прочих разного рода «самов», но только не самоотверженных сынов и дочерей родины, готовых себя и свои интересы подчинить интересам страны и народа. Неужели это и есть новая «русскость», равная «немечкости», «французскости», «американскости», «китайскости» и прочим чувствам причастности к великому как по численности, так и по истории народу?

Меня — увольте. Не согласен. Альберт УСТИНОВ, г. КОРОЛЁВ

КНИЖНЫЙ РЯД

Представление фетишизма

Этот мир заселяется автономными силами — Деньгами, Рынком, Экономикой, Государством, Историей, Наукой, Искусством, которые оказываются выражениями человеческой деятельности и социальных отношений, но при этом, кажется, господствуют над своим создателем, обладая какой-то ужасной силой.

Даниэль Бенсайд

Бенсайд Д. Спектакль как высшая форма товарного фетишизма. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2012. — 128 с. — Тираж не указан.

Капитализм со времён Маркса сильно изменился. Есть ли альтернатива, другой возможный мир, жизнь после капитализма?

Этим вопросам посвящена последняя книга Бенсаида, вышедшая посмертно, зато практически сразу переведённая на русский язык. Название отсылает к знаменитой работе Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» и перекликается с названием подпisanного именем Че Гевары трактата «Идентичность как высшая стадия дуализма», который тоже обличает фетишизм — «всё упирается в деньги — потому что деньги давно уперлись сами в себя».

Термин «фетишизм» был предложен первоначально для обозначения культуры отдельных предметов, в которых первобытные африканские племена видели воплощение или олицетворение своих божеств. Новую жизнь этот термин обрел в учениях Маркса и Фрейда, которые вскрывают своеобразный эффект подмены и замещения, когда определённым вещам приписываются свойства более крупных и невещественных образований. Так, например, товар оказывается непосредственно воспринимаемым воплощением

общественных отношений между людьми, которые невозможно пощупать и от которых зависит каждый человек. Поэтому создаётся впечатление, что человек зависит от тех или иных товаров, хотя их наличие в распоряжении данного человека зависит от других людей.

Бенсайд сосредоточился на социальных аспектах фетишизма. Он более или менее подробно разбирает концепции теоретиков развития марксизма шестидесятых годов, когда капитализм в очередной раз преобразуется, а фетишизм распространяется практически на всю культуру. Тогда же появляются труды, в которых разрабатывается критика фетишизма культуры, рассматривающего её как товар. Именно спектакль (точнее — превращение всего происходящего в капиталистическом обществе в спектакль) замыкает круг господства, заранее предвосхищая любую возможность любого протеста или любого критического высказывания в качестве ещё одной разновидности спектакля. И поэтому как раз со спектаклем как высшей стадией товарного фетишизма и надо, по мнению Бенсаида, разбираться более обстоятельно, если вообще надеяться от фетишизма избавиться.

Преодоление капитализма, по-видимому, невозможно без преодоления фетишистских представлений, благодаря которым капиталистические отношения опять воспроизводятся, даже когда самих капиталистов нет, как это и произошло в СССР. И требуется не только теоретическое развенчание фетишизма, но и практическое развенчание его из обычной жизни людей. Сегодня, когда капиталистическая система начинает идти вразнос и экономический кризис из-за системных причин собирается усиливаться, обсуждение проблемы фетишизма сложно переоценить.

Бенсайд не даёт окончательных ответов, универсальных рецептов или прямых призывов к действию, но предлагает задуматься и предостеречь для этого множество вдохновляющих поводов.

Василий КУЗНЕЦОВ

АЛЕКСАНДР СЕРАФИМОВИЧ — 150

Колоссальное богатство нашей литературы иной раз приводит к тому, что мы на длительное время забываем большого писателя или привязываем его к единственному хрестоматийному сочинению. Так и А. Попов, оставшийся в литературе под псевдонимом Серафимович, оказался «заложником» своего романа «Железный по-

ток», который изучался в школах и вузах. Создавалось искусственное впечатление, будто остальные произведения писателя не стоят внимания. Между тем семитомное собрание его сочинений свидетельствует о том, что Серафимович — писатель большой, разнообразный и... необычайно актуальный. В подтверждение послед-

него тезиса мы публикуем фрагмент обширной работы советского литературоведа А.А. ВОЛКОВА о романе А. Серафимовича «Город в степи». Статья Волкова из его вузовского учебника не переиздавалась более 40 лет, и кажется, будто она написана о современном актуальном романе из жизни современной России.

«Роман, достойный Балзака»

В 1912 году вышел роман Серафимовича «Город в степи»... Раскрывая замысел своего произведения, Серафимович писал: «Мне хотелось показать беспощадное давление капитализма на рабочую жизнь. Я хотел дать движение развёртывающейся буржуазии, возникновение бурного процесса первоначального, художественно показать образование и рост буржуазии одновременно с ростом рабочего класса. Когда буржуазия начинает развираться, ей нужна полиция, нужны попы, церквы. Мне пришлось попутно рисовать и это»...

Надо сказать, что само место действия романа — строительство железной дороги, а также выявление разлагающегося влияния буржуазной «культуры», осваивающей уездную глушь, сближают «Город в степи» с «Варварами» Горького. Но это только одна из нитей, которые протягиваются от романа Серафимовича к творчеству великого писателя. В «Городе в степи» ещё более полно и многогранно, чем в рассказах о 1905 годе, выявляется благотворное влияние Горького. Оно сказывается прежде всего в обрисовке характеров главных действующих лиц романа: Захара Короедова и инженера Пыльнова. Захар Короедов — представитель нарождающегося и растущего капитализма; он шагает в ногу со своим временем и понимает, какие выгоды ему сулят новые, более высокие формы эксплуатации.

Образ Короедова, несомненно, большая художественная удача автора; он нарисован мастерски, дан в органической связи внешней пластичности и внутренней психологической сущности. Создавая первый художественный портрет Короедова, писатель выделяет в нём характерные черты первоначального капиталиста. Захарка избирает женщин, которых заставляет торговать собой, беззастенчиво грабит мужиков. Он ростовщик, вор, истязатель; если ему выгодно, он убьёт. Беспощадной и безжалостной эксплуатацией наживает он своё состояние. Воссоздавая взаимоотношения Короедова периода первоначального накопления с крючником Липатовым, с хрымым вышибалой притона, с мужиками-ремесленниками, Серафимович черта за чертой ярко раскрывает психологию этого фанатика барыша и чистогана.

Выстрел Пыльнова в Короедова вызывает резкий перелом в поведении и даже в облике Короедова. Поправившись от ранения, Короедов постепенно забирает в руки Пыльнова с помощью «немого» шантажа. Встречая Пыльнова, он всякий раз низко ему кланяется, произносит слова уважения и добавляет в спину не отвечающему на приветствие Пыльнову: «Никому не скажешь, не только что доносить... Будьте благонадежны». Но эти слова для Пыльнова подобны удару бича по обнажённому телу раба. Он чувствует себя в власти Короедова, но в нём нет воли, чтобы разрубить этот гордиев узел, пойти и донести на себя.

На этой слабости инженера ловко играет Короедов. Характер Короедова эволюционирует от открытой подлости до замаскированной, прикрытой ханжеством и лицемерием буржуазной «морали». Ранее Захарка открыто грабил и содержал притон разврата, теперь Захар Касьяныч переходит на позиции узаконенного грабжа. Старые методы ему уже не годятся, у него иной капитал, иной размах, иные обороты. Он говорит недоумевавшим и подозревающим очередную подвох мужикам: «Вексель переписем. Клад я вам двенадцать процентов казённых да в вексель включал скрытый процент, ан вышло по шестьдесят, по восемьдесят, даже до ста процентов. Теперь всё это скидываю, секретную сумму из векселя выключая, а проценты с вымышленного дна кладу божеские — восемь процентов, и никто не будет обижаться, ни мне, ни вам не обидно».

Короедов выходит на широкую общественную арену. А там, в мире капитализма,

к которому он отныне принадлежит, свои законы, и преступать их нельзя. Умный и волевой человек, Короедов обрасывает с себя старое «рубаше», чтобы облечься в новые одежды капиталистической цивилизации. Являясь владельцем чуждополютейного и масляного заводов, табачной фабрики, домов и земли, он всячески способствует благоустройству вырастающего в степи города. Но под внешней благообразностью Короедова-промышленника скрывается хищный зверь.

Став промышленником, Короедов насаждает «порядки» и «культуру» в своём городе. Он убеждает сограждан завести по-

сторонние власти. Им подкуплены и мировой судья, и заседатель, и адвокат, он держит их в руках и заставляет выполнять свою волю. Короедову, собственно, и полиция нужна в посёлке, чтобы она стала его собственной полицией.

Серафимович показывает не только силу, но и обречённость Короедова, его неминуемую гибель. Олицетворением предвещаящей гибели Короедовых является внук и одновременно сын Короедова — эпилептик Сергей. Вполне естественно, что дегенерат Сергей не может претендовать на то, чтобы взять в свои руки дела дома Короедовых.

дорогой голову, удерживая дёргающиеся руки и ноги, обирая губами пену с узких в страшной синей улыбке губ».

«Город в степи» построен по принципу параллельно развивающихся тем и сюжетных линий, которые то выступают раздельно, то сливаются воедино. Одной из них является тема отношения интеллигенции к окружающей действительности, выявления её позорной роли при сдвиге капитализма, вскрытие её взаимоотношений с революционным народом. Этим тема в романе Серафимовича отведена значительное место. Изображая представителей буржуазной интеллигенции, писатель подчёркивает, что их «культура», изысканность речи — это лишь маска, прикрывающая защиту узко эгоистических интересов. Серафимович особо подчёркивает, что стремление к комфорту и обеспеченности полностью определяет образ действия этих интеллигентов. Работающий на строящейся железной дороге инженер Пыльнов, по отзывам своей супруги, — «бесхарактерный, тряпка». Весь смысл жизни для него был в «уютной, чистой, прекрасно обставленной, с книгами, роялем, картинами квартире... Второй круг составляла его служба, постройка и множество людей, связанных с этим».

В начале романа Пыльнов как будто резко отрицательно относится к «делам» Короедова, но вскоре выясняется, что всё это лишь «благие» мысли, что у Пыльнова, как обычно, слово расходится с делом. Вся история взаимоотношений Пыльнова и Короедова говорит о том, что так называемому либеральному интеллигенту по пути с промышленными делами. Либеральная фразеология подобных интеллигентов, их «презрительное» отношение к выскочкам, их показная гуманность — всё это атрибуты маскировки, той половинчатости, которой отличалась ренегатствующая интеллигенция.

Пока отношения с рабочими не затрагивают узкого круга его личных интересов, Пыльнов — «гуманист», он даже не прочь пометать «о людском счастье», «о счастливой человеческой жизни», мысленно представляя себе, как проложенная им дорога понесёт культуру и свет в «убогие землянки рабочих». Эти благие порывы проявляются и в том, что Пыльнов требует от администрации построить больницы и школы для рабочих. Пыльнов с презрением отвергает приглашение Захара Короедова поступить к нему на службу, а когда тот предлагает ему грязную сделку, то стреляет в него.

Таков Пыльнов в начале своей деятельности, пока его гуманистические устремления ещё не столкнулись с личными интересами, пока он может мечтать, ничего не принося в жертву, любя себя собственными «высокими» чувствами. В конце концов он вынужден сбросить маску, выступить совсем в ином обличье.

Как только на железной дороге вспыхивает забастовка, обнаруживается ничтожество души, мелкий эгоизм Пыльнова. Помощник Пыльнова метит на его место, и первая мысль, которая возникает в голове инженера, — это мысль, что он может потерять своё служебное положение. «Это для тебя подходящий случай попытаться оттолкнуть меня и занять моё место», — думает он о своём помощнике, а затем решает действовать смело и энергично, чтобы устранить угрожающую ему опасность.

Тот же Пыльнов, который ранее пространно рассуждал о тяжёлой жизни рабочих и как будто сочувствовал им, в действительности настолько далёк от понимания их интересов, что не может даже найти с ними общего языка. Достаточно показателен в этом смысле разговор Пыльнова с забастовавшими рабочими.

Слушая возражения забастовщиков, Пыльнов думает: «Нет, с ними только плетью разговаривать». Пропасть, и ранее от-

деляющая Пыльнова от рабочих, стала ещё глубже. Покидая толпу железнодорожников, инженер каждую минуту ожидал, что «плюхнется в затылок пушечный зади камень».

Близок по духу Пыльнову его зять Пётр. Подобно Пыльнову, он кончает тем, что пристраивается на работу всё к тому же «всесильному» Захарке, охотно простившему ему «грехи» молодости. А эти «грехи» — революционная деятельность.

Серафимович показывает, что не подлинная революционность, а некий псевдоромантизм толкнул Пётра на путь революции. Теряя по мере отхода от революции своё революционное оперение, он превращается в обычного мешанина, и революционная фраза в его устах становится штампом.

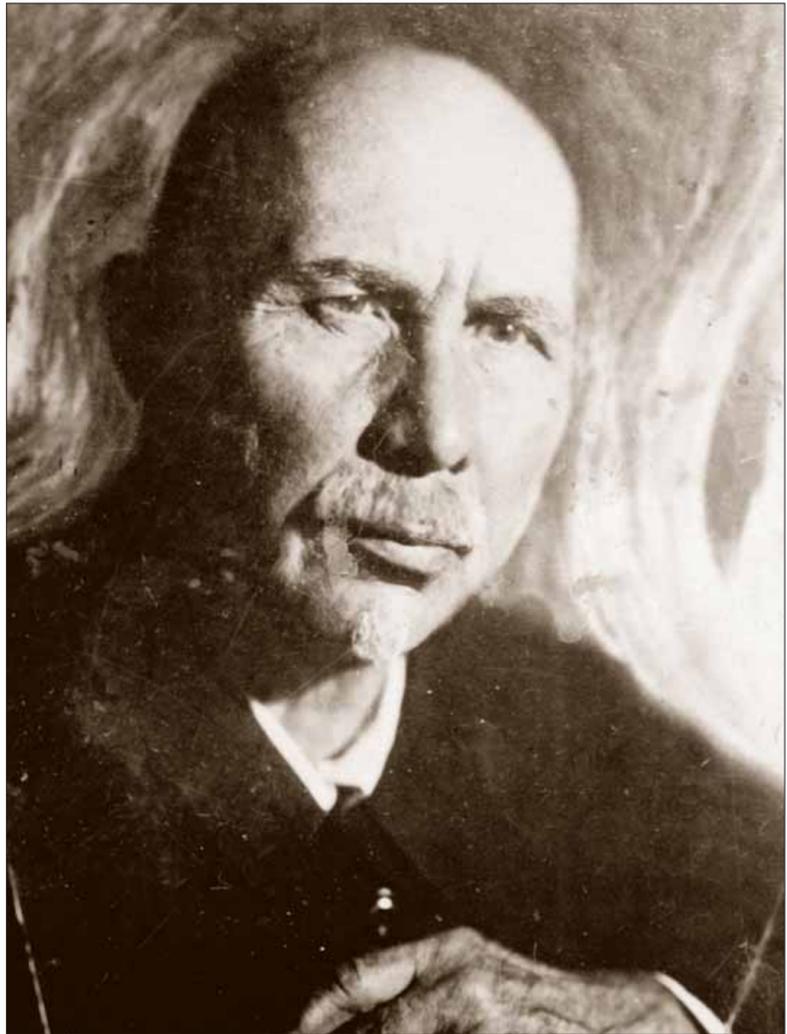
Готовясь к безмятежной, «настоящей» жизни, Пётр серьёзно обеспокоен вопросом о комфорте, который должен вознаградить его за лишения и тревожения молодости. Поэтому столь символична одна из заключительных сцен романа, где рабочая демонстрация обходит «чужого» ей Петра...

Изображая коллектив рабочих, Серафимович выделяет образы двух вожаков: Рябого и Волкова. Рябой до конца остаётся верным своим убеждениям и попадает в ссылку в Сибирь. Волков постепенно отходит от революционного движения, приобретает домик, обрывает хозяйством...

И в идейном, и в художественном отношении роман «Город в степи» является как бы «квинтэссенцией» творчества Серафимовича. Писатель стремился сконцентрировать в романе весь свой жизненный и творческий опыт. И, написав его, он ясно увидел и сильные и слабые стороны своей работы. «Я считаю, — говорил Серафимович впоследствии, — что наиболее характерные черты моей писательской физиономии ярко отразились в моей крупной вещи «Город в степи»...

В своей оценке романа Серафимовича А.В. Луначарский справедливо отметил, что процесс капиталистического накопления занимает в нём основное место. Он писал: «Город в степи» — это роман, достойный Балзака. Перед нами громадный организм города, возникающего около железной дороги и по-американски растущего так, что меняется не только облик, но и характер его жителей и их взаимоотношений...»

В художественном отношении «Город в степи» является новым этапом в творчестве Серафимовича. Он построен как многоплановое полотно с пересекающимися сюжетными линиями. В романе дано несколько фабульных линий, из которых главными являются общественная и семейная коллизия инженера Пыльнова и история капиталистического предприятия Короедова. Эти две главные линии на протяжении романа тесно связаны между собой и непосредственно влияют одна на другую. В романе «Город в степи» вновь проявилось большое изобразительное мастерство писателя. Яркие степные пейзажи сменяются здесь красочными картинами индустриального строительства, живыми сценами из повседневного быта городских окраин и строителей железной дороги. Вот одно из таких мест романа: «Заколыхался белый султан над чёрным призмистым рабочим паровозом, и пошли говорить, мелькать друг за дружкой колёса, всё ускоряя мельканье и говор; и побежали платформы: гружённые песком, камнем, тяжело катящиеся, низкие, а в хвосте последняя весело и легко бегала — живая, открытая, — и вся пестрела красными, синими, белыми рубашками, загорелыми лицами. Торчали лопаты, ломы, кирки, а по краю, свесившись, мелькали над полотном в опорках, в лаптях, а больше — босые загорелые грязные ноги».

Александр Серафимович

лицию, — «и чтобы заседатель у нас жил, — население торговое, эва, раскинулось, по крайности, по ночам будем спать покойно». Он хочет построить «храм божий», ибо «надо нам и об душе подумать». Он обращается к людям с елейными, ханжескими речами, призывая прикрыть его звериную жестокость, порочные страсти. Меняется даже внешний облик Короедова. Это уже «патриарх с седой бородой, со строгим, похушевским, иконописным лицом», и «у этого высокого худого старика, с большой белой бородой, с бледным лицом, казалось, не могло быть иных слов, кроме медленных и спокойных, и все звали его теперь неизменно Захар Касьянычем». Действуя подкупом, он постепенно подчиняет себе не только жителей посёлка, но и ме-

Серафимович уделяет особое внимание ненормальным взаимоотношениям Захара и Сергея и в назревшем конфликте между ними выражает идею неизбежной гибели Короедовых. Таков, собственно, основной смысл их последней встречи. «Сергей всё больше и больше гнул, и жёлтая кожа на лице дёргалась, сился сложиться в улыбку, не то в синюю судорогу. Повалился нескладно смятым телом на мягкий ковёр, цепляясь за резные ножки стола. Голову притянуло к плечу, как вывернутую, открытые глаза закатились и белками глядели в расписанный потолок. Из узко сведённых синих губ выбивалась пена, ноги судорожно вали, выворачивая колени. Трясясь, пополз старик по ковру, обнимая, оттягивая туго притянутую су-

ЛИТЛИНФОРМБЮРО

ЛИТПРЕМИИ

В Санкт-Петербургской Александровской Невской лауреатом удостоился награждение лауреатов Всероссийской православной литературной премии имени Александра Невского за 2012 год с вручением именных медалей и денежных премий. В номинации «Поэзия» были отмечены петербуржцы В. Бурдина, Т. Лапина и В. Тухтунский. Диплома «За вклад в развитие русско-сербского культурного обмена» была удостоена монахиня Теодора (Белград, Сербия). В номинации «Проза» первую премию получил В. Лихонос (Краснодар), в этой же номинации были отмечены Ю. Лошци (Москва) и В. Моля (СПб.). В номинации «Богословие и философия» первую премию получил архиепископ Константин (Горянов) из г. Курган, особой премией был награждён А. Корольков (СПб.). В номинации «Народоведение» первая премия была присуждена А. Некрыловой (СПб.), в этой же номинации был отмечен Ю. Курдин (Нижегород). В номинации «Книга для детей»

первая премия присуждена Б. Сергуненкову (СПб.). В номинации «Лучший журнал (альманах)» первую премию получил редактор-составитель альманаха «Петербургские строфы» М. Аникин (СПб.).

Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям подвело итоги ежегодной премии за лучшую книгу журналиста, приуроченную ко Дню российской печати. Лауреатом 2012 года стала журналист радио «Эхо Москвы», ведущая популярнейшей передачи радио «Говорим по-русски» Марина Королькова за роман «Верещагин. Кончерто гроссо». Роман вышел в издательстве «Астрель» в 2012 году.

ЛИТФОРУМ

Традиционные чтения, посвящённые памяти Осипа Мандельштама, прошли во Владивостоке. Открылись чтения возложением цветов к памятнику поэту, установленному в сквере ВГУЭС. По традиции почтить память поэта пришли придорожные поэты, журналисты, историки, а также студенты. У памятника прочли стихи студенты академического коллед-

жа ВГУЭС, иностранные студенты, изучающие русский язык, и известные приморские поэты. В аудитории университета был показан документальный фильм «Мой Мандельштам».

Книжная ярмарка «Музей читатель» прошла в музее «Пресня». Идея ярмарки принадлежит сотруднику музея, историку Илье Будрайтскому. Ярмарка организована совместно с книжным магазином «Фаланстер» и «Альянсом независимых издательств и книготорговцев». Самым заметным в работе было присутствие петербургских издательств — «Алетейя», «Издательство Ивана Лимбаха», «Лимбус», «Издательство Европейского университета».

ЛИТДАТА

Исполнилось 130 лет со дня рождения Алексея Толстого. В честь юбилея сотрудники Самарского муниципального литературного музея подготовили цикл мероприятий. В его рамках в усадьбе А. Толстого прошёл показ фильма «Золотой ключик» (1939 г.). Был также проведён цикл бесед «Толстовские встречи». Первую встречу цикла, названную «Читая роман

«Пётр Первый», провёл профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Самарского государственного университета Сергей Голубков. Юбилейные мероприятия будут идти в течение всего 2013 года.

ЛИТПАМЯТНИК

В Кишинёве будет установлен памятник Гугуцэ — знаменитому персонажу сказок Спиридоны Вангели. Также именем Гугуцэ будет назван парк, который власти планируют разбить в Кишинёве в первом квартале этого года. Министерством культуры разработан план мероприятий по случаю года Спиридоны Вангели, которым объявлен 2013-й.

ЛИТЮБИЛЕЙ

80 лет исполнилось известному петербургскому писателю Илье Штемлеру. Горячо поздравляем Илью Петровича с юбилеем!

ЛИТУРАТА

На 62-м году жизни скончался прозаик, лауреат литературной премии «Прохоровское поле», почётный гражданин города Белгорода Александр Крупинов.

Центральный Дом литераторов

Большой зал
24 января — Бюро пропаганды художественной литературы, Клуб писателей ЦДЛ, Комиссия по творческому наследию поэта Николая Дмитриева приглашают на литературно-художественный вечер «Я понимаю: все мы тоже вернувшиеся с той войны» к 60-летию со дня рождения поэта. Начало в 18.30.
26 января — «Я буду полезен потом». Посвящение Тонино Гуэрре. Вечер ведут Паола Волкова и Юрий Рост, начало в 19.00.
Малый зал
24 января — Юбилейный вечер Петра Дегтярёва, начало в 18.30.
25 января — 30-летие литературной мастерской «Кипарисовый Ларец» и презентация «Альманаха-2012», начало в 18.30.
26 января — «Москва поэтическая», ведущая — Наталия Родионова, начало в 14.00.
«Лютня Ориоль» представляет... Литературно-филологический вечер «Свет и тьма в эзотерических учениях», ведущий — Леонид Володарский, начало в 17.00.

МЕСТО ВСТРЕЧИ

27 января — юбилейный творческий вечер Инны Кабыш «Отличница. Общественница. Стерва», ведущий — Игорь Волгин, начало в 16.00.
28 января — Клуб книголюбителей имени Е.И. Осетрова (485-е заседание). «Как это было...» Представление книги. Вечер ведёт Наталья Корниенко, начало в 18.00.
29 января — «Жить с правдой, как с ребёнком на руках». Вечер памяти Григория Поженяна, начало в 18.30.
Книжный магазин-клуб «Типерион»
Рабочая, 38
24 января — презентация книги стихов Константина Арбеня «Второе января», начало в 20.00.
Дом-музей Марины Цветаевой Борисоглебский пер., 6
24 января — представление книги «Странники войны. Воспоминания детей писателей. 1941–1944». Автор-составитель — Н.А. Громова. Встреча с авторами воспоминаний. Начало в 18.00.

Дом русского зарубежья Нижняя Радищевская, 2
29 января — творческий вечер поэта Александры Крючковой ««Это — любовь!» (стихи и песни)», начало в 19.00.
Культурный центр Библиотеки им. Чехова Страстной бульвар, 8
24 января — стихи читают Юрий Кабанков, Владимир Берязев, Алексей Ивантер, Станислав Минаков, начало в 19.30.
Литературный клуб «Мир внутри слова» Дмитровское шоссе, 163 а, кор. 2, гостиница SK ROYAL
27 января — вечер участников литературного клуба в формате «свободного микрофона», ведущая — Елена Зейферт, начало в 19.00.
Музей-библиотека Н.Ф. Фёдоровы Литературно-философская студия «АЛЕТЕЙЯ» Профсоюзная, 92
25 января — круглый стол «Русские мальчики» в литературе и жизни», начало в 18.00.

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Лауреаты и дипломанты Всероссийской премии имени Антона Дельвига

«ЗОЛОТОЙ ДЕЛЬВИГ»

Магомед АХМЕДОВ

Народный поэт, переводчик, критик и публицист. Пишет на аварском и русском языках. Критики называют Ахмедова духовным и поэтическим преемником Расула Гамзатова.

Родился 13 ноября 1955 г. в селении Гонада Гунибского района Дагестанской АССР.

Окончил с отличием Литературный институт им. М. Горького в Москве (поэтический семинар Ал. Михайлова). Член Союза писателей СССР с 1984 года. Первая книга Магомеда Ахмедова «Ночные письма» вышла в 1979 г. Его стихи на русский язык перевели Юрий Кузнецов, Станислав Куняев, Сергей Васильев, Евгений Семичёв, Александр Ерёмко, Раиса Романова, Алексей Бинкевич и др. О стихах М. Ахмедова высоко отзывались Расул Гамзатов, Лев Озеров, Валентин Распутин, Александр Михайлов, Вадим Дементьев и многие российские писатели. За последние годы изданы книги: «Поэт», «Тайный час», «Поэт и народ» и др. М. Ахмедов написал несколько глубоких исследовательских работ о русских поэтах С. Есенине, Н. Рубцове, Ю. Кузнецове, перевёл на аварский язык произведения А. Пушкина, А. Блока, В. Соколова, Н. Рубцова, Ю. Кузнецова, О. Чухонцева и других русских поэтов. Председатель правления Союза писателей Республики Дагестан.

Владимир ЛИЧУТИН

Прозаик, публицист, эссеист, этнограф. Родился 13 марта 1940 г. в Мезени. После окончания лесотехнического техникума, службы в армии, работы на заводе в Ленинграде

поступает на факультет журналистики Ленинградского университета. В 1972-м в журнале «Север» (№ 8) появляется первая повесть писателя «Белая горница», которая сразу принесла ему известность. В 70-е выходят повести «Иона и Александра», «Обработно — время свадеб», «Душа горит», «Бабушки и дядюшки», «Золотое дно», «Крылатая Серафима», «Вдова Ньюра». Появляется в печати первый исторический роман Личутина «Долгий отдых», а затем — «Скитальцы», который вместе с романом «Долгий отдых» составляет дилогию. В Личутин углубляется в изучение истории русского раскола XVII в. и создаёт трёхтомную эпопею «Раскол», за которую удостоен премии правительства РФ. Лауреат Большой литературной премии России, премии «Ясная Поляна», Бунинской премии.

Мария СЕМЁНОВА

Прозаик, поэт, переводчик, историк, этнограф. Автор многих исторических произведений и исторической энциклопедии «Мы — славяне!», одна из основателей «славянского

фэнтези». Родилась 1 ноября 1958 г. в семье учёных. В 1986 г. на совещании молодых литераторов Северо-Запада Семёнову поддержали Радий Погодин и Валерий Воскобойников. В 1989 г. в «Детской литературе» вышла первая книга — «Лебеди улетают». После многочисленных переводов зарубежного фэнтези на свет появился знаменитый «Волкодав», принёсший Семёновой подлинную славу. Она — лауреат премии «Лучшая книга года», премий им. А. Беляева и «Аэлита», Мир фантастики «Итоги года» и Роскон. Всё написанное Семёновой причисляют к фэнтези, хотя к этому жанру относятся лишь две части «Волкодава» и — с определённой натяжкой — «Поединок со Змеем», художественный пересказ скандинавских и славянских языческих мифов. Остальное — исторические романы.

ЛИТРЕЗЕРВ

Влада АБАИМОВА

Родилась 16 апреля 1991 г. в Оренбурге. Студентка Российского государственного торгово-экономического университета. Член литературного объединения им. В.И. Даля. Лауреат Всероссийской литературной премии «Капитанская дочка», лауреат литературного конкурса «Мой город любимый», дипломант литературного конкурса имени Валерии Правдухиной, участница VI Международного совещания юных литературных дарований в Литературном институте им. А.М. Горького. Печаталась в газете «Вечерний Оренбург», в журнале «Москва», в альманахе «Гостиный двор», в трёхтомнике «Внуки вешего Бояна». Автор книги «Выжженная полоса».

Антон ЛУКИН

Родился 2 декабря 1985 г. Живёт в прекрасном месте — селе Дивеево Нижегородской области. Окончил школу, Ардатовский аграрный техникум по специальности «правовед», отслужил в армии. Пишет сказки, рассказы, стихи. Печатался в газетах «Ударник», «Новый город №», «Тайны, Приключения, Чудеса», «Арзамасские вести», «Волга», «День литературы», «ВЕС-ТИ». В 2009 г. в Нижнем Новгороде издал две книги: «Волшебная страна» — сказки и «Голубоглазая» — рассказ. В марте 2010 г. к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне издал книгу памяти о своём прадедушке Кулакове Александре Алексеевиче, героически павшем 12 февраля 1943 г. Книга называется «Судьба солдата». Следом за ней был сборник рассказов «Самый сильный в школе». В 2011 г. в свет вышла повесть «Антошка».

Анастасия ОРЛОВА

Родилась и живёт в Ярославле. Мать двоих детей. Песенки, шутки, прибаутки для детей от года до трёх — любимый жанр молодой поэтессы. Сочинить настоящее, без сюсюканья и банальностей стихи для самых маленьких способны очень немногие. Образы, рифмы должны быть просты, но не примитивны, языковые игры — понятны и отточены до блеска. Первая книга молодого автора «Яблочки-пятки» была восторженно встречена корифеями детской литературы. Вот что написал об Анастасии Орловой редактор-сопоставитель Михаил Яснов: «Я бы очень хотел, чтобы на эту книгу обратили внимание все — и родители, и педагоги дошкольных учреждений, все, кто имеет дело с воспитанием самых маленьких наших чад. Книга «Яблочки-пятки» — очень редкий случай в новой (новейшей!) поэзии для малышей, когда традиционная поэзия пестования, в основном фольклорная, широко распространённая в уже далёком прошлом, возвращается к нам, возрождается в новом — авторском — исполнении. Возрождается, на мой взгляд, блестяще, интересно и по-настоящему...» В издательстве «Росмэн» готовится к выходу книга Орловой «Обожаю ходить по облакам», победившая в III Всероссийском ежегодном конкурсе «Новая детская книга».

«СЕРЕБРЯНЫЙ ДЕЛЬВИГ»

Антология «ПОЭТЫ «СИБИРСКИХ ОГНЕЙ»

Пятистотстраничное издание было составлено к 90-летию старейшего «голдстога» журнала России, стоящего на позициях евразийской школы. 60 авторов, самых известных российских поэтов и поэтесс, опубликовавшихся в «СО» за последние 12 лет. Несколько человек (А. Кобенков, В. Башунов, М. Вишняков, Д. Новиков, М. Анищенко и др.) уже, к сожалению, ушли из жизни. В предисловии замечательная поэтесса С. Кекова пишет: «Евразийство в поэзии — это не наследие Чингисхана», а наследие Пушкина, Тютчева, Гумилёва, Мандельштама, Васильева, Заболоцкого, Тарковского и многих, многих других. Свидетельство тому — предлагаемая читателю антология, которую выпускает в свет «евразийский» журнал «Сибирские огни»... При всей яркости и оригинальности поэтических миров, представленных в антологии, каждый из поэтов является продолжателем классической поэтической традиции, прошедшей иску Серебряного века и сознательно отвергнувшей постмодернистские соблазны».

Юрий АРХИПОВ

Ведущий германист России, переводчик, литературовед, критик, публицист. Родился 16 марта 1943 г. в Малой Вишере. Учился на филологическом факультете МГУ, там же в аспирантуре. Работал в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН (ИМЛИ). Перевёл на русский язык более 100 значимых произведений германо-язычной литературы — Тика, Гёте, Гофмана, Рильке, Ницше, Ремарка, Грасса, Бюхнера, Кафки, Фриша, Гессе, Бёлля, Рота и многих других. Создал новую русскую интерпретацию произведений Ф. Кафки. В переводе Ю. Архипова широкий читатель знаком с романом Э.-М. Ремарка «Три товарища». Автор более двух тысяч литературоведческих и критических работ. В 1990 г. опубликовал в «ЛГ» сенсационную статью «Родное и вселенское», в которой впервые мощно и всеобъемлюще выразил идею собственного пути России. Выступает с лекциями по русской литературе (от Пушкина до Распутина) и по русской религиозной философии в Англии, Польше, Швейцарии, Австрии, Германии. Лауреат шести премий за лучшую статью года. В издательстве «Молодая гвардия» в серии ЖЗЛ готовятся к изданию книги Ю. Архипова «Елизавета Фёдоровна» и «Ницше».

Сергей БЕЛЯКОВ

Историк, литературовед, литературный критик. Родился 1 октября 1976 г. в Свердловске (Екатеринбурге), где живёт и теперь. С отличием окончил исторический факультет Уральского государственного университета. Защитил кандидатскую диссертацию по специализации «Всеобщая история». Заместитель главного редактора литературного журнала «Урал». После первой столичной публикации («Одинокий парус Остапа Бендера») стал лауреатом премии журнала «Новый мир». Печатается в «толстых» литературных журналах («Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Континент» и др.), столичных газетах, на интернет-сайтах («Взгляд», «Частный корреспондент»). Любимый жанр Белякова — художественное исследование («Одинокий парус Остапа Бендера», или «Три портрета на фоне войны» (Александр Проханов, Эдуард Лимонов, Константин Воробьёв), или «Парижский мальчик Георгий Эфрон между двумя нациями»). В истории русской литературы более всего интересуется 20-ми годами XX века. Лучшие статьи посвящены творчеству Юрия Олеши, Николая Заболоцкого, Валентина Катаева, Ильи Ильфа, Евгения Петрова.

Юрий КАБАНКОВ

Поэт, переводчик, критик, публицист, филолог, философ, богослов. Родился во Владивостоке 21 июля 1954 г. Служил на Тихоокеанском флоте, работал парашютистом-пожарным, электромонтажником, учился на филологическом факультете ДВГУ, преподавал русский язык и литературу в средней школе, редактировал книги. Выпускник Литературного института им. Горького. Лауреат премии им. Горького издательства «Молодая гвардия» (Москва) «За лучшую первую книгу» («Кто служит ветром...», 1986 г.); лауреат премии критиков Союза писателей РСФСР «Лучшие стихи года» (1990 г.); лауреат премии губернатора Приморья «За достижения в области литературы и искусства» (Владивосток, 2001 г.). Книга «Камни преткновенные», выпущенная в 1999 г. владивостокскими издательствами «Усури» и «Лавка языков», завоевала в Интернете специальный приз конкурса русской сетевой литературы. Многие критики отмечали сложную метафорическую манеру письма Кабанкова. Он ярко заявил о себе в эпическом жанре, приблизившись к классической традиции золотого века советской поэмы, и прежде всего к опыту Павла Васильева и Бориса Корнилова.

Юрий КОЗЛОВ

Прозаик, автор более 20 книг. Родился 23 июля 1953 г. в Великих Луках в семье писателя Вильяма Козлова. Окончил Московский полиграфический институт. Работал в журнале «Пионер», служил в армии. В 26 лет познал писательскую славу (роман «Изобретение велосипеда»). Один из лучших современных прозаиков России — как по стилистике, так и по идейной насыщенности произведений. Его прозу называют психологической, философской, экстремальной, отвечающей духу XXI столетия. Неоднократно отмечалось, что романы этого автора имеют пророческий характер. Творчество Ю. Козлова отражает и осмысливает всё, что произошло и происходит с нашей страной и миром. Каждое его произведение — «Колодец пророков», «Ночная охота», «Одиночество вещей», «То же», «Проситель», «Предел мечтаний», «СВОБОДА» — становится литературной сенсацией. Лауреат всероссийской премии «Традиция», премий «Роман-газеты» и московского правительства, Малой российской премии за объективность и честность в творчестве. Главный редактор «Роман-газеты».

Юрий НЕЧИПОРЕНКО

Прозаик, арт-критик, художник, культуролог. По специальности биофизик, доктор физико-математических наук. Родился 4 мая 1956 г. Школьником одержал ряд побед на олимпиадах по физике и математике, поступил на физический факультет МГУ. Преподавал в лицее при РГГУ, в университете Нестеровой и в МГУ — читал лекции по истории мировой культуры, теории перформанса и биофизике ДНК. Работал литературным редактором в издательском доме «Весёлые картинки». Первая литературная публикация состоялась в 1988 г. На сегодня опубликовал более сотни рассказов, три повести, роман, более 300 статей в области художественной критики и множество книг: «Ярмарочный мальчик: жизнь и творения Николая Гоголя», «Помощник царя: жизнь и творения Михаила Ломоносова», «Начальник связи» (в серии «Для взрослых и детей», в которой Юрий Нечипоренко выпустил ещё 10 книг), «Смеяться и свистеть» (в серии «Для тех, кому за 10»). С начала 2000-х годов — главный редактор интернет-обозрения «Русская жизнь» и детского журнала «Электронные пампасы».

СПЕЦИАЛЬНЫХ ДИПЛОМОВ УДОСТОЕНЫ:

Галина ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ

За большой вклад в отечественную музыкальную культуру и популяризацию русского романа.

Владимир ВАНЕЕВ

Выдающемуся югославскому писателю за книгу «Белые облака на чёрном небосклоне».

Алесь КОЖЕДУБ

За книгу «Дорога на Москву» и укрепление культурных связей между Россией и Белоруссией.

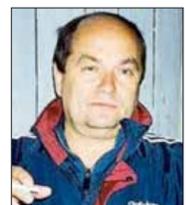

Лия ИВАНЯН

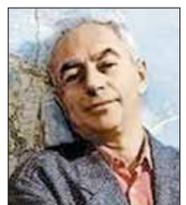
За книгу «Трансформация» и укрепление культурных связей между Россией и Арменией.

Борис КЕЙЛЬМАН

Виталий ШАБАНОВ

Александр ГОРОДНИЦКИЙ

Основателям и подвижникам уникального культурного явления — фестиваля авторской песни имени Валерия Грушина, который состоится в этом году в сороковой раз.

Нужные
людям
слова

Аршак ТЕР-МАРКАРЬЯН

Поздравляем Аршака Тер-Маркарьяна с 75-летием и представляем читателям «ЛГ» новые стихи юбиляра

* * *

*Я, годы свои подытожив,
Подумывал грустно не раз:
Вот были бы песни моложе
Меня молодого сейчас!
Вот были бы чувства острее.
И пусть не осудит молва:
Ведь старость приходит быстрее,
Чем нужные людям слова!*

Воробьи

*Военные опушки.
Осень ли, зима...
А птицам не отпущено
Ни горсточку зерна.
А в поле под Ворожем —
Воронки да метель...
Был одет воробушек
В солдатскую шинель...*

ЭНОИ

*Лето. Лебединый лёд.
На лугах лютики...
Зной лениво льёт
Солнце через дугу.
На обочину дорог,
На затоптанный порог,
На лесные просеки,
На поляны росные...
Запасаются к зиме
В Кушке, у Тамбова...
Всё живое на земле
Солнцем утрамбовано!
Но темнеет волчий лог
В стороне от грейдера...
Лето. Лебединый лёд.
Разреши погрезть?..*

* * *

*Всё улетает! Ну и пусть.
И сад представится*

*И сквозь кору оленем,
Румяных услышу пульс
яблокобиений!
Ещё синё. Толтится лето
Дождём у водосточных труб.
Кропаёт сторож завяленье,
Чтоб выдали ему тулуп!
И, распахнув подвал, мгновению
Седуют, ахнув, мудрецы:
Ведь на жилплощадь Диогена
Вселились нагло огурцы!*

Крепость Гциб

*А там, за ущельем, город Кизляр
Сверкает огнями устало...
Дорога*

*вонзалась в закат,
как кинжал
Из грозной дамасской стали!
А волны алмазно сверкают вдали,
Навеки забыв об утратах...
Заглавною буквой*

*летят журавли,
Как клинопись царства Урарту.
Листва по утрам золотиство рябит
Под звуки ручьиные лютни.
И горы сомкнул*

*по-солдатски
ряды —
Вот так поступать надо людям!
Я верю,
что слово кавказца — гранит,
Порой жарче огненной лавы.
Так пусть возвышается крепость
Гциб,
Как символ величия и славы!*

ДАГЕСТАН, 9 сентября 2012 г.

В одном бесценном
экземпляре

У нас как-то не любят, когда говорят: «деревенская проза», «деревенская поэзия». А мне это близко. Я понимаю, что покойный Василий Белов не только о деревне писал, хотя лучшее у него написано именно о ней. Он шире, глубже... Но разве родная земля исключает всеобъемлющую широту и глубину неизяснимую!

Для меня и стихи Николая — это прежде всего родная земля, русская деревня, русский человек.

Вот в эти новогодние так называемые каникулы я поехал на родину, в свою тверскую деревню. С годами всё тяжелее видеть деревенскую нашу русскую разруху. Чёрные глазницы выбитых окон в покинутых избах, проломы крыш, горестные глаза последних земляков. Безнадёга.

Я часами ходил и ходил и по своей луживой деревне, и в другие заходил, и просто по дорогам просёлочным брёл, где снег почищен... И думалось, конечно, только о судьбе деревенской — и в этой связи о судьбе русской. Вот Личутин везде говорит, что все силы надо государству бросить сейчас на возрождение деревни. Если она совсем погибнет, считает он, то и будущего не будет у русских. Ни детей. Ни русского языка богатого. Ни русской литературы. Вспоминал я и Рубцова, и Есенина... И Николай Дмитриев вспомнился:

Не исчезай, моё село, —
Твой берег выбрали поляне,
И ты в него, судьбе назло,
Вцепись своими тополями.*

*Прижмись стогами на лугу
И не забудь в осенней хмари —
Ты будто «Слово о полку» —
В одном бесценном экземпляре.*

*Вглядись вперёд и оглянись
И в синем сумраке былинном
За журавлями не таянись
Тревожным и протяжным клином.*

*Твоя не миновала пора,
Не отцвети твои ромашки.
Как ими, влажными, с утра
Сентябрь осветят перволашки!*

*Послушай звонкий голос их,
Летящий празднично и чисто,
И для праправнуков своих
Помолодей годков на триста.*

Н. Дмитриев и Ю. Кузнецов

*Эти стихи зацепились за русскую почву.
Эти стихи прорастут, будут жить и цвести...
Дмитриев Коля, скажу тебе нынче заочно
То, что при жизни тебе не сказал я, прости.*

*Строчки твои зацепились за русскую почву.
Книги твои говорят мне о жизни родной...
В книгах твоих открываются добрые почки,
Птицы поют, деревенскою веет весной.*

*Мы из деревни с тобой и поэтому, Коля,
Зримей, понятней нам русской разрухи тоска.
Как хорошо ты рифмуешься — Коля и поля!
Каждая строчка твоя мне понятна, близка.*

*Вот у тебя уже вышла посмертная книга.
Я прочитал её — в ней всё острее и больнее...
В общем, стихи твои, скажем так, высшая лига,
Хоть и не любят пускать в неё русских парней.*

*Ты поработал, талант свой ты выразил полно.
Как ты свободно и плакал, и пел на земле!
Катаются, катаются, катаются вечности волны;
Как маяки, остаются поэты во мгле.*

Из неопубликованного

Николай ДМИТРИЕВ

Пускай ты о родине плачешь,
За эту минуту на ней
Богатые стали богаче,
А бедные стали бедней.*

*И нет ремесла бесполезней,
В потёмках грызая карандаш,
Склоняться над светлюю песней
Среди небывалых пропаж.*

*Но ты почему-то не веришь,
Что плакали те соловьи,
И прежнего мерою мерил
Паденья и взлёты свои.*

*И в сорок умеешь, как в двадцать,
По страшному зову судьбы
С тетрадкой своей расшибаться
О новые медные лбы.*

*Напрасно ты сам их нарушил,
Погибнешь в неравной борьбе,*

*Смотри: полумёртвые души
Мертвеют от злобы к тебе.*

*Но нет, ты не можешь иначе.
Так пусть же от песни твоей
Богатые станут богаче,
А бедные станут бедней.* 1993

Плохой сон

*Неужели душа заплылась?
Обронилась какая-то нить.
И старушка во сне объявилась
С предложеньем меня хоронить.*

*Убедительно, крадливо, мило
И представилась точной судьбой,
За понятный испуг укорила
И звала-засывала с собой.*

*А ребёнок? Взглянул я — хохочет:
— Ничего, — говорит, — он подрос.
— А берёзы, а донник, а ночи?
Ты хохочешь, а зубы того-с...*

*Покривилась и мышью летучей
Ускользнула в ивы края,
И придвинулся ужас ползучий.
И набился почти что в друзья.*

*Не она испугала, а вялость,
Мой почти равнодушный протест,
То, что, в общем, почти сталкивался,
Что вернётся из проклятых мест.*

*Но вернётся на место пустое —
Мне ль не знать, где живая вода.
Я ль не пил это средство простое.
Мне ль не помнить дорогу туда!*

*И не надо ни вздохов, ни писку,
Пусть ещё залетит впопыхах —
Я оставлю ей злую записку
В торопливых, но ясных стихах.* 1995

Память

*Как локоток не укусить,
И не начертать ситом воду,
Так и её не упростить
Хоть на ночь подарить свободу.*

МОСКВА. 1999 ГОД

*Свобода слова, говоришь,
И всяческой приватизации?
Москва похожа на Париж
Времени фашистской оккупации.*

*Пусть продают кругом цветы,
Пусть музыка и пусть движение —
Есть ощущение срамоты
И длящегося унижения.*

*Есть призрак русского маки!
Ни в чьи глаза смотреть не хочется.
Лишь подлецы и дураки
Не знают, чем всё это кончится.*

Таких примеров можно приводить много. Но вот что, мне кажется, стоит отметить особо. Перечитав огромный том стихов «Зимний Никола» в эти дни, я увидел, как из года в год идёт усиление основного мотива, доминанты творчества Дмитриева — человек мается в этом, в т а к о м мире. Он мается и от несовершенства мира, и от своих грехов, и от того, что родина погибает, и от того, что на своём веку «никого я не сделал счастливым»... Это близко к тому, о чём писал Александр Блок: «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?»

Это честный пронзительный взгляд на жизнь, на себя. Но поэт не может не искать выхода к свету. Некой опоры. У Николая этим светом и опорой стали отечественники, герои Отечественной войны, например, подольские курсанты. И в мучительных раздумьях о судьбе страны он переходит на веру:

*В то, что не воскреснет Русь, — не верь,
Копят силы и Рязань, и Тверь.*

Я-то вижу, какие силы копят моя родная Тверь... Печально глядеть. Но тоже хочется верить.

Человек мается... Земная жизнь — юдоль страданий. В год своей смерти Николай написал, казалось бы, несколько странное стихотворение «Я люблю, чтобы строчка...». И в нём он именно, явно дал образ мающегося человека. «Так распухшую руку бродяга качает» — вот он, мающийся человек, мается, качает своё больное... Больное этого мира. Что касается слова «бродяга», то все мы бродяги. Это мотив и Есенина, и Рубцова. Я припомнил стихотворение А. Блока «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?». Так вот в этом стихотворении есть такие строки:

*Знала ли что? Или в Бога ты верила?
Что там услышишь из песен твоих?
Чудь начудила, да Меря намерила
Гатей, дорог да столбов верстовых...*

А у Коли такие строки:

*Силы есть для жизни, для стиха,
Не сметёт вовек ни Чудь, ни Мерю, —
В то, что не воскреснет Русь, — не верю,
Не возьму я на душу греха.*

При явном сближении блоковской и дмитриевской «мается» мы видим, что к вере, к вере устремляется Николай. Пока к вере абстрактной. Но за ней — и вера религиозная.

Как когда-то писал Михаил Лобанов о Николае Рубцове: от родной земли он шёл к Вифлеемской звезде — этот же путь проходил и Николай Дмитриев. Замечательный наш современник. Русский поэт на все времена.

Геннадий ИВАНОВ

Федор ЕВГЕНЬЕВ

ПЯТИКНИЖИЕ

ПРОЗА

Франсис Скотт Фицджеральд. **Издержки хорошего воспитания.** Рассказы. — СПб.: Азбука-Аттикус, 2013. — 384 с. — 15 000 экз.

Как пишет Фицджеральд, издержки хорошего воспитания — это аристократическая занозичность. Его герои преодолевают своё хорошее воспитание довольно легко. А в особенности — героини, юные девушки восемнадцати-девятнадцати лет (любимый возраст!), нежные, дерзкие, целеустремлённые и надёленные искристым, несколько прагматичным чувством юмора. Они знают, чего хотят от жизни: хотят они прежде всего, чтобы им не было скучно. И жизнь оправдывает их ожидания: рассказы классика американской литературы Франсиса Скотта Фицджеральда никак нельзя назвать скучными. Возможно, в погоне за лёгким изяществом сюжета они напоминают О'Генри, но зато не обманывают читательских надежд и того настроения — романтического, задумчивого или ироничного, — которое навеяло во время чтения прекрасный стилист Фицджеральд. Тем важнее было хорошо перевести эту прозу, и переводчицы — С. Сухарев, А. Глебовская, Е. Калаявина — с этой задачей совершенно справились.

ПОЭЗИЯ

Андрей Комлев. **Лик.** — Екатеринбург: Издательство «БКИ», 2012. — 286 с. Серия «Библиотека поэзии Каменного пояса». — Тираж не указан.

Андрей Комлев родился в Свердловске в семье лесного инженера. Окончил Свердловский строительный техникум, затем с отличием — филологический факультет Уральского государственного университета. Работал каменщиком, бетонщиком, монтажником, мастером, инженером-топографом. 20 лет колесил по железным дорогам страны в должности механика. Сегодня Комлев — автор пяти поэтических сборников, историко-филологических исследований и перевода «Слова о полку Игореве», старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН. «Откровения», «Лица», «Державное», «Согласие», «Глас Ярославны», «Родство» — это всего несколько названий циклов, вошедших в книгу «Лик».

*Не знаю, есть ли бог.
Не рассудить науке.
Но вера есть.
Да верую и сам.
Во глубине души,
вновь простирая руки
к престолам небесам
и чудесам...*

МЕМУАРЫ

Юрий Ивнев. **Дневник.** 1906—1980. — М.: Эллис Лак, 2012. — 880 с. — 2500 экз.

Дневники Рюрика Ивнева (Михаила Александровича Ковалёва; 1891—1981), поэта, прозаика, переводчика, мемуариста, охватывают почти семьдесят лет прошлого столетия, передают атмосферу литературной и общественной жизни страны той эпохи, показывают нравы и противоречия времени, описываемые без всяческих прикрас. Книгу составляют мемуары и воспоминания одного из представителей Серебряного века о своих товарищах по литературному цеху, дневниковые записи и письма, воссоздающие живую атмосферу эпохи. Весной 1915 года Ивнев знакомится с С. Есениным и вводит его в столичную литературную среду. В первые дни Октябрьской революции Р. Ивнев явился к Луначарскому с предложением своих услуг по налаживанию связи новой власти с интеллигенцией и вскоре стал секретарём А. Луначарского. Начал Ивнев как футурист. В последующие годы примкнул к имажинистам и выпустил сборник стихов «Солнце во гробе» (1921), куда вошли 25 отобранных С. Есениным стихотворений. В полном объёме дневник публикуется впервые.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Алексей Жеребин. **От Виланда до Кафки.** Очерки по истории немецкой литературы. — СПб.: Издательство имени Н.И.Новикова, 2012. — 480 с. — 1000 экз.

Известный петербургский германист Алексей Жеребин одним из первых задумался над методологией отечественного сравнительного литературоведения, указав, что исследование русских учёных на чужом поле «нередко и очень успешно подменяются русской перспективой». Глубинный характер восприятия каждого исследователя обусловлен кодом его национальной культуры, и эта на первый взгляд ущербность имеет свои выгоды, которые стоит научиться извлекать. В полном соответствии с этой мыслью Жеребин ведёт нить исследования от истории русской германистики через историю немецкой литературы XVIII—XIX вв. (Виланд, Лессинг, Песталоцци, Новалис, Гейне) к интереснейшему разделу, где рассматривает литературные взаимосвязи. Вот лишь некоторые из них: влияние шиллеровского мотива бунта на психологию героев Достоевского, Томаса Манна, познающий «святую русскую литературу», восприятие творчества Кафки в эпоху коммунизма. Особо следует отметить академический характер исследования и подробную библиографию.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Катя Шведова. **Небо в ромашках.** Повесть для детей и их родителей. — М.: Зебра Е, 2013. — 384 с. — 3000 экз.

Когда мама и дочка дружат — это приятно и весело. Но когда мама не выдерживает жизненных испытаний и дочка берёт на себя заботу о ней, это, пожалуй, грустно. Катя Шведова написала светлую и весёлую, умную и грустную книгу, которую не стоит просто давать детям в налужке, что они во всём разберутся сами. Гораздо лучше вместе с ребёнком шагнуть навстречу этой обычной, но очень сложной житейской истории. Что правильнее: быть всегда вежливой — или не быть овцой? Как лучше: говорить только правду — или успокаивать себя тем, что лжешь во спасение? Могут ли родители устать от детей? Должны ли дети быть похожими на родителей? Почему дети бывают грубы, а взрослые — несправедливы? Каждый вопрос заслуживает педагогического трактата, но Шведовой удалось поразмыслить над ними в художественной, легко и плавно написанной повести. Нужно много трудиться, чтобы заслужить толику счастья, и когда оно наконец дастся в руки, то согрет и самых близких нам людей.

ЖУРНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

Непоспешное откровение

30 лет назад умер Юрий Павлович Казаков. Дожив до начала 80-х, в последние 10—15 лет он писал мало, хоть были и удачи, и замыслы. Есть у Казакова вещи, обращённые к сыну и принявшие новую интонацию, но в целом проза его не повзрослела, не оспенилась, замерла в лирическом прикосновении к Русскому Северу, к широколиственным лесам Тарусы. Тот период, самый плодотворный, он провёл не один, с ним была любимая женщина, о жизни с которой написаны и «Двое в декабре», и «Осень в дубовых лесах». В альманахе Литинститута «Кипарисовый ларец» за 2012 год опубликованы воспоминания Марины Дмитриевны Литвиновой. Хорошо, что это произошло именно сейчас — не позже и, что ещё важнее, не раньше.

Мемуары Литвиновой читаются как откровение — да так оно и есть, только что не выплеск эмоций, не желание что-то доказать, а задумчивый взгляд в прошлое, как в воду, — взгляд когда-то нежно любившей женщины, умудрённой наблюдательницы, принимающей самоё себя без удивления и со светлой печалью: мы были так молоды, мы так много значили друг для друга, и вот я стара, а его уже много лет нет на свете!

Марина Литвинова и Юрий Казаков были вместе пять лет: с июня 60-го по июнь 65-го года. Июнь неслучаен, июнь — это её день рождения, любимый праздник Казакова, когда лето в расцвете. Праздники — повод для встречи, но они и обременяются необходимостью встречи: она стелется, и раскалывает поточенных размолок людей. А Казаков пил. И, написавшись, бывал неуравновешен, болезненно ревнив и груб. Дело даже не в этом.

Писатель эгоцентричен. Он очень нуждается в спутнике, который обходит вокруг него по орбите, но тот факт, что его Земля светит не только отражённым солнечным, но и собственным светом, для писателя иногда болезнен. «Не пиши, испортишка», — говорил Казаков Марине, когда она придумывала сюжет для нового рассказа. «Я напишу сам». Но сам на под-

казанный сюжет он писал редко, что и понятно: писатель свободен. А тот, кто любит писателя?

Мемуары Литвиновой звучат задушевым комментарием — к письмам, радостным, отосланным и выстраданным, но неотосланным, к «диким историческим письмам», над которыми Казаков посмеивался, к нежным, а иногда нарочито-прохладным, её и его письмам; комментарием к недописан-

Альманах литературной студии «Кипарисовый ларец» — Издательство Литературного института им. А.М.Горького, 2012. — 568 с. — 500 экз.

ным дневникам, к кадрам кинохроники, которую бережёт память. И не только её память. Последнее письмо от него — в 1970-м, и тоже июнь: «Всё-таки, как я теперь думаю, не зря свела нас судьба, много было хорошего всё-таки у нас... только у тебя и у меня, только у нас с тобой! Ну скажи на милость, с кем бы ты, к кому бы помчалась в Таллин, в Крым, в Кемь, в Мурманск, в Печоры, в Алма-Ату?.. И ещё есть Вилково и Таруса... Наша папка на берегу речки, костерок, дымок... Ты помнишь?»

Она помнит даже и лучше него, в конце жизни уставшего от болезней, прикреплённого к месту. Помнит, как, гуляя близ леса в Печорах, они признавались друг другу, что оба любят Второй концерт Рахманинова, — и тут же услышали его; помнит молчаливых и щедрых стариков и старух из русских деревень, у которых они снимали скромные бедняцкие комнаты, и священника, крестившего её; помнит, как бродили по тундре и спали под открытым небом на оленьих шкурах, как плыли на лодке в устье Дуная, разви-

вая руками тростники, и как осталась она в незнакомом Мурманске одна и совсем без денег — денег тогда почти не было, их стало больше потом, когда начались богатые санатории и появилась дом в Абрамцево, но это уже другая, не её история.

У них были общие друзья, первая из них — известная переводчица Ольга Петровна Холмская, не только друг, но и добрый гений. Была мать Казакова, Устинья Андреевна, обожавшая своего сына так, как можно любить только нечто безусловно своё, но находящееся неизмеримо выше тебя и уж во всяком случае — за пределами твоего понимания. Непростую роль она сыграла в их судьбе — и об этом Литвинова тоже пишет спокойно, без раздражения, с пониманием. Жилка историка, которая сильна в ней, переносит её из прошлого романтического, прозрачного — в прошлое аналитическое, тёмное, побуждает заглядывать в биографические дебри: там корни, там и ответы, они примиряют всех.

И, конечно, Литвинова, за протёкшие с тех пор десятилетия ставшая известной переводчицей и историком литературы, не доискивалась бы этих ответов, когда бы это был просто «её Юра». Но её воспоминания пронизаны любовью к его таланту. Любовь эта — отнюдь не слепая, неслучайно их связь началась с её критического отзыва, который Казакова заинтересовал. Однако легко убедиться, что прозу Казакова Литвинова читает совсем иначе, чем прочие: она-то знает, что прячется там в тени, за словами. «Двое в декабре» — это рассказ о них. «Осень в дубовых лесах» — об их счастливой жизни в Марфине. «Северный дневник» — о скитаниях, в которых они были вместе. Они очень много пережили вместе, хотя у каждого потом была своя жизнь. Пережитое не всегда становится основой для общего будущего, но последующее, каким бы оно ни было, не отменяет прошлого. Наверное, прежде было рано об этом писать. Не получилось бы так спокойно. Так пристально. Так откровенно. Теперь — можно.

Татьяна ШАБАЕВА

КНИЖНЫЙ РЯД

Сибирью прирастающая

Энциклопедиями Сибирь не богата. Тем более литературными. Те, что всё-таки появились, были лишь «материалами к словарю» (Н. Здобнов, Б. Жеребцов, Н. Яновский). А Горшенин в своей книге идёт по стопам своих предшественников, дополняя и расширяя список писателей и давая основные понятия по теории и истории сибирской литературы, без которых не обойтись.

Охватывая взглядом эту широкую, поистине энциклопедическую панораму, понимаешь, что сибирская литература не фантом или призрак, а вполне конкретное явление, имеющее право на существование. Ибо в ней были не только В. Астафьев, В. Шукшин и В. Распутин, которых вспомнит любой, но и сибирское летописание — и толстые журналы (первые аж в XVIII в.), и классики (первые — И. Калашников и П. Ершов, которых знали А. Пушкин и В. Белинский), и литературная среда, «почва», на которой выросли нынешние сибирские знаменитости.

Эта «среда», т.е. писатели, не уступающие выдающейся «тройке» классиков (а до них были ещё Вс. Иванов, В. Зазубрин, Л. Сейфуллина, С. Залыгин, Л. Мартынов и др.), и составляет основное содержание книги А. Горшенина. В узких рамках энциклопедических статей автор всё же находит место для «штрихов» к их биографии, как правило, рабочей, трудолюбивой. И узнаёшь, что будущие писатели-сибиряки имели подчас весьма экзотические должности: А. Преловский, например, был «скотогоним в Монголии», О. Чарушинов — «начальником бюро по трудоустройству», а П. Реутский, учившийся в рыбном техникуме, работал в цирке.

Всё по М. Горькому: лишь побывав «в людях», можно что-то настоящее создать в литературе. Сибиряк — значит реалист. В этом мнении укрепляешься, знакомясь с историей сибирской литерату-

Горшенин А. **Литература и писатели Сибири.** Энциклопедическое издание. — Новосибирск: РИЦ НПО СП России, 2012. — 572 с. — Тираж не указан.

ры. В соответствующей обзорной статье узнаёшь, что и романтизм в Сибири особенный: «местный колорит» для писателей-сибиряков был не отвлечённым, а вполне конкретным, реальным явлением, читаем в статье «Литература сибирская». Жаль вот только, что не все писатели ощущали свою принадлежность к ней, соблазняясь «москowsкой» славой. Тщетными оказались призывы знаменитых «областников» XIX в. Н. Ядринцева и Г. Потанина к тому, чтобы во имя краевой литературы «быть готовым к скромной роли провинциального писателя». Жупел «областничества» и суровая кара за малейшие его проявления сыгнали свою роль, и сибирский писатель в XX в. осознавал себя сибирским лишь отчасти. Согласно родившемуся тогда же определению сибирской литературы как «участка общерусской литературы» (М. Аздовский).

А. Горшенин о дискуссиях и разногласиях лишь сообщает, информирует, оговаривая в предисловии, что в книге нет «литературоведческого исследования и оценок». Но от оценки современных тенденций не отказывается:

«У большинства авторов нынешнего поколения художественных достижений почти нет» («Проза Сибири»); «Поэтическая палитра сегодняшней Сибири... не складывается в цельную картину» («Поэзия Сибири»); литературная критика «становится по преимуществу рецензионно-аннотационной, а то и просто рекламной» («Литература сибирская»).

Больше А. Горшенина всё-таки интересуют «персоналии», в первую очередь эпохи «золотого века» сибирской литературы (60—80-е гг.). Творчеству особенно интересны и значимы прозаиков и поэтов той поры (И. Лавров, Н. Самохин, А. Плещёв, А. Плитченко, Р. Солнцев, Н. Закулина и многие другие) он посвящает немало энциклопедических строк. Хотя в целом А. Горшенин весьма лаконичен, вполне владеет искусством словарной статьи, максимально информативной, ёмкой.

Помимо персоналий, есть в книге и традиционные для такого рода издания статьи о литературных группах и организациях, журналах, альманахах, сборниках, музеях и премиях, которых в Сибири всё же не так уж и много. Интересно, хотя и не всегда по-настоящему современны, статьи о «влияниях»: «Достоевский и Сибирь», «Чехов в Сибири», «Горький и литература Сибири» и т.п. Но в целом автор вполне объективен: соблюдая баланс, включает в книгу статьи об эмигрантах — Г. Гребенниково, А. Несмелове, А. Ачаире, «диссиденте» и бомже А. Кутлилове.

Энциклопедия А. Горшенина появилась своевременно, в напоминание о том, что региональные литературы (литературы) и писатели коренных сибиряков Севера, Алтая, Чукотки, Камчатки и др. в книге также не забыты — не миф или выдумка советских литературоведов, а реальность.

Владимир ЯРАНЦЕВ

ЛИТПРОЗЕКТОР

Других грибов у нас нет?

Этот роман Елены Чижовой впервые увидел свет в 2007 году в журнале «Звезда». И вот — в 2012-м выходит книга тиражом по нашим временам довольно большим — 10 тыс. экземпляров. После получения «Русского Буера» в 2009 году за роман «Время женщины» Чижова вообще издаётся очень активно, один за другим выходят её романы: «Крошки Цахеса», «Лавра», «Полукровка», «Теракотовая старуха». В чём же причина такой популярности? Попробуем разобраться.

Если бы меня спросили, о чём «Орест и сын», я бы ответила: о ненависти. О ненависти к советской эпохе, к собственной истории, к России, к русским, как, впрочем, и все романы Чижовой.

Сюжет такой. Петербуржец Орест Георгиевич, учёный-химик, сын репрессированного отца, тоже химика, корпелшего над разработкой некоего реактива, улучшающего природу человека, стоит перед дилеммой: продолжить ли ему опасное дело отца (на дворе 70-е) или заниматься созданием кондитерских эссенций? В итоге Орест Георгиевич заканчивает свои дни в сумасшедшем доме, помешавшись на сокровенных знаниях, обре-

таемых в Духе и объединяющих человечество — общих для всех мифах, а также идее двух цивилизаций: чтобы скрыться во внутренней, настоящей, надо пройти сквозь ту, которая снаружи, лживую, фиктивную созданную, читай — советскую. Его сын Антон, а также подруги Антона, Инна и Ксения, школьники, так же одержимы идеями вырваться из когтей исторического монстра под названием СССР. В конце концов Антон понимает, что жить в этой стране решительно невозможно и решает эмигрировать в тихий городок на границе Сербии с Хорватией...

Вот что пишет в послесловии питерский литературовед Константин Аздовский: «Жанр, в котором написан «Орест и сын», определить не просто. В первую очередь этот роман — историко-социальный. Осмыслить феномен СССР в тысячелетней исторической перспективе — такой был авторский замысел, поражающий своей дерзостью». Но позволить: осмыслить феномен чего-либо — означает как минимум посмотреть на него с разных сторон, тем более в тысячелетней исторической перспективе, коей в романе нет и в помине. Осмысление — ни в коем случае не однобокое обвинение,

как это обычно бывает у Чижовой. В отношении же автора к советской эпохе поражает не дерзость замысла, а историческая злопамятность, которая срывает историческую близорукости и душевной инвалидности.

Этический провал неизбежно приводит и к провалу эстетическому. Роман рыхлый, растянутый, композиционно разболтанный. Но больше всего поражает язык и отсутствие вкуса, приводящие к довольно комичным ляпам. Например: «...Холодом свело дёсны», «...События последних недель повернулись к ней спиной», «Красный глаз близкого светового вспышка над перекрёстком. Он шёл навстречу женщине». Кто он? Перекрёсток? Светофор? «Ёлка, оттаявшая в тепле, зеленеет новыми побегами». Вообще-то настал Новый год, а не май, какие уж тут «новые побеги»? «...Он почувствовал жжение, словно в ладонь впились острые щепки». Трудно себе представить: это что же за щепка такая? И если бы она в самом деле впились в ладонь, то тут герой не жжение, а адскую боль бы почувствовал. Жжение в ладонях почувствовала я, — так захотелось написать обо всех этих несуразностях.

Сравнения и метафоры Елены Чижовой — нечто выходящее из ряда вон. В принципе при желании, конечно, можно натянуть носок на голову. Только зачем? Именно такое впечатление зачастую создаётся от образов, созданных автором. «Подъезд, похожий на акулю пасть». Это интересно, с какого ракурса смотреть? А вот человек водит пальцем по карте города: «Отцовский палец летел над городом со скоростью души и, скользнув за Неву, резко взял влево. Лишь Васильевского острова отлетели назад. Пройдя над Смоленкой, палец сел на пустой берег». Я уж не говорю про тавтологию «палец летел», «линии отлетали». Вот ещё несколько «прекрасных» образов: «Бородавка, похожая на картошку, шевелилась, тыкаясь в коржик». Если кто не понял, так это старик в кафе ест пижонское. «У самой земли ветер отрясал игольчатый, липкий прах и прыгал до верхних этажей, подставляя себе под ноги дрожащие ходули — столбы фонарного света». Прямо акробат какой-то! А как вам такой телефонный звонок? «Орест Георгиевич покосился на часы, но тут, уже не шумом крыльев, а фейерверком в тёмное небо, раздался новый телефонный звонок».

Ну, ладно, допустим, у автора такое видение (хотя телефонный звонок не похож ни на шум крыльев, ни на фейерверк), но что прикажете делать, например, с этим: «Занявшийся экран брызнул браурной музыкой» и тут же: «Экран заняла нежность». Как такое комментировать, да и стоит ли?

Перечень метафорических случаев Чижовой можно продолжить. Их хватит на целую диссертацию, которую обязательно кто-нибудь напишет, жаль только, что совсем в другом ключе: дескать, поглядице, дорогие читатели, — какой глубокий, историко-социальный, мифологический роман написала прозаик Елена Чижова, хорошо хоть вовремя спохватились, не проглядели крупного писателя, осмысленного феномена СССР в тысячелетней исторической перспективе...

Критики будут петь хвалебным хором, почуявшие наживу издатели пересказывать книги автора, а наивные читатели будут их покупать. Замкнутый круг.

Но кто-то должен сказать правду. Водно особенно засушливое лето, стосковавшись по редким грибам, мы стали собирать гигантских размеров свинушки, хотя знали, что они вредные и не очень-то вкусные. Но так за-

манчиво смотрелись: эдакие маслянистые кофейно-коричневые тарелки в изумрудном муху. И ничего — пожарили и съели, не отравились. А в следующее лето, когда выросло навалом белых и подосиновиков, смотрели на эти свинушки пренебрежительно — даже нагибаться за ними лень было. Романы Елены Чижовой напоминают мне эти гигантские свинушки, выросшие в отсутствие благородных книг (или, скорее, при замалчивании оных) на пушистом либеральном муху... Своя гуськова, свои грибы, свои гурманы. А то, что грибочки-то условно съедобные, так это ничего, всё равно слопают.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ Сталина, который на критику аморального образа жизни советских писателей ответил известной фразой, либеральные критики, стоящие за Еленой Чижовой, сказали бы примерно так: «Других грибов у нас для вас нет?»

Аглая ЗЛАТОВА

Елена Чижова. **Орест и сын.** Роман. — М.: Астрель, 2012. — 349 с. — 10 000 экз.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

Ваша роль, господин директор

«Директор — это так сексуально!»
Со слов актрисы Ирины Алексимовой, недавно назначенной директором театра Романа Виктюка

Считается, что театральная реформа прошла и закончилась... О ней вроде бы и позабыли. Но свелась она практически лишь к разграничению форм собственности: государственная, частная, АУ — автономное управление; последняя практически слилась с государственной, только добавив директорам прав и возможностей в зарабатывании дополнительных внебюджетных денег. То есть ещё более упрочив власть в театрах администратора, менеджера, интенданта.

По российским театрам почти повсеместно первым и единственным лицом в театре стал директор. Он может ничего не понимать в искусстве, но уметь зарабатывать деньги.

Не в первый раз пишу об этом.

причудливой пьесе Эриха Шмитта «Отель двух миров» действие происходит то ли в преисподней, то ли в чистилище, где люди ждут решения своей судьбы то ли вверх, то ли вниз в лифте?! Тут нельзя жить, как в коммуналке, на театральном языке это называется решением атмосферы, предлагаемых обстоятельств. Здесь двое актёров бойко проговорили, протанцевали свою последнюю любовь, на которую им отмерены минуты, а жалкая «сортирная» электрическая лампочка обозначала лифт, вот и всё режиссёрское решение. Шумно, бездумно прокричали комедию М. Старицкого «За двумя зайцами». Казалось бы, обречённой на успех американской комедии «Клуб одиноких сердец» сюжет и тот не сумели внятно выстроить.

Конечно, в Новгороде есть, как и всюду, и просто хорошие актёры, и очень хорошие. Они видны, хотя бы в одном спектакле. Могу их назвать: это и дуэт стариков-родителей Геннадия Алексеева и Капитолины

рами рыночная цель добиться финансовой успешности и во что бы то ни стало переполнить кассу, что никакого отношения не имеет к собственно творческой деятельности, к спектаклям, к артистам и совсем не делает театр лучше.

Так сейчас не только в Новгороде. На моих глазах уверенно вступает на этот путь и Рязанский театр. Сначала тут подчинили художественного руководителя директору, а потом и вовсе от него избавились. А уж деньги-то директор-единиличник Семён Гречко, считающийся успешным менеджером, также сумеет заработать и без своих спектаклей. В бизнесе говорят про начальствующих чиновников — жирные быки, теперь они появились и в театральном деле. Если продолжать сравнение, жирные быки и в их представлении послушное, управляемое стадо, лишь привычно называемое храмом искусства и его служителями.

Народная артистка России К. Гавриленко и заслуженный артист России Г. Алексеев в спектакле «За двумя зайцами»

Но то, что было особенностью, тенденцией, теперь стало закономерностью развития, и пора проанализировать первые результаты.

Сразу оговорюсь: происходящие в пору рынка административные перемены в большей степени касаются регионов, периферии, провинции, как хочешь называй, но в очередной раз столица и — все другое, в большей степени попавшие в зависимость от кассы, демонстрируют свою разность. В Москве во многих театрах в последнее время поменялось руководство: Меньшиков, Голомазов, Белякович, Писарев... Но все они — режиссёры, и даже если первыми лицами остаются Табаков, Золотухин, то это актёры, прежде всего художники, лишь во вторую очередь оказавшиеся способными менеджерами. В данном случае для удобства выяснения проблемы приходится разграничивать одних и других.

Даже новое в порядке начисления зарплат с баллами, доплатами опять же упрочило власть директоров и зависимость от них... крепостных, то есть актёров. Не хочется быть резкой, но приходится: двенадцать... пятнадцать... даже двадцать тысяч актёрских рублей в месяц стали разительно отличаться от зарплаток руководства, подпитывающегося этими самыми внебюджетными заработками: сдачей помещений в аренду, выступлениями заезжих антреприз, корпоративами. Как говорил незабываемый трагик Геннадий Демьянович Несчастливцев из «Леса» А.Н. Островского: «...искусство не ценят, все копеечники... Кто шампанское пьёт, хорошие сигареты курит, тот и человек, а остальные — ничтожество»...

Что же происходит — то теперь по России в театрах! В Новгороде директор не просто театра, а академического, да ещё имени Ф.М. Достоевского Виктор Евгеньевич Назаров, которому ни в Санкт-Петербурге, ни в опыте не откажешь, он и здесь работает больше десяти лет, с гордым говорит о том, что кого приходило коллектив театра зарабатывал ежегодно по одному миллиону рублей, не больше, а теперь — тринадцать! А что приносит эти заработки? Оказывается, кто только не выступал за последние месяцы на сцене Новгородского театра! Петросин и «На-На», певица Афина, симфонический оркестр и самодельные коллективы, и партия «Единая Россия» заседали, игрались фестивальные спектакли, посвящённые Ф.М. Достоевскому, а вслед за ними ещё и другие праздники с гостями, проводимые администрацией под названием «Театральное вече». Обратите внимание, собственная труппа в фестивали не участвует, их спектакли не играют. Они и работают всего-то четыре дня в неделю, конечно, далеко не при аншлагах. Я видела четыре их спектакля. Признаюсь, о них языком профессионального анализа, профессиональных оценок и говорить как-то неловко. К примеру, в

Гавриленко, и Пронька — Юлия Фролова, а ещё Лимариха — Лилия Сергеева, но я вижу, как самим актёрам неловко выходить на сцену в «Зайцах»... Хотя это уже из области эмоций... Номинально в Новгороде есть главный режиссёр, очередной новый, недавно появившийся Сергей Гришанин, теперь и по юридическому статусу служащий у директора.

— Вы подписываете афишу как главный режиссёр, в какой мере вы отвечаете за идущие спектакли? — спрашиваю у нынешнего творческого руководителя.

— За то, что было до меня, не отвечаю. Но из четырёх увиденных мной спектаклей — два поставлены им лично. В третьем спектакле половина участников — это вводы новых исполнителей, сделанные при нём. Кто же за них профессионально отвечает? Значит, никто?..

Справедливость требует заметить, что новгородская драма никогда не была особенно счастливым театром. Актёры-должители подсчитали, что за последние тридцать лет здесь прошли-проехали десять директоров, из которых двоих прямым ком из начальственного кресла отправили в тюрьму, шестнадцать главных режиссёров, то есть каждые два года — по-новому, сорок восемь (!) очередных и разовых режиссёров. И все, как жёстко, но и справедливо заметил один из актёров «упражнялись — испражнялись» над труппой. Какая уж тут система работы с актёрами?! Воспитание коллектива... Создание репертуарного театра... Руководству не до актёров и не до творчества!

Я думаю, сейчас местное начальство довольно театром и не видит оснований для тревоги. Финансово-то показатели успешные, доходы идут... Какая разница, за счёт чего...

Нет зрителей на собственных спектаклях, придут на «На-На»... Но театр-то гибнет!

Здание ветшает... На полноценный ремонт не хватает денег. Световая, звуковая аппаратура — на уровне каменного века. Круг на сцене поломался, заколотили, не работает. Труппу не пополнишь, не сформируешь: кто же придет в город, где не дают ни квартир, ни общежитий и зарплаты стыдно сказать какие.

Стоит в красивой городе Великом Новгороде рядом с могучим древним Кремлём, величественным памятником тысячелетия России, прекрасным Софийским собором — грязно-серое с подтёками здание, фонтан около него закрыли, башню-украшение снесли как печальный памятник вроде бы состоявшейся театральной реформе.

Во многих нынешних театрах творческая работа стала фикцией, несуществующим подпоручиком Кижэ из тыняновской повести. Крышей! И уже идёт по аналогии с бизнесом рейдерский захват элитных театальных зданий.

Парадокс, но яростно осваиваемая теперь многими нашими теат-

Проблема, возникшая в театрах, отнюдь не локальная, а Новгород — лишь убедительный пример!

Спектакль «Птички» поставили, три раза сыграли, сняли с репертуара, «Казнить нельзя помиловать» прошёл раз пять... Сняли по-быстрому «Любовь и деньги», ушли актёры, некому стало играть... Ставят спектакли и списывают... «Убийцу», «Женитьбу Фигаро» тоже сняли, не успев даже вернуть потраченные расходы. Да и чего их считать! Они же — из государственных денег! Значит, ничьи... Другое дело — пресловутые внебюджетные деньги! Сколько их и кто их считает? В «На всякого мудреца довольно простоты» сократили роль Крутицкого, вообще убрали!

Пятнадцать актёров ушли из театра только за прошлый сезон.

Конечно же, не всюду так. И не все директора стали тормозом творчества. Но исключения из правил, белгородский В.И. Слободчук или старопольский Е.И. Луганский, ставшие по делу художественными руководителями, лишь подтверждают необходимость для мирового театра в художественном руководстве. Профессиональном. Грамотном. Любящем актёров и сам театр не только как крышу для заработка. Театр требует специального руководства, двуединого как минимум, административным творческого не заменить.

Конечно, слишком сложно театральное дело, чтобы даже модель руководства свести к единому. Но одно для меня бесспорно: едиличная власть диктатора-администратора вредна и опасна. Она уже принесла немало разрушений в том виде, какой приобрела в последнее время.

Скажут: не найти сейчас режиссёра-лидера, закончилось их время, режиссёры «поумнели», хотят ставить спектакли, зарабатывать и не брать на себя ответственность за творческое состояние театров, да ещё в условиях рынка... Всё так! Но ведь и это произошло не само по себе: их отвалили, выморили, выжили из театров. Массовое унижение, уничтожение режиссуры, действительно произошедшее по российским сценкам, очевидное падение их профессионального уровня даже в смысле подготовки, школы — до лидерских ли тут качества, если их не ждуть и не любят в театрах?! — уже стало разрушительным тормозом для театрального развития.

А то ли ещё будет! Если вовремя не остановить процесс, уже идущий, и не вернуть институт художественных руководителей в театры, а значит, ограничить безраздельную и оказывающуюся противоречащей творчеству директорскую власть.

Анна КУЗНЕЦОВА,
НОВГОРОД — РЯЗАНЬ — МОСКВА

ЗДЕСЬ ТАНЦУЮТ

Замарашка и Луковица
Мировая премьера Большого театра — балет «Мойдодыр» — как симптом кризиса русской танцевальной сцены

Начну с парадокса: мне спектакль понравился при всех его очевидных слабостях. Поэтому не ждите разгрома этого произведения, объективно слабого по форме и малоубедительного по содержанию.

Автора музыки, Ефрема Подгайца, я знал до «Мойдодыра» всего по единственному произведению: концерту для гитары с оркестром, который как-то слушал в исполнении столичного виртуоза и — отчётливо помню! — всё время боялся за его пальцы. Сломать которые «о Подгайца» можно было запросто. Поэтому и опасался музыки, когда шёл в балет.

Зато хореографии не опасался ничуть: единственный номер Юрия Сmealова, виденный мною, произвёл хорошее впечатление. Не исключено, из-за Евгении Образцовой, к которой давно равнодушен.

Состав выбрал второй. Конечно, посмотреть, как дурчатся примы — нежно любимая Нина Капцова и бесконечно почитаемая Мария Александрова, — можно, но «только ради лузов». Понятно, что данный спектакль — полигон для тренировки молодняка, поэтому Анастасия Сташкевич, которую я увидел в роли Чистюли, была сильной «переплата» за тот пустиак, который предложили детям.

Короче, диспозиция сложилась такая, что ожидать можно было всего. Увиденное, однако, в чём-то обрадовало, ни в чём не разочаровало, а в целом даже заставило задуматься о большем, чем отдельно взятый спектакль.

Первое. К музыке претензий нет — я её попросту не заметил. Полунавязчивый мотивчик — и всё. Вспоминается без раздражения. Тут Подгайц скорее выиграл, чем проиграл.

Второе. К хореографии претензий нет — я её попросту не заметил. Что вовсе не означает, что спектакль плох. Просто это не балет. Мюзикл, кукольный театр, что угодно, но не балет. Но Сmealов, в отличие от Подгайца, скорее проиграл, чем выиграл. Хотя все «променаль» и иные массовые сцены сделаны хореографом хорошо, гораздо лучше, чем сольные танцевальные номера.

Далее — без нумерации. Протянувшись хороша сценография. Андрея Севбо. Открывается занавес — и мы оказываемся в мире Корнея Чуковского, известного нам не только по текстам, но и по чудесным иллюстрациям. И тут начинается волшебство. Ты ещё не знаешь, что ждёт тебя впереди, но уже захвачен этим миром и несёшься вперёд без страха. Яркие чистые цвета, отчётливо дореволюционный, дворянско-русский стиль как минимум уездного города, всё чинно и благородно. Дамы и господа, гимназистки и городовые, даже Крокодил, прошедший на заднем плане, — всё складывается в уютную картину счастливого быта финской Куоккалы, где естественно было рождение фантастических баек за дружеским столом, в тесном кругу поэтов, художников и писателей.

И вдур! В налаженный красивый

бывает врываться Революция — Замарашка, грязное существо, пытающееся запачкать окружающих. Не думайте, что это моя беспочвенная интерпретация, — зачем тогда художник даёт «ландшафт Замарашки» заводские кварталы с коптящими трубами? Слишком различные картинки социально, чтобы можно было говорить о случайности.

С этого момента спектакль перестаёт быть детским. В нём по-прежнему происходит невесть что, но тот, кто знает о даче «Чукоккала» образца 1906—1914 гг., не может отвлечься от самой фигурки поэта. Чуковский жил хорошо до переворота, сумел пристроиться и при большевиках. Какой ценой? Не скажем точно, но его тоска по старым порядкам осталась неизменной.

Да, поэт был конформистом. Чувствительный Куоккалы Николай Гумилёв был последователен в своём неприятии нового режима — и его расстреляли. Но Чуковский, кажется, вознамерился убедить русский народ, что «новый гегемон» может облагородиться, что Замарашку можно отмыть, что Чистюля станет ему примером. В 1921 году появляется «Мойдодыр», в 1922-м — «Федорино горе». Оба произведения на одну тему — перерождение революции. Оба можно найти в сценическом «Мойдодыре» Большого театра.

Вот только Замарашка у Сmealова отмывается вовсе не из-за положительного примера Чистюли, а под угрозой насилия — Главная Мочалка в исполнении Кристины Кретовой преследует грязную вездесущую ЧК—ГПУ—НКВД.

Как может не понравиться спектакль, рождающий такие ассоциации? Да и молодым артистам, которых предостаточно на сцене, работа в «Мойдодыре» в радость, знаю из частных бесед. Значит, удача?

Не сказал бы. Сейчас в репертуаре Большого есть детский спектакль «Чиполино» Генриха Майорова. У него практически нет недостатков — это балет

без примесей. Тогда как опус Юрия Сmealова содержит мелодраматическую, которая балетной современности чужда. Приём введения слова в танцевальное действие пока оправдал себя, на мой взгляд, только у Жана-Кристофа Майо (см. «Сон в летнюю ночь»), но там случай особый, связанный с «театром в театре». Ничего такого в «Мойдодыре» нет. Есть только растерянность перед непонятым. Непонятным принципом построения спектакля.

Кажется, ещё немного — и осуществится отступление к Людовику XIV, к опере в стиле барокко, где балет был не более чем вставным номером. И оттуда пойдёт новое завоевание культурного пространства. Почему?

Почему случилось так, что наш балет, имеющий несомненные достижения, оказался невостребованным Сmealовым?

Начать нужно с того, что балетных театров у нас два: Петипа и Григоровича. Мы никогда не продвинулись вперёд, пока театры не осмыслили наши успехи. Освоив формально Петипа, мы давно знаем, как строились его балеты, каков был способ вовлечения танца в них. От этого метода отказались — «устарел». Но нам до сих пор неясно, как формулировал своё хореографическое высказывание Григорович, как он вовлекал танец в спектакль. Я не сторонник эстетики Григоровича, но убеждён, что морфология его балетов, когда будет понята, станет основой будущих шедевров русской сцены.

«Чиполино» лучше «Мойдодыра» ровно настолько, насколько безупречнее нравственная позиция неконформиста и коммуниста Джанни Родари поведения приспособленца и барина Корнея Чуковского. Балет Майорова лучше балета Сmealова не только потому, что принадлежит обществу сложившихся форм, но ещё и оттого, что имеет ясную направленность. Оба балета — продукт времени, но только второй принадлежит эпохе, лишённой цели.

Евгений МАЛИКОВ

КНИЖНЫЙ РЯД

Страшный и величественный комикс

Книга, в которой картинок больше, чем текста, называется комикс. Если рисунки чёрно-белые, то комикс носит название Sin City, а если в качестве Города Греха рассматривается территория отечественной эстетики, то получается прекрасный альбом «Советский стиль».

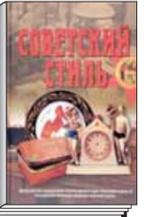
Не стоит думать, что текст в данном издании носит вспомогательный характер. Скорее, наоборот, иллюстрации помогают нам ориентироваться в теоретических построениях авторов. Что бывает не всегда легко, поскольку в коллективе написавших книгу присутствуют не только дизайнеры и костюмеры, искусствоведы и философы, но и физики с химиками! Наличие людей, не понаслышке знакомых с математикой и имеющих ежедневно дело с лучшей классификацией мировой науки — таблицей Менделеева, оставило на рассматриваемом труде неизгладимую печать академизма, качественного во всех отношениях исследования. Высокий уровень обобщения превращает обыденную вещь — одежду или тару — в материал для ценнейшего анализа, а сами главы, посвящённые обуви, белью, парфюмерии, — в наиболее интересное чтение. Почему? Во-первых, обыватель сталкивается со всем этим ежедневно в частной жизни. Во-вторых, на примере таких феноменов массовой культуры, как мода или упаковка, и таких отраслей производства, как пошив исполненного платья или изготовление мебели, авторы выстраивают убедительную картину деградации нашей жизни от русской до советской.

Проводя линию от русского модерна до «сталинского ампира», авторский коллектив не спешит расписываться в единодушии, оценивая прошлое. Однако если общему негативному чувству в отношении советской жизни коллектив привержен как целое, то изобавился от гипноза антигуманности советской системы далеко не каждый из его членов. Авторы с теплотой пишут об убитой России — стране, соразмерной человеку, созданной для напряжённого труда и изматывающего отлыга, обильной еды и изнуряющего постыничества, больших семей и маленьких городов. Они напоминают читателю и о том, как воровались в прекрасный обывательский мир туристы, как боролись с самой человечностью конструктивисты, как отринули всякую эстетику функционалисты. И чем всё завершилось.

Вечный человек оказался непобедим. Он мог ходить в рванье и довольствоваться малым, но его податливой целью всегда было: дом, семья, уют и чтобы вокруг красиво. Маленький обустроенный мир в ледяной пустыне — вот иллюзорный идеал русского крестьянина. Ради него он проявлял выдающуюся предприимчивость в освоении пространства: Беловодье близилось за линией окоёма. И подавался пахарь в казаки, шёл за Ермак-Тимофеем на край света. И повсюду нёс с собой русскую основательность и русскую мечту: уйти в быт, создать маленький космос, чтобы ни одного человекоподобного на сто вёрст округ!

Кончилось бегство от госу-

Советский стиль / Ред. группа: В. Зусева, Т. Евсеева, Н. Иванова — М.: Мир Энциклопедий Аванта+, Астрель, 2012. — 207 [1] с.: ил. — 5100 экз.

дарства печально: коммуналками, фабриками-кухнями, архитектурой титанов и моралью циклопов. Мебелью Иофана, кому она доставалась в Доме на набережной, отчаянными поисками старья, кому не досталось от новой власти ничего.

Авангард пришлось свернуть — не прижился он у здоровых. А потом пришлось свернуть и «совдеп»: отторгло его всё органичное.

Осталась легенда совершенного зла, в чём-то даже красивого: главы, посвящённые фарфору и интерьерам, а особенно физкультурным парадом и моде в тес её проявлениях, где выявился заказ на солдата в смысле юнгеровского рабочего, дышат восхищением от нечеловеческого конструкторского гения инженеров от эстетики.

Эти-то главы и есть самые важные: зло всегда рядом. Авторы проговариваются невольно, мы должны вчитываться в их тексты осознанно.

Валерий АНТОНОВ

ФИЛОСОФСКИЕ БЕСЕДЫ

Маньяки ИСТИНЫ

Знания у людей бывают разные. Они могут быть историческими, методическими, бытовыми, алхимическими или экзистенциальными. Научное знание — это особая часть знаний. Чем научные знания отличаются от ненаучных?

ГИППОКРАТ Как ни странно, люди всегда заботились о своём здоровье. Античности был известен такой недуг, как эпилепсия. В точном смысле слова эпилепсия считалась древними греками не просто болезнью, а священным недугом. То есть это была даже не болезнь, а способ, которым боги сообщали людям нечто важное, и те, через кого они это делали, были эпилептиками. У эпилепсии подраумевались сверхъестественные причины, и никому в голову не приходила мысль о том, чтобы взяться за изучение этой болезни. Никто не хотел связываться с богами, ведь когда боги говорят, то лучше им не мешать.

И вот однажды эта мысль пришла в голову Гиппократу. Гиппократ — учёный, его рассуждения были просты: боги дают здоровье, а не болезнь, для болезни должны быть естественные причины, есть они и у эпилепсии, надо их найти так же, как нашли естественные причины сомнамбулизма, который никто теперь не считает священным недугом.

Так создаётся научное знание, которое отличается от всякого другого знания тем, что оно методично ищет естественные причины того или иного феномена. Всё ли может знать наука? Не всё.

ДЕКАРТ Наука строится в предположении о том, что её объект не имеет скрытых внутренних состояний. Что это значит? Это значит, что научно можно познать только то, что не может скрыться от всевидящего ока учёного. Например, русский язык говорит нам: «чужая душа — потёмки». А это значит, что чужая душа не является объектом внешнего рассмотрения, потому что она составляет то внутреннее состояние, в котором может скрыться от наблюдения любой человек. По внешнему виду нельзя судить о внутреннем. Наука может судить только о внешнем. Психология есть в некоем роде физиология. Это понял Декарт, который сформулировал мысль о том, что материя — это не то, что имеет глубину, качество, состояния, а протяжённость, у которой нет ещё какой-то другой скрытой протяжённости, ибо она одна и прозрачна, как поверхность. Наука, говорил Декарт, как раз и занимается протяжёнными вещами. Учёный, который не соблюдает это правило, может оказаться в положении незадачливой курицы, которая думала, что мир прекрасно устроен: в нём трижды в день в одно и то же время появляется хозяин с зерном, но вот однажды хозяин появился, но не с зерном, а с топором, и куриная картина мира разрушилась. Учёный не может сказать, что у него сегодня плохое настроение, и в плохом настроении у него нет сообщения с истиной. Плохое настроение может быть только у экстрасенса, у людей, обладающих сверхсенсорной чувствительностью. Но они не учёные. Для учёного истина имеет принудительный характер.

ИСТИНА Истина — это такое воображаемое, которое может оказаться реальностью. Научная истина не зависит от того, кто её воспринимает. Если она дана кому-то в Москве, то это значит, что она так же будет дана любому другому человеку в Казани. Если бы не было истины, то учёный не смог бы работать, потому что истина может быть только абсолютной. И хотя её никогда нет сегодня, учёный полагает всё-таки, что она будет завтра. В науке никто никому не верит, в науке всё нужно проверять, всё нужно пересматривать. Стремится к абсолютной истине, а получается относительная.

ГАЛИЛЕЙ И АРИСТОТЕЛЬ Античный философ Аристотель полагал, что из двух тел то тело, которое тяжелее, будет непременно двигаться с большей скоростью. Эта мысль казалась очевидной, и более двух тысяч лет её никто не проверял. Но однажды итальянец Галилео Галилей взял мушкетную пулю и пушечное ядро и поднялся на Пизанскую башню, чтобы проверить эту мысль на опыте. Оказалось, что оба тела двигались с одинаковой скоростью и достигали земли в одно и то же время. Так был открыт физический закон ускорения. В науке нет ни одного положения, в котором нельзя было бы усомниться.

ОРИГЕН В III веке в Александрии жил Ориген, философ, богослов и преподаватель математики. Ориген принимал участие в очень жёсткой борьбе между разными идеями течениями: христианами, гностиками, манихеями и неоплатониками. Им владела «одной лишь думы властью», одна истина, которую нужно было раскрыть людям. — Христос. Это Ориген придумал слово «богочеловек». Он, как защитник христиан, всё время находился в работе, диктовал свои мысли переписчикам. Ориген был хорош собой, а вокруг него было много женщин. И он знал, что нравятся им. А они нравились ему. Чтобы не отвлекаться от главного, то есть непрерывно бодрствовать, он решил оскотить себя. Потом он пожалел об этом, но мир его узнал как самого плодотворного христианского писателя. Учёный — это маньяк истины.

НЬЮТОН Науку изобрели аутисты и шизофреники, такие, как Архимед, который иногда бегал по городу голый. Наука — занятие не для бездельников, она не для тех, кто ленится. Ведь лень — это отдых, которому не предшествует напряжённый труд. Учёный — это не тот, кто трудится с девяти утра до пяти вечера с перерывом на обед и двумя выходными. Учёный — это тип жизни, манья.

Например, Ньютон был странным человеком, но очень приятным в общении. У него не было времени на обеденный перерыв, он всё время о чём-то думал и некоторые вещи делал невпопад. Однажды на балу он задумался. Размышляя о чём-то своём, он достал курительную трубку и стал набивать её табаком, только вместо специальной палочки он использовал палец руки рядом стоящей дамы. Конечно, случился конфуз, и Ньютон извинился. В другой раз его послали в подвал за вином для гостей. Пока он шёл, он о чём-то задумался и забыл о своей цели. И в подвале приступил к математическим расчётам физического смысла какой-то своей идеи. В такой сосредоточенности он сидел однажды под деревом, когда ему упало на голову яблоко, и он догадался о существовании всемирного тяготения.

Неистовость и одержимость учёных оправдывают существование ленивых, ведь лень хороша только в одном случае: когда ты зол. Без лени ты мог бы принести непоправимый вред человечеству. Лучше быть неистовым, чем ленивым.

БОР Учёный — это человек, которому в голову приходят безумные идеи. Одним из таких учёных был Нильс Бор, датский физик. В начале XX века учёные уже знали, что в атоме есть ядро и вокруг этого ядра по каким-то своим орбитам вращаются электроны. Но учёные никак не могли понять, как электроны переходят с одной орбиты на другую. Ведь для того чтобы это сделать, нужно было перейти и через середину расстояния, отделяющего одну орбиту от другой. Но увидеть их в этой точке никак не удавалось. И тогда Бору пришла в голову безумная идея, что они попадают с одной орбиты на другую, не проходя через середину, а испуская квант энергии. Эта идея легла в основу квантовой физики. В другой раз Бору предложили рассмотреть идеи одного учёного. Бор рассмотрел и сказал, что они недостаточны безумны, чтобы быть истинными.

Фёдор ГИРЕНКО,
профессор философского факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Зеркало безработицы,

или Почему мой сын так и не нашёл себя

Завтра у сына собеседование, причём не в кадровом агентстве, а непосредственно у потенциального работодателя — в одном из крупных московских банков. После трёх лет бесплодных поисков нашлась наконец вакансия, соответствующая и его квалификации, и в какой-то мере его мечте. Господи, хоть бы всё срослось. Я проводила сына на вокзал — до Москвы из нашего городка ночь езды на поезде, — зашла в церковь, хотя по-настоящему верующей

не агентом — что-то там вносил в компьютерные таблицы. Через три месяца, после окончания испытательного срока, обещали поднять зарплату, а как только освободится место, более соответствующее его квалификации, перевести в другой отдел.

Сын поверил обещаниям, и мы с ним так размечтались, что тут же сняли отнюдь не дешёвую квартиру практически в центре Москвы, а я даже взяла отпуск и переехала к нему, чтобы на первых порах он мог вообще о быте не ду-

мать. Олег уходил из дома ни свет ни заря, а возвращался цвет за полночь. Его хвалили и через три месяца утвердили в должности и даже подняли зарплату — с 30 тысяч до 35. Львиная доля уходила на оплату квартиры, и денег, конечно, не хватало, но мы не роптали. Да и мне в тот момент повезло — только вернулась после отпуска в свой городок, предложили подработку (я — бухгалтер) ещё в одной фирме. В общем, справлялись и ждали, что вот-вот...

Друг с Олегом был солидарен и тоже считал, что на той должности сын только терял квалификацию. К тому же мечта о большом дружном коллективе так и не осуществилась — общался Олег только с компьютером.

Ладно. Сняли мы комнату, уже на окраине столицы, я уехала, а Олег начал рассылать свои резюме. Через полгода, когда я уже отчаялась, позвонил и сказал, что завтра выходит на работу в магазин.

— Магазин компьютерной техники?

понять — что за блажь? А потом он рассказал, как юная лева из такого агентства приехала его склочником. Он тогда пытался устроиться в новую рекламную службу. Им нужен был человек для создания сети и обслуживания компьютерной техники. Не совсем, конечно, по специальности, но всё же. Девушка в кадровом агентстве расспрашивала его о том о сём и что-то отмечала в лежачей перед ней табличке, а в конце интервью заявила, что сын не подходит, так как тест, кото-

свободным человеком, фрилансером, но я видела закомплексованного и неуверенного в себе маленького ребёнка. Гораздо младше того Олега, которого я когда-то собирала в столичный вуз. Надо было как-то ему помочь, я искала ему работу и в городе, и в Интернете, рассылала резюме по всем крупным заводам, банкам и компаниям. Он же готовил, стирал, убирал. Подруги мне завидовали. Надо же, какого ты сына воспитала, приходишь с работы — а ужин уже на столе!

мать. Олег уходил из дома ни свет ни заря, а возвращался цвет за полночь. Его хвалили и через три месяца утвердили в должности и даже подняли зарплату — с 30 тысяч до 35. Львиная доля уходила на оплату квартиры, и денег, конечно, не хватало, но мы не роптали. Да и мне в тот момент повезло — только вернулась после отпуска в свой городок, предложили подработку (я — бухгалтер) ещё в одной фирме. В общем, справлялись и ждали, что вот-вот...

Сначала сын звонил каждый день, потом раз в неделю, потом раз в месяц. Я думала, может быть, он девушку нашёл, ну и ладно, не до меня. О работе не говорил, а если я спрашивала, отнекивался — и перестал платить за квартиру, сказал, что уволюлся, с квартиры съехал и живёт у друга. Ну, я на поезд — и в Москву. Оказываюсь, примерно через год в отделе, в который он мечтал попасть, появилось место, но на него взяли более опытного сотрудника из какой-то другой фирмы, и тогда сын хоть и расстроился, но посчитал это, в общем-то, справедливым, а недавно в тот же отдел приняли выпускника его же вуза, совсем «сырого». Родственник какого-то начальника.

— Ну что, — укорила я Олега, — разве можно было уволиться? Работа ведь была интересная.

— Дебильная была работа, с ней и школьник, если его поднатаскает, справился бы.

— Элитных мужских костюмов, и я там буду продавцом. Я чуть с кресла не упала.

— Да, пойми ты, мам, я с людьми хочу работать.

Я не поняла и, видимо, хозяйин магазина — тоже. Через неделю Олега уволили — он честно сказал покупателю, что дорожный костюм тому идёт, как корове седло.

— Хозяин — просто идиот, ходит, шупает свои пиджаки и рубашки, слюны так и текут. Ну, рубашки как рубашки.

Олег никогда не был модником, если бы не я, так и ходил бы в драных джинсах и свитере. Так что с модной одеждой любви не случилось, и чего его понесло в магазин, так и осталось для меня загадкой. Прошёл ещё год, сын подружился с бабушкой — хозяйкой квартиры — и перестал платить за комнату. В качестве оплаты ходил за продуктами, убирал, а иногда и готовил. Себе на еду зарабатывал в ночных клубах, куда его иногда друзья приглашали на замену за более высокого клавишника (он окончил музыкальную школу и играл в ансамбле и в школе, и в институте), то налаживая соседям компьютеры.

Идти на постоянную работу в какую-нибудь фирму по продажам или наладке этих компьютеров отказывался наотрез — ему казалось, что это всё равно, что гранить алмаз кувалдой. Отказывался и устраиваться на работу через кадровое агентство, только напрямую. Я никак не могла

рыя она заполняла, показал (по положению рук, головы и т.д.), что он... — склочник. Мой робкий Олег — склочник. Полный бред!

И в соответствии с этим бредом склочный Олег склочку устраивать не стал, а хлопнул дверью. Прошло ещё несколько месяцев, работы не было, Олег стал вдруг интересоваться политикой и всё толковал мне по телефону про каких-то людоедов, на которых мы все работаем. Честно говоря, в какой-то момент показалось, что у него крыша поехала, и я вранула в Москву. Приехала, как оказалось, вовремя — Олег собрался на собеседование к какому-то работодателю. К какому — не сказал. Естественно, в джинсах и свитере. Бомж, и всё тут. Заставила его побориться и надеть костюм и галстук. До сих пор не понимаю, к счастью или наоборот.

Пришёл он злой и пьяный. Ему отказали. Осмотрели с ног до головы и сказали, что им нужен не топ-менеджер, а дворник.

— Так ты что? Дворником устраивался?

— Там комнатку в подвале давали. Но теперь её дадут не мне, а таджику. Потому что на него мама галстук не напялила.

Когда мой, в общем-то, непьющий сын проспался, мы собрали чемоданы и уехали домой. Конечно, в нашем городе работы по специальности для Олега не было, но я надеялась устроить его хоть куда-нибудь. Он себя называл

А я себе не завидовала. А мой некогда общительный сын-домохозяин теперь ни с кем не общался, из квартиры выходил только по необходимости, и все дни и ночи проводил в социальных сетях. Среди моря отзывов пришло предложение стать коммивояжёром — естественно, отказался, переквалифицироваться в охранника — отказался, мастером по ремонту оргтехники — опять отказался. Я и понимала его, и злилась. И вдруг не просто пригласили на собеседование, а предложили позвонить в отдел кадров банка и сообщили телефон. Сначала Олег махнул рукой — не буду, всё равно лажа. Но я его уговорила, и через два дня он позвонил. Там попеняли на нетерпеливость, но не отказали, мало того — пригласили к себе на собеседование.

Неужели конец мучениям? В советские времена я была начальником отдела кадров крупного завода. Сколько сил тогда требовалось, чтобы найти квалифицированного токаря или слесаря. Да и хорошего инженера заманить в наш городок было непросто. Я, помнится, мечтала, как было бы прекрасно, если бы в стране началась безработица, и не я бы бегала за токarem, а он за мной. Увы. Никто теперь ни за кем не бегаёт. Завод обанкротился, токари переквалифицировались в охранников, а я со своим инженерным образованием — в бухгалтеры. Безработным оказался мой сын.

Наверное, меня поймут далеко не все. Работу-то ему ведь предлагали, да и работа в стране действительно есть. Но ведь не может же мой умный и нежный мальчик быть просто чернорабочим на стройке или продавцом в супермаркете! Для этого он пять лет корпел над математикой? А может быть, я виновата в том, что настроила его на карьеру на крупном современном заводе, коих теперь по пальцам пересчитать? На большой дружный коллектив, в котором сама провела лучшую часть своей жизни. Впрочем, всё равно, кто виноват, я или сын. Помолитесь за него. Если всё опять сорвётся, боюсь, он пропадёт.

К читателям!

А вы боитесь безработицы?

Или вы считаете, что она — естественное следствие внедрения новых технологий и повышения производительности труда? Что только жёсткая конкуренция на рынке труда может поднять дисциплину и сделать производство более эффективным, как думали когда-то наивные советские граждане? Да, собственно говоря, и сегодня многие экономисты считают небольшой уровень безработицы для страны благом. Для страны, может быть, и благо.

А для человека, оставшегося без средств к существованию? Вам приходилось обивать пороги служб занятости и соглашаться на любую работу, лишь бы прокормить семью, или месяцами жить на пособие по безработице? Как вы искали работу, есть ли выбор в вашем городе, на любое ли место согласитесь или будете, если позволяют обстоятельства, ждать свою птицу счастья? Ждём ваши истории по адресу: mazurova@lgz.ru

Барбара ВАСИЛЬЕВА,
КИРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

ТЕЛЕПЕРСОНА

Система Станиславского помогает артистам не сойти с ума

Юрий СТОЯНОВ:

Этого актёра все знают по «Городку», а ещё и по работам в театре и кино («ЛГ» писала о замечательно сыгранных им ролях в фильмах «12» и «Человек у окна»). По нашей просьбе с Юрием Стояновым беседует его однокашник, известный режиссёр и продюсер Виталий МАКСИМОВ.

ШКОЛА СВОБОДЫ

— Недавно исполнилось 150 лет со дня рождения К.С. Станиславского, что значит для тебя его система?

— Слегка перефразируя известное высказывание товарища Ленина по поводу марксизма, могу сказать, что «учение Станиславского бессмертно, потому что оно верно!».

Если совсем просто о процессе обучения артиста системе Станиславского, то он весь сводится к пониманию природы собственного обаяния и ответу на вопрос: как именно я поступил бы в предлагаемых обстоятельствах? А ещё это — мучительный процесс соскрёбывания с себя всего лишнего, ненужного, наносного, пошлого и так далее. И постижение этих очень, казалось бы, простых вещей даёт и по сей день грандиозные результаты и в театре, и на экране.

Но, к сожалению, сегодня происходит подмена правильного понимания «органики», то есть естественного существования на сцене и в кадре. Самый трудный для меня было освобождение от «зажимов», поскольку мы, студенты, были носителями очень многих комплексов, когда поступали в ГИТИС. Надо было освободиться от них, стать по крайней мере физически свободным человеком, научиться видеть и слышать партнёра. Это была очень важная задача. Сегодняшние ребята а priori свободны в своём поведении на сцене и в кадре. У них внешне не присутствует никаких признаков зажимной неестественности. На самом деле, такую кажущуюся раскрепощённость мой педагог Владимир Наумович Левертов называл «свободой в зажиме».

Потому что та степень раскованности, с которой они выходят на сцену и в кадр, абсолютно тождественна той, с которой они ходят, например, в туалет. А это всё-таки, разные вещи. Педагогам, как мне кажется, сейчас очень сложно внедрять эту систему, потому что самая трудная её задача по раскрепощению студента кажется самой простой. «Серийная свобода», в худшем понимании этих слов, необязательность с на ходу выученным текстом не имеет никакого отношения к «системе», это подмена очень важных вещей. Но, к счастью, я, например, вижу, что в Школе-студии МХТ, в мастерских таких педагогов, как Владимир Брусикин, Игорь Золотовицкий, Виктор Рыжаков система ещё живёт и побеждает!

Она — основополагающий и краеугольный камень в профессии, в воспитании русского артиста. Все лучшие мировые образцы, весь мир обращён к этой системе. И Голливуд, и все остальные не мыслят себя вне расставленных её координат.

— Что для тебя самое трудное в актёрской профессии?

— В разные времена были разные трудности. По молодости самым трудным для меня было вот что: в нашей профессии нужно не думать, а сразу выполнять. Вот нужно сыграть, условно говоря, собачку. И я прежде всего думал: как по-идиотски буду выглядеть при этом. И после таких мыслей я её уже играть не мог.

— А с возрастом что изменилось?

— С возрастом могу позволить себе сыграть собачку. Теперь, бэкграунд работает на меня. С возрастом, если говорить про кино, то самое трудное, — ждть и терпеть.

— Что боишься потерять в профессиональном смысле?

— Лёгкость. Непредсказуемость. И то же самое умение

удивить себя самого. Я очень боюсь такого добротного профессионализма.

— А что, считаешь, в профессии ты приобрёл?

— Свободу. Свободу пребывания в кадре, на сцене. И умение получать от этого удовольствие. Это очень тяжёлый путь: научиться нравиться самому себе. Хотя бы иногда.

ЗАВИСТЬ. ПРАВИЛЬНАЯ И НЕПРАВИЛЬНАЯ

— Что для тебя значит понятие творческий компромисс?

— Умение выслушать и попытаться понять партнёра, собеседника, оппонента, режиссёра. Есть только одни люди, с которыми я не спорю и доверяю им безмерно на съёмочной площадке, — операторы. Я влюблён во всех операторов, с которыми работал. Это притягательная для меня профессия немногословных людей своей интуицией. Я ей очень доверяю. Пусть на меня не обижаются режиссёры, но я всегда к операторам подходил, и их мнение для меня было ключевым. У них какой-то особый, животный нюх на неправду. Я не имею в виду, как я выгляжу. Выгляжу я всегда плохо. Себе, как правило, я никогда не нравлюсь. К сожалению, это очень большой мой недостаток. Я не люблю свои изображения в кадре. Об этом меня заставляет забыть только то, что я там неплохо существую. А есть такие актёры, которых природа одарила так, что сам факт их пребывания в кадре уже сам по себе очарователен.

— Природное дарование?

— Это — дар в том смысле, что он подарен, а не приобретён.

— Ты кому-нибудь завидовал в профессии?

— Завидую сейчас только тем, с кем мне нечего делить. Я завидую тем ребятам, которым сейчас до тридцати, но у них стала так складываться карьера, что получились всё сразу. Я завидую их талантам, их прикладным навыкам. В эту профессию так тяжело входили, приравнивавшаяся к ней, она к тебе. И дело всё здесь не в том, что везёт — не везёт, судьба или, наоборот, не судьба. И когда они делают что-то очень точно с профессиональной точки зрения, я им завидую. Но эта зависть с радостью за них.

— А сам на себе зависть коллег ощущаешь?

— Ха-ха-ха... Был период, когда я ощущал. Но она была какой-то неправильная. Это не та зависть, которой можно гордиться. Гордиться, что тебе завидуют. Есть зависть, которой можно гордиться. Зависть к тому, что ты умёешь. К тому, что ты что-то понял, к чему-то пришёл в этой профессии, что-то знаешь такое, чего не знают другие. А вот завистью к успеху нечего гордиться. Что это — лёгкий хлеб, телевизор, в котором ты всё время мелькаешь, что это к тебе легко пришло, ну а «нам» просто не везёт. Эта зависть — никакая, несерьёзная.

Ну что мне им ответить? Что нужно меньше водку пить? Что нужно лучше брать в руки профессию? Что необходимо идти своим путём и, как мы с Илюшей (Олейниковым), уходить из театра, уходить с эстрады, рисковать всем. Учиться каким-то ремёслам, каким-то технологиям, чтобы полностью замкнуть на себе весь цикл создания телепередачи. Какой путь надо было пройти? Через какой труд, через какие риски! Или везёт не этому завидовали, а по отношению, успеху, узнаваемости, деньгам...

— Уходя из БДТ, ты приносил себя «жертвой» на «алтарь искусства»?

— Уходил, чтобы мне стало лучше. В чём же жертва?

Я же не уходил оттуда лауреатом премии Ленинского комсомола, ведущим и «заслуженным» артистом Большого драматического театра в некую неизвестность. Было бы красиво так про себя рассказать, но это же неправда. Наоборот. Я уходил в жизнь, которая мне казалась, что она будет лучше. Жизнь, которая будет освобождена от огромного минуса в этой профессии — от актёрского рабства, зависимости от других людей, подчас неталантливых. Потому что зависть от гения — это одно. Зависть от бездарности — это страшно.

А был ещё Советский Союз, в котором было унизибельно, в котором шла вечная борьба за পেику эту несчастную, чтобы пожать. Не поесть, не покушать, а именно — пожать, похвалить! Почему такие слова? Потому что мы с тобой не ели и не кушали, когда были студентами.

А мы стали вспоминать то время не за то, что нас тогда учили любить свою родину, а за то, что нас тогда боялись. Мы стали вдруг гордиться страной, которую боя-

лись. Не на пустом месте возник этот тренд, понимаешь? Это — тоже по империи. Когда, пусть, тебе лично плохо, но зато страна большая, мощная, космическая... Это — неумение жить сегодняшним днём, быть счастливым, это стремление строить какое-то будущее. Каждому поколению в его сегодняшний день попеню-то плохо. Люди порой не понимают, что жизнь каждого из них настолько коротка, что можно её сравнить с продолжительностью жизни какой-нибудь бабочки. Как же складывать, чтобы страна беспокоилась не только за будущее, но вместе с тем стала страной сегодняшних забот сегодняшних людей? Но ни одно поколение так не прожило. Поэтому я помню о существовании огромного количества порядочных людей в то время. Об истории Великой Отечественной войны, которой можно гордиться. Проходишь мимо иного памятника и думаешь: какой потрясающий маршал! Какая личность! Какую войну выиграл! И потом понимаешь, как этот самый маршал гнал на смерть десятки тысяч солдат, чтобы взять какой-то городок к дате... И тем не менее ты знаешь, что он — лучший маршал в истории той страшной войны. Вот такая у нас сугубо личностная история. Вся из парадоксов. Много чего можно в ней любить, и масса того, что можно ненавидеть. Вся наша история вызывает всякие чувства и по крайней мере не оставляет гражданина равнодушным. Поэтому у нас так любят Шекспира. Шутка.

— И в заключение опять о Станиславском. Насколько, с твоей точки зрения, актуально его учение сейчас?

— Надо честно признать, что перечитывание его книг: «Работа актёра над собой» и «Моя жизнь в искусстве» — занятие не очень весёлое. Или, мягче скажем, незанимательное. Но иногда молния пробивает от стороны вверх, а не как обычно,

— сверху вниз, потому что тебя внезапно посещает мысль: здесь то, к чему ты обычно приходишь через ошибки путём десятилетнего опыта. Ты понимаешь, что не мешало бы вернуться к этому «чтиву», прочитанному последний раз лет двадцать назад, и не изобретать велосипед. Особенно это важно для «практикующего» актёра, который относится к своему делу, как к некоей лаборатории, а к себе, как к некоему инструменту. Тогда она успешна и полезна для артиста в практическом смысле. Система причуствует иногда к очень важным, а иногда и очень страшным вещам. Она предназначена тем людям, которые не говорят себе, что они уже всё поняли в этой профессии и всё уже умеют. Система предназначена тем людям, которые терзают себя всю жизнь. И чем дольше они работают, тем больше им кажется, что они ничего не понимают в актёрской профессии. Да, есть практические навыки, уходит страх, а уверенности не добавляется. Она для людей, истязающих себя. Она живая, потому что предназначена для «живых» артистов. «Живой» артист делает эту систему живоотражающей. Под «живым» артистом я подразумеваю не перестающего удивляться окружающему миру, не очень уверенного в себе и часто мучающегося от внутренней борьбы с самим собой человека. Как правило, ему нужны ответы, ему нужны подтверждения.

Система иногда причуствует тебя к страшным вещам. Ты сам можешь находиться в какой-то трагической ситуации, но при этом забрасывать в свою актёрскую эмоциональную «копилку» то, что ты в данный момент переживаешь. Каким бы трагическим ни был этот момент. Вот, я 1 января наступившего года пережил не очень приятную ситуацию в самолёте, совершающем вынужденную, аварийную, жёсткую посадку из-за проблем с двигателем. При этом я понимал, что, как это ни ужасно, мой мозг пытается сохранить в эмоциональной памяти все переживания только для того, чтобы быть естественным, если когда-нибудь придётся играть подобную ситуацию в кино. Надо было запомнить те процессы, всё то, что подвигло меня к тому, чтобы я переживал именно так, а не иначе. Весь свой внутренний монолог я должен был сохранить. Весь ужас той ситуации очень действенным.

Система учит пониманию того, что в жизни не бывает бесконфликтных ситуаций и бездействующих персонажей. Даже между Ромео и Джульеттой существовал конфликт. Он обозначен очень просто — кто кого больше любит? И эти два человека конфликтуют.

— Я люблю больше!

— Нет, я люблю тебя больше!

— Нет, я...

И этот конфликт, который надо играть.

Вот я сидел в том самолёте и делал самый страшный вывод: что в этой ситуации от меня не зависит ничего. Я ничего не могу сделать, я лишён выбора. Даже когда ты под бомбёжкой, ты можешь убежать налево или направо, и это — выбор. Остаться на месте — это тоже выбор. Ты попал в плен. Ты можешь терпеть, ты можешь врать, ты можешь предать. И это тоже — выбор. Но в самолёте не было выбора. Я впервые в жизни оказался в такой ситуации. Отсутствие выбора. Я ничего не могу сделать. Это страшно. Эти мысли и подвели итог огромных переживаний. Вообще наша профессия предназначена психически уравновешенным, здоровым и сильным людям. Иначе, — можно сойти с ума. Я думаю, что система Станиславского помогает артистам не сойти с ума. Помогает существовать в рамках профессии, но не отделять при этом профессию от биографии.

Кадр из фильма «12»

НОСТАЛЬГИЯ ПО СПРАВЕДЛИВОСТИ

— Чехов утверждал, что «мы, русские, обожаем своё прошлое, ненавидим настоящее и опасаемся будущего». Согласен с Чеховым?

— Да, абсолютно. Я с Чеховым согласен во всём.

— Другой писатель сказал: «Немец строит планы, а русский только мечтает». ... А кого ты считаешь по-настоящему русским?

— Сложный вопрос. Для меня полинной русский это прежде всего — интеллигентный человек. Я считаю русским человеком того, кто обладает теми лучшими качествами, которые традиционно и приписываются русскому человеку. Их много. Их очень много. Но дальше выясняется, что настоящим американцем будут считать такого же человека. Для которого, к примеру, чувство закона превыше всего. И настоящий немец будет с такими же качествами. Русский человек это — не насаждение справедливости, а вечная мечта о справедливости и вечный полёт к ней. Не построение справедливости, а вечная мечта и поиск. В общем, это — сложный и длинный разговор. Посмотри, какие разные люди Чехов и Достоевский. Русские интеллигенты. Два полных, абсолютно противоположные. У Достоевского: «Чего больше всего боится человек?» — «Перемены». У Чехова: «Кто прав?» Ответ: «Кто искренен, тот и прав!» Какое у обоих простое и абсолютно точное мироощущение! И тот и другой — русские. А какие разные.

— Сейчас у многих развивается ностальгия по Советскому Союзу. У тебя она есть?

— Я почувствовал это давно. До того, как Советский Союз вновь стал модным трендом. Есть два Советских Союза для меня. Есть тот, в котором прошла моя молодость, и другой уже не будет. Никаким преследованиям я в ней не подвергался. В КГБ меня не вызывали. Я жил

в счастливой семье, легко поступил в институт. Бесплатно. И лечили меня бесплатно. Всё это было не просто, что-то по благу иногда. Жил, правда, не в бесплатной квартире. В кооперативной. И это было, как и в нынешних временах, не очень доступно, дорого...

А был ещё Советский Союз, в котором было унизибельно, в котором шла вечная борьба за পেику эту несчастную, чтобы пожать. Не поесть, не покушать, а именно — пожать, похвалить! Почему такие слова? Потому что мы с тобой не ели и не кушали, когда были студентами.

А мы стали вспоминать то время не за то, что нас тогда учили любить свою родину, а за то, что нас тогда боялись. Мы стали вдруг гордиться страной, которую боя-

лись. Не на пустом месте возник этот тренд, понимаешь? Это — тоже по империи. Когда, пусть, тебе лично плохо, но зато страна большая, мощная, космическая... Это — неумение жить сегодняшним днём, быть счастливым, это стремление строить какое-то будущее. Каждому поколению в его сегодняшний день попеню-то плохо. Люди порой не понимают, что жизнь каждого из них настолько коротка, что можно её сравнить с продолжительностью жизни какой-нибудь бабочки. Как же складывать, чтобы страна беспокоилась не только за будущее, но вместе с тем стала страной сегодняшних забот сегодняшних людей? Но ни одно поколение так не прожило. Поэтому я помню о существовании огромного количества порядочных людей в то время. Об истории Великой Отечественной войны, которой можно гордиться. Проходишь мимо иного памятника и думаешь: какой потрясающий маршал! Какая личность! Какую войну выиграл! И потом понимаешь, как этот самый маршал гнал на смерть десятки тысяч солдат, чтобы взять какой-то городок к дате... И тем не менее ты знаешь, что он — лучший маршал в истории той страшной войны. Вот такая у нас сугубо личностная история. Вся из парадоксов. Много чего можно в ней любить, и масса того, что можно ненавидеть. Вся наша история вызывает всякие чувства и по крайней мере не оставляет гражданина равнодушным. Поэтому у нас так любят Шекспира. Шутка.

— И в заключение опять о Станиславском. Насколько, с твоей точки зрения, актуально его учение сейчас?

— Надо честно признать, что перечитывание его книг: «Работа актёра над собой» и «Моя жизнь в искусстве» — занятие не очень весёлое. Или, мягче скажем, незанимательное. Но иногда молния пробивает от стороны вверх, а не как обычно,

— сверху вниз, потому что тебя внезапно посещает мысль: здесь то, к чему ты обычно приходишь через ошибки путём десятилетнего опыта. Ты понимаешь, что не мешало бы вернуться к этому «чтиву», прочитанному последний раз лет двадцать назад, и не изобретать велосипед. Особенно это важно для «практикующего» актёра, который относится к своему делу, как к некоей лаборатории, а к себе, как к некоему инструменту. Тогда она успешна и полезна для артиста в практическом смысле. Система причуствует иногда к очень важным, а иногда и очень страшным вещам. Она предназначена тем людям, которые не говорят себе, что они уже всё поняли в этой профессии и всё уже умеют. Система предназначена тем людям, которые терзают себя всю жизнь. И чем дольше они работают, тем больше им кажется, что они ничего не понимают в актёрской профессии. Да, есть практические навыки, уходит страх, а уверенности не добавляется. Она для людей, истязающих себя. Она живая, потому что предназначена для «живых» артистов. «Живой» артист делает эту систему живоотражающей. Под «живым» артистом я подразумеваю не перестающего удивляться окружающему миру, не очень уверенного в себе и часто мучающегося от внутренней борьбы с самим собой человека. Как правило, ему нужны ответы, ему нужны подтверждения.

Система иногда причуствует тебя к страшным вещам. Ты сам можешь находиться в какой-то трагической ситуации, но при этом забрасывать в свою актёрскую эмоциональную «копилку» то, что ты в данный момент переживаешь. Каким бы трагическим ни был этот момент. Вот, я 1 января наступившего года пережил не очень приятную ситуацию в самолёте, совершающем вынужденную, аварийную, жёсткую посадку из-за проблем с двигателем. При этом я понимал, что, как это ни ужасно, мой мозг пытается сохранить в эмоциональной памяти все переживания только для того, чтобы быть естественным, если когда-нибудь придётся играть подобную ситуацию в кино. Надо было запомнить те процессы, всё то, что подвигло меня к тому, чтобы я переживал именно так, а не иначе. Весь свой внутренний монолог я должен был сохранить. Весь ужас той ситуации очень действенным.

Система учит пониманию того, что в жизни не бывает бесконфликтных ситуаций и бездействующих персонажей. Даже между Ромео и Джульеттой существовал конфликт. Он обозначен очень просто — кто кого больше любит? И эти два человека конфликтуют.

— Я люблю больше!

— Нет, я люблю тебя больше!

— Нет, я...

А ВЫ СМОТРЕЛИ?

telev@mail.ru

НТВ вступилось за Церковь

Фильм Бориса Корчевникова с интригующим названием «Не верю» прошёл на канале НТВ и сразу вызвал благосклонную реакцию православной общественности. Действительно, журналист справился с важной задачей: систематизировал данные, подтверждающие, что Церковь стала жертвой пропагандистской кампании, что хорошо организованная сила пытается дискредитировать важнейший общественный институт России. Автор привёл мнения экспертов, показал лица главных агитаторов. Многозначительно мелькнули в динамичном монтажном ритме физиономии Познера, Гельмана и даже Парфёнова (бывшего начальника и учителя автора исследования).

Однако нужно отметить важный момент: ученик оказался последователем приверженцем творческих принципов Леонида Геннадьевича и верным продолжателем традиций современного НТВ, которое, впрочем, является лишь вульгарной формой парфёновщины.

При всех достоинствах фильма Корчевникова анализ событий оказался поверхностен. Описывая механизм кампании против Церкви, автор и дело прибалгал к антисоветской риторике, традиционной и для Познера, и для Парфёнова, и для всего теперешнего ТВ. Помогали в этом Борис Корчевников ещё и протоиереи Дмитрий Смирнов и Всеволод Чаплин. Анализ ситуации сводился к простой формуле — это, мол, «совки», продолжение советской атеистической пропаганды.

И вот какая мысль пришла в голову: неужели столь высокий представитель Церкви, её, как теперь говорят, спикерам, мудрым и неординарным миссионерам, не приходило в голову, что их теперешняя паства, да и «потенциальные воцерковлённые», как раз и есть самые настоящие «совки»? И эти «совки», больше чем кто бы то ни было, выступают против Гельмана, Познера, всех этих продажных блогеров, показанных в фильме. Что «совки», воспитанные в советских пури-танских традициях, — общность, которая может противостоять мерзким пляскам в храме и так называемому современному искусству. Что «совки» — главная сила, на которую может опереться русское православие...

А потому, скажем мягко, неуместно и недальновидно повторять при каждом удобном случае о советских временах гонений на Церковь. Все и так всё помнят, все всё понимают.

Сергей ОРЛОВ

Положительный образ врага

Изумила попытка Николая Сванидзе создать в «Исторических хрониках» слейный парадный портрет Александра Яковлева. Как демократа и реформатора, выросшего в недрах сталинского аппарата, но презревшего после XX съезда и особенно после стажировки в Колумбийском университете (вместе с будущим генералом КГБ Калугиным, осуждённым за предательство, о чём Сванидзе умолчал), окончательно созревшего для государственного переворота в Канаде, куда его направили послом. Кстати, почему «Россия» доверила анализ нашей недавней истории Сванидзе? Помните, в программе «Суд времени» за его точку зрения голосовали считанные проценты телезрителей, которым за двадцать пять лет яковлевская пропаганда обрыдла.

В передаче прозвучал неожиданный комментарий Александра Ципко: поскольку контрреволюция снизу в СССР была невозможна, она была осуществлена сверху. Навязана. Во главе контрреволюционного заговора против СССР встали члены горбачёвского Политбюро. И самым эффективным из них оказался Яковлев, возглавивший и направивший партийную прессу против партии и всего государственного устройства СССР. Фактически было заявлено, что целью перестройки было не реформирование социалистической системы (имея примером, скажем, Норвегию, Финляндию, Израиль и множество других развитых стран), а её уничтожение. Что под «мудрым» руководством Горбачёва при энергичном участии предателя Яковлева и случилось. Произошла контрреволюция, приведшая не к бурному развитию, как было после буржуазных и социалистических революций, а к развалу во всех областях: науке, промышленности, обороне, образовании, культуре, национальных отношениях и к нравственной деградации общества. Как при том, что мы теперь знаем про Яковлева из его же книг, впаривать нам, что он великий демократ-реформатор?

Впрочем, зная, как либеральная пресса защищала всех разоблачённых шпионов от Платона Обухова до Игоря Сутягина, следует ждать от Сванидзе передачи о том, где высшей формой героизма и патриотизма предстанет предательство национальных интересов и сотрудничество с иностранными спецслужбами.

Леонид СОКОЛОВ

ТЕЛЕМИРАЖ

Чудо невиданное

Поздним вечером 15 января 2013 года на канале «Россия 24» произошло чудо. Замечено оно было случайным образом вследствие бессистемного переключения каналов. Вот представьте, идёте вы по смешанному лесу средней полосы и вдруг видите цветущий экзотический кактус. Как тут не остановиться... «Рабочий класс», — сказал кто-то в телевизоре.

По картинке сразу было видно — снято в наши дни, это не повтор чего-то советского. Может, послышалось? Или лаянули в шутливом разго-

воре с обычным для нынешних времён сарказмом? Нет, это что-то документальное, всерьёз.

Показывали фильм о том, как в современной России молодые люди получают рабочие профессии, как уничтожили за последние годы рабочий класс, какая это огромная проблема для будущего страны. Удивительной оказалась не только тема, но и профессиональный уровень «телепродукта». Это был увлекательный рассказ о юных современниках, сделанный по высоким стандартам киноискусства. Тут вам и драматургия, и компо-

рикатурные пэтэушники, а обаятельные ребята, что называется, с широким кругозором и активной жизненной позицией. Да и преподаватели оказались им под стать — нормальные, канонические, сразу ясно, добрые и мудрые наставники, простые, неиспорченные жители русской провинции. И при этом все, без сомнения, настоящие, стопроцентно реальные.

Показали нам и учёбу, и художественную самодеятельность, и личную жизнь, и предпринятия, куда пойдут работать выпускники. И, что важно, не было в повествовании ничего плакатного, притянутого за уши, где-то — с незлобивым юмором, где-то — с умственным пафосом...

Кто же это всё снял, продюсер, профинансировал, решился поплыть против течения, поднять такую важную для России тему? Название фильма пропущено, и, вот незадача, финальные титры промелькнули, как обычно, мгновенно, прочитать их не удалось. Только в самом конце производитель — ГПБ (ОАО). Что за таинственный ГПБ? Связано ли как-то с КГБ? Или может НБП?

Расшифровать аббревиатуру помог Интернет. Оказалось, речь идёт о Газпромбанке. Действительно, в фильме упоминались именные стипендии от этой организации для лучших учащихся. Так что эта затея осуществлена в рамках рекла-

мы банка и его богатого учредителя? Или просто рекламные деньги использовались с толком на нужное и хорошее дело? Подумалось: парадокс, ведь у «Газпрома» столько своих СМТ, ведь с таким ресурсом, как НТВ, «Эхо Москвы», можно было создать настоящий культ рабочих специальностей, привлечь в училища тысячи сограждан, что жизненно необходимо, кстати, и самому «Газпрому»...

Чудеса продолжались: в телепрограмме фильма, похороже на увиденный, найти не удалось. Пресс-служба «России» тоже помочь не смогла. Спросили: точно, мол, 15-го? Вы уверены, что на «России 24»? Попросили рассказать, о чём кино. Выслушали с инте-

ресом, обещали перезвонить. Не перезвонили.

И волей-неволей пришлось задуматься: а может, действительно ничего не было? Пришлось? Парень, которого снимают в полупустом трамвае, и он вспоминает, что решил стать электриком, оказавшись ещё ребёнком в этом странном транспортном средстве с каким-то невероятным ромбом на крыше. Девушка на безумных шпильках с зубилом и молотком в руках, о которой восторженно рассказывает директор училища, что она и поёт, и танцует, и в мужской профессии — лучшая...

Неужели всё-таки привиделось?

Вадим ПОПОВ

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

Куба в предчувствии перемен

Здесь словно попадаешь в СССР тридцатилетней давности: отдельные магазины для иностранцев, отдельная валюта — так называемые конвертируемые песо по кличке «куки» — сокращённое «кубинская конвертируемая единица». Так вот пачка кофейных зёрен в полкило стоит примерно зарплату кубинской учительницы.

БЕДНОСТЬ КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ

На Кубе царит привычная, устоявшаяся, обжитая бедность. У этой бедности свой стиль — социалистический. Бывает бедность капиталистическая и бедность социалистическая. Капиталистическую бедность я видела в Африке, в Зимбабве, это бедность, соединённая с болезнями, невежеством, беспросветностью. Там дети не ходят в школу, не говоря уж о профессиональном образовании, людям негде лечиться.

На Кубе — иначе, здесь бедность, понятно, социалистическая. Не хватает решительно всего, но люди по-южному веселы, улыбки, опрятны и по виду сыты и здоровы. Даже попрошайки (а их немало), промышленные возле туристических стоянок, какие-то игровые, потешные нищие. Вполне возможно, это просто их приработок, а так — это нормальные люди, а вовсе не обитатели дна. Жизнь идёт своим чередом: дети ходят в школу, поступают в институты (кстати, нам говорили, что около 85% молодёжи получает высшее образование, это колоссальный процент, в самых передовых странах он гораздо ниже), продолжительность жизни — очень высокая, и она растёт, учителя учат, врачи лечат.

В каждом многоквартирном доме живут и работают врач и медсестра общей практики, так называемый семейный врач: медсестра — на первом этаже, врач — на втором. Всё, естественно, бесплатно — при их-то зарплатах. Впрочем, рождаемость снизилась, содержать детей трудно при всей помощи государства, поэтому их рожают мало: один, максимум два. Так образованные люди во всём мире реагируют на экономические трудности. На улицах видишь мало детей. Население, говорят сами кубинцы, уменьшается, хотя общая продолжительность жизни высокая, во многом благодаря хорошо поставленному здравоохранению. Это бедность — социалистическая.

Социалистическая бедность — это жизнь аскетическая, но организованная, налаженная. И — культурная. Я видела в Гаване объявление: требуется техник-механик со средним специальным образованием, зарплата 350 песо в месяц — это около 18 долларов. Но невдалеке от объявления о найме механика за 350 песо я прочитала другое: молодёжь и подростки приглашаются учиться театральному искусству. Сопровождавший нас кубинец сказал, что такие занятия очень распространены и, разумеется, бесплатны. Так было и у нас: хлеб по карточкам, но трудящиеся ходят в оперу и учат детей в музыкальной школе. При капиталистической бедности такое невозможно. Там формируются настоящие дно: неграмотность, бездомность, социальные болезни вроде туберкулёза.

Есть на Кубе и дома пионеров, и, естественно, сами пионеры. Ходят опрятные, в пионерской форме — белый верх, синий низ. С двумя мне даже привелось познакомиться: в субботу пришли в гостиницу, видимо, навестить работающих тут родителей. Я пионерскалась, в каком классе, сколько лет. Стыдливой собственноручной банальности, спросила, кем хотят стать, когда вырастут. Мальчик сказал, что врачом, а девочка — более практичная — что работать в гостинице, как мама. Есть у них и пионерские лагеря, куда посылают тех, кто особо отличился в учёбе, — как у нас в старые времена в Артек.

«ЧТО ЖЕ БУДЕТ С РОДИНОЙ И С НАМИ?»

Что же дальше? Куда ведут кубинские реформы? И кто приведёт на смену братьям Кастро, которые уже находятся на девятом десятке своего возраста? Этот вопрос оживлённо обсуждается не только на Кубе, но и во всём мире.

Ведётся ли на Кубе дискуссия о путях развития? Похоже, что ведётся. Член партии Хорхе рассказал, что люди собираются и свободно обсуждают любые вопросы в местных отделениях так называемого Комитета защиты революции. Вообще слову «революция» здесь придаётся некий всеобъемлющий смысл: это и Родина, и справедливость, и всё хорошее в жизни. Как пелось когда-то в нашей песне: «Наша Родина — революция, ей единственной мы верны».

Обсуждение дальнейших путей и судеб революции в этом специфическом смысле слова ведётся, как я поняла, строго на социалистической платформе. Не потому, что иное запрещается, а просто люди верят в социализм и связывают с ним своё будущее. Социалистический выбор под сомнение, сколь я поняла, не ставится, речь идёт о

ла-то я своих собеседников мимолётно и только по именам.

Ничего подобного анекдотам и байкам о Брежнев, распространённым в эпоху упадка СССР, здесь нет. Как хотите, но вера в своих вождей — это сила и здоровье народа, а вовсе не дикарская неразвитость, как это у нас принято думать, согласно хитрым интеллигентским воззрениям. Напротив, всепроникающая ирония, скепсис и нигилизм креативных «граждан мира» — признак слабости, упадка и разложения. Так вот на Кубе этого, похоже, нет.

ЕСТЬ НАДЕЖДА

На что? Надежда на то, что народу под руководством своих вождей удастся удачно совершить то, что пока в полной мере не удалось никому — успешно *выйти из социализма*. Наш народ этот манёвр блистательно провалил. Говорю «народ», а не «начальство», потому что начальники — это неотъемлемая часть народа, даже в том случае, когда они напрямую не избираются. В этом смысле известного изречения, что каждый народ заслуживает своего правительства.

Кубинцы, похоже, привязаны к своей жизни и не стремятся её развалить ради рыночных химер. Куба не стремится идти по российскому пути разрушения самых основ социализма — плановой экономики, преобладания общественной собственности на средства производства, социальных гарантий трудящимся. Не последнюю роль тут играет наш пример — на этот раз отрицательный. (Прав, прав Чаадаев, считавший, что мы на свет родились, чтобы служить другим народам неким поучением).

На Кубе, по-видимому, сравнивают своё положение не с самыми богатыми и успешными странами мира, а с чем попроще — с родственными по языку и духу странами Латинской Америки. Тут картина вырисовывается иная, и те скромные блага, которые они имеют, кажутся большой ценностью. Мы привыкли сравнивать себя с Америкой, с которой соревновались в гонке вооружений. Вот и пригрезилось нам в перестройку, что вот только скворчнём надоевший совок с его разрушительным Госпланом и угнетательной КПСС, как тутчас прольётся на нас дивное изобилие, как в Америке, или, ладно, для начала как в Италии.

ЧТО МОЖНО И НУЖНО СДЕЛАТЬ?

Ни в коем случае не допустить отвальную приватизацию. Частный собственник эффективнее государства только в том случае, если он сам создал свой бизнес. Если он получил его даром на любых основаниях — его единственным побуждением будет немедленное вытрясти из него всё, что возможно, и выкинуть пустую оболочку. Потом, в социалистических странах предприятия были некими центрами жизни: содержали ЖКХ, соцкультбыт, культуру своих городов. Ничего подобного никакой частник делать не будет, а это означает распыление всей ткани народной жизни, что сегодня происходит у нас, особенно в провинции, в моногородах.

Приватизация, т.е. попадание предприятий в руки тех, кто не умеет да порой никогда и не пробовал управлять такими имущественными комплексами, особенно в условиях рыночной конкуренции, означает их гарантированное превращение в прах. Поэтому ключевые государственные предприятия должны остаться в руках государства — нефть, никель. Безусловно — энергетика, транспорт.

Открыться Западу, не использовать протекционизм — означает немедленное уничтожение национальной экономики. Разговоры о том, что протекционизм *ведёт* к застою, — сушая чепуха. Это либо полное непонимание, либо корысть. Да, протекционизм ведёт к застою, но без протекционизма очень скоро и застаиваться оказывается нечему. Это мы блестяще продемонстрировали нашим реформаторским опытом. Между прочим, это хорошо понимал Маркс ещё в 1848 г. В «Речи о свободе торговли» он верно говорил, что «покровительственная система способствует развитию свободной конкуренции внутри страны». Поэтому всякая поднимающаяся национальная буржуазия (как в те времена немецкая) решительно *требуется* протекционизма. То, что в сегодняшней России его никто не требует, доказывает только то, что никакой национальной буржуазии, промышленной в первую очередь, у нас нет. И возникнуть она может только в условиях очень разумного и твёрдого протекционизма.

Экономикой надо уметь и решительно руководить. В том числе и действующими в ней инновационными операторами. Следует понимать, кого и зачем мы привлекаем, и чего от этого участия можем ждать. Представление, что рынок сам всё наладит, а потом придет добрый Штольц и всё обустроит, — нелепость, ведущая к развалу, что мы тоже блистательно доказали на своём опыте. Хорошо, если это понимают кубинские товарищи.

Не только экономикой, разумеется, руководить надо. В первую очередь людьми нужно руководить — главным образом в отношении их мышления. Для этого нужна идеология — смесь философии и религии. Необходимо постоянное воспитание народа. На Кубе нет расизма, в том числе и бытового, — это огромное достижение воспитания и вообще идеологической работы. Когда говорят, что дружба народов была искусственной, — это глупость. Любые мысли — вообще искусственное явление: в природе, как известно, мыслей нет. Сказать людям: «Думайте, что хотите!» (в этом ведь смысл так называемой идеологизации) — это всё равно, что вместо преподавания физики сказать семикласснику: «Наблюдай природу и делай любые выводы!». Если человек убеждён, что вещества состоят из молекул, а Пушкин — великий поэт, то убеждён он не оттого, что сам это придумал, а оттого, что ему кто-то это сказал и внушил.

Поэтому нужны умная и постоянная идеологическая работа, политическая и идейная мобилизация народа. Сумеют это сделать кубинские товарищи — шанс на победу есть. Уронят вожжи, выпустят руль из рук — тогда хана. Так что, как поётся в популярной песне, *Hasta siempre comandante* — «навек командир». Без командира — нукуда. Только где же его взять...

РИА «Новости»

том, как улучшить жизнь и модернизировать социализм. Об этом же говорят и братья Кастро. На Кубе, кстати, не употребляется слово «реформы» — говорят только об усовершенствовании и углублении социализма.

В главном месте страны, на необозримо просторной площади Революции, оформленной в типично социалистической эстетике, громадная чёрно-белая мозаика с портретом Фиделя и надписью *Vas bien, Fidel!* — «Хорошо идёшь, Фидель» — что-то вроде «Верной дорогой идёте, товарищи!». «Гордый взгляд интеллигентный», весьма возможно, увидит в этой фразе утончённое издевательство: на фоне развалин, продовольтенных карточек, древних авто и тощих зарплат. Но я в этом вижу то самое народное согласие, по-советски говоря — «идейно-политическое единство», без минимума которого невозможно никакое движение вперёд. Особенно невозможен никакой серьёзный манёвр.

Все, с кем мне удалось пообщаться, с большим уважением и симпатией говорили о руководителях страны. Мне кажется, искренне. Не думаю, чтобы они боялись местной «кровавой гебухи»: трудно предположить, что заезжая туристка, говорящая по-испански с натугой и ошибками, пойдёт туда доносить, да и на кого доносить — зна-

Сейчас много рассуждают о том, что будет после Кастро. Есть мнение, что власть возьмёт военная хунта. Меня совершенно не scandalизуют слова, даже такие ужасные, как «хунта», «диктатура», «тоталитаризм». Безусловно, для неразрушительного перехода к рынку необходима диктатура, скажем деликатнее — авторитарное правление. Совершить трудный манёвр можно, только крепко держа руль в руках, иначе ситуация неизменно идёт вразнос. Вопрос в содержательной стороне диктатуры: чего она будет добиваться, какова её программа, каков образ результата? Правитель (индивидуальный, коллективный, любой) должен понимать, чего он хочет. Если он не понимает — всегда найдется те, кто повернёт дело по-своему и уж конечно к собственной выгоде.

Важно, чтобы диктатура была национальной. В двояком смысле национальной: во-первых, она бы преследовала национальные интересы, а во-вторых, понимала бы и чувствовала национальный характер и вообще тот человеческий материал, с которым ей предстоит осуществлять свои планы. Любые попытки выйти на дорогу цивилизации с общечеловеками приводят к разрыву и упадку. Это наш опыт перестройки и всего, что за нею воследовало.

Там, похоже, замах скромнее: они хотят не прыгнуть в чужую жизнь, а улучшить свою. Есть и понимание того, что, выйдя из социализма, страна сможет войти вовсе не в парадную залу, а на убогие задворки капитализма. Такова судьба ВСЕХ посткоммунистических стран — стать периферией передового Запада. Куба не хочет снова стать сахарницей и борделем Соединённых Штатов. К тому и другому она имеет природное предрасположение, но любое предрасположение не фатально, и каждый народ, как и каждый человек, должен и может стремиться осуществить лучший из возможных сценариев своей жизни. Мы осуществили худший, хочется пожелать кубинским товарищам реализовать хотя бы средний.

Для этого во главе должен стоять твёрдый, умный, национально ориентированный лидер, имеющий ясный план и неуклонно проводящий его в жизнь. *Свой собственный* план. Никакие иностранные советники никогда не ответят на сакраментальный вопрос «что делать?», вернее, ответят, но ответят в интересах своих стран. А в чьих интересах должны действовать они — в моих, что ли? Странная наивность ожидать такое. А ведь ждали... У нас.

Татьяна ВОЕВОДИНА

ОПЫТНЫМ ПУТЁМ

Ханьбань идёт по миру

Организации, занимающиеся распространением родного языка за границей, уже давно существуют в Англии, Франции, Германии, Испании, Японии. Но наиболее масштабной является деятельность Государственной (подчёркиваю — Государственной) канцелярии по распространению китайского языка, созданной в 2001 г. В обиходе её называют Ханьбань. Эта структура непосредственно подчинена Министерству образования КНР и возглавляет её чиновник, вернее чиновница в ранге заместителя министра. Государственная канцелярия одновременно является штаб-квартирой Институтов Конфуция. Их президентом является член Госсовета КНР в ранге вице-преьера.

Институты Конфуция непосредственно отвечают за распространение китайского языка в различных странах мира, знакомство их населе-

ния, и прежде всего интеллигенции, с культурой и историей Китая, за сохранение языка в кругах китайской диаспоры. Дело в том, что многие молодые этнические китайцы, принадлежатели ко второму и третьему поколениям эмигрантов, знают лишь разговорный язык, зачастую диалектный, но не владеют китайской иероглифической письменностью.

В состав правления институтов, состоящего из 15 человек, входят 10 представителей зарубежных стран, из России — ректор Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ), академик РАО Ирина Халева. Ежегодно в декабре в Пекине проходят конференции руководителей Институтов Конфуция из различных стран, на которых обсуждаются итоги их работы за прошедший год и планы на будущее. В настоящее время в 106 странах мира существу-

ют уже около 400 Институтов Конфуция (в России — 17) и около 500 классов Конфуция (в России — 4). Естественно, что наибольшее число их создано в Европе, Северной и Южной Америке, Азии, где значительные китайские ди-

появились местные жители, хорошо знающие китайский язык. Как сказано в положении об Институтах Конфуция, их цель состоит в том, «чтобы знакомить народы мира с языком и культурой Китая, развивать дружеские отношения между Китаем и другими странами, способствовать развитию многообразной мировой культуры, прилагать усилия для построения гармоничного мира».

На финансирование Институтов Конфуция правительство КНР не жалует денег. Мне довелось побывать в двух Институтах Конфуция в Германии — Берлине

и Лейпциге. Они располагаются в больших просторных, прекрасно оборудованных помещениях, их библиотеки насчитывают несколько сотен книг на китайском и немецком языках по истории и культуре Китая. Курсы китайского языка, организованные при них, посещают не только студенты, но и люди пожилого возраста и подростки. Местные органы власти придают большое значение Институтам Конфуция, о чём свидетельствует соответствующее финансирование с немецкой стороны. Управление учебным процессом во всех Институтах Конфуция осуществляется совместно, преподаватели — преимущественно из Китая, владеющие языком страны, в которой они работают.

Очевидно, что Институты Конфуция выполняют не только познавательную, культурно-просветительскую роль, они выполняют и важ-

ную политическую роль, ибо через них общественность страны, и прежде всего интеллектуальная и политическая элита, в которой они расположены, получает представление не только о культуре и истории Китая, но и о современной ситуации в Китайской Народной Республике, её внутренней и внешней политике. Кстати сказать, во время визитов в ту или иную страну члены высшего китайского руководства «не забывают» посещать Институты Конфуция.

Ханьбань постоянно организует и в Китае, и в странах, где есть Институты Конфуция, различные методические курсы, семинары, сборы для преподавателей китайского языка; издаются учебники и учебные пособия по китайскому языку, причём если вначале они были преимущественно на английском языке, то теперь они издаются на 45 (!) языках.

Регулярно при финансовой поддержке Ханьбань вот уже в течение десяти лет проходят соревнования студентов (и школьников) под названием «Мост китайского языка».

В настоящее время во всём мире уже около 50 миллионов человек изучают китайский язык. Учитывая всё возрастающий экономический и политический вес Китая в мировом сообществе, можно предположить, что в недалёком будущем их число увеличится до 100 миллионов. Во всяком случае, известно, что американское правительство выделило несколько тысяч грантов на изучение китайского языка в вузах КНР.

В Китае в полной мере осознают важность работы по распространению родного языка. Руководитель Ханьбань отвечает только за данный участок работы и несёт за него полную ответственность.

О, ВРЕМЕНА!

Скорбное бесчувствие

Итак... Алексей Кабанов, отец двоих детей, задушил жену, расчленил тело и, заметая следы, дал в блоге объявление о её пропаже, о чём с ужасающими подробностями рассказали почти одновременно два главных телеканала страны. Между тем у всех ещё в памяти, как некий отец семейства зарезал своих детей и мать (этому тоже оба ТВ-канала посвятили специальные передачи), как школьник расстрелял своих одноклассников, а отвергнутый любовник — сослуживцев. Что происходит?

КАК НА ПЕРЕДОВОЙ

Как и многие мои современники-соотечественники, я ни разу не видела убийства. Не по телевизору — в реальности. К счастью. Но каждый день, включая радио (от других СМИ отказалась), чувствую себя как на передовой. Убийства. Самоубийства. Несчастные случаи. Теракты. Катастрофы. Если уж такой выдался скучный день, что в Москве никого не задушили, а в Краснодаре ничего не взорвали, ведущие обращаются к происшествиям в Европе, Америке, Австралии, в конце концов и набирают необходимый криминальный тонус. Но обычно на просторах нашей страны всего хватает, и рассказы о замёрзших и сгоревших, упомянув о компенсациях за убитых и пострадавших, дикторы переходят к новостям спорта. А потом — реклама неживимости в Испании.

Вам не хочется спросить: кому это надо? Нет, я не про теорию заговора, но ведь не просто же так отбираются эти «новости». При советской власти был свой стандарт: встречи на высшем уровне, вести с полей, открытие нового прокатного стана в Челябинске (или лесопилки в совхозе имени Сальвадора Альенде), борьба американских безработных за свои права, гастроли Большого театра в Японии... и новости спорта. Почему это было так, а не иначе — всем ясно.

Значит, какая-то цель должна быть и у нынешнего формата? Какая? Необходимо знать о несчастье ближнего? Да, когда-то это имело смысл: на землетрясение в Спитаке откликнулись тысячи людей, и помогали посылками, и ехали добровольцы. А сейчас кто-нибудь помогает семьям, оставшимся без дома «в результате взрыва бытового газа»? Или — потерявшим близких в авиакатастрофе? Если и есть такие герои, то наверняка за пределами статистики. А все душевные силы потребителей новостной информации идут на то, чтобы просто *продолжать жить как ни в чём не бывало*. Выйти из дома, зная, что на голову может свалиться смертоносная сосулька. Пройти по улице, по которой носятся пьяные водители. Зайти в кафе, которое могут поджечь конкуренты владельца. Прийти в родной офис, где коллега может открыть стрельбу из пистолета.

В ком-то эта ситуация, возможно, воспитывает философское отношение к жизни. У людей впечатлительных могут развиться страхи и фобии. Но большинство — то живёт как ни в чём не бывало! И даже покупают эту самую недорогую недвижимость в Испании — реклама работает.

Нет, А.П. Чехов явно имел в виду что-то другое, когда писал про «человека с молоточком за дверью», который должен напоминать, что в мире существуют несчастья, горе и болезни. Когда этот «молоточек» повторяет про несчастья и горе *ежедневно каждый час*, эффект притупляется. *Экстремальное становится нормой*.

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ САМОУБИЙСТВО?

Всё это — предисловие к разговору о так называемой *немотивированной жестокости*. Психологи утверждают: «немотивированная жестокость» — термин юридический, а не медицинский. На самом деле все преступления вполне мотивированы, просто мы не видим — чем.

Ну, к примеру, вспомним о полицейских в Казани, замучивших до смерти задержанного. Или — знаменитого майора Евсюкова, стрелявшего из пистолета по покупателям супермаркета. Интересно, мотивами этих преступлений и знакомой кандидата психологических наук, работающей в психологической службе при ГУВД Москвы. Она рассказывает:

— При приёме на работу кандидаты в полицейские проходят у нас тестирование. И если тестируемый на вопрос, почему он хочет работать в полиции, отвечает: «Хочу носить оружие! Хочу отомстить всем своим врагам», — я рекомендую его не принимать. Хотя, конечно, последнее слово за начальством — я только рекомендую. Оружие — это сильный стимул для проявления агрессии. И военная форма — мотивация для агрессии. Даже белый халат врача является признаком определённой власти, а уж погоня... португез... лампасы... Ясно, что человек, защищённый формой, чувствует и ведёт себя совсем иначе, он ведь человек государственный, «право имеет». И при малейшей «лазейке» в психике ему просто срывает крышу. Тот же Евсюков был, как известно, человеком агрессивным, пьющим, употребляющим наркотики...

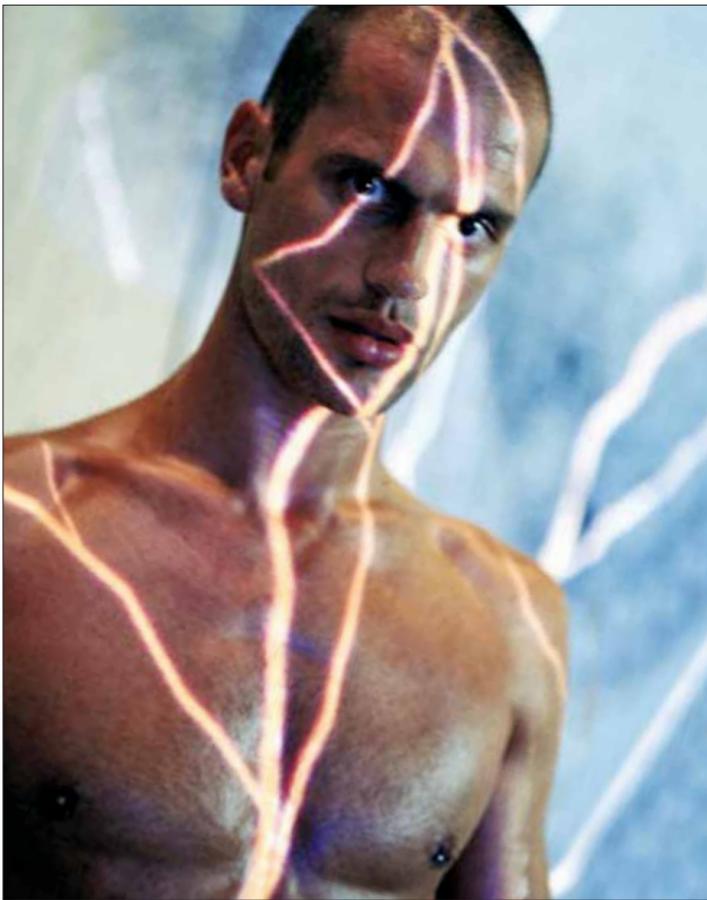
Вот и задумайтесь — что уж тут такого немотивированного в его преступлении?

Самое трогательное, что после серии скандалов с полицейскими (или они ещё назывались милиционерами?) начальник этого силового ведомства предложил ввести в юридических вузах, где воспитываются его будущие подчинённые, *уроки... человеколюбия!* Вот это уже конструктивная мысль. Запомним её.

вестные нам компьютерные стрелялки, в которые играют дети почти во всём мире. А на самом деле задача этих «игр» — воспитать в человеке бесчувствие; в старину медицина называла это «скорбным бесчувствием», т.е. болезненным, потому что ведь в основе здоровой психики заложена способность сопереживать.

Так вот, видео- и компьютерные жестокости страшны не только тем, что насмотрелся человек — и пошёл их воспроизводить. Может быть, их зритель и «игратель» никогда не воспроизведёт этих действий. Но они расшатывают психику, особенно детскую и нестойкую. Вмешиваются в формирование сознания — а кора головного мозга, отвечающая за этот процесс, развивается до 20 лет. Это эффект «заморозки сердца», ребёнок в ответ на жестокость информационной среды, чтобы не умереть от шока, «замораживает» сердце и утрачивает способность к состраданию.

— Думаю, что и для взрослых этот механизм работает, — дополняет я. — Защищаясь от жестокости — «картинки» live, репортажа, человек «замораживает» своё сердце, иначе ему придётся рыдать с утра до ночи. Пропустил мимо сердца, мимо ушей информацию, поиграл, развлёкся — и переключится, живёт себе дальше, любит детей, гуляет с собакой, помогает другу. А кто не сумел переключиться? Ребёнок, подросток или субъект с не очень устойчивой психикой?..

— Это пример инфантилизации сознания, — объясняет мне практический психолог, член правления Российского детского фонда, автор многих книг и статей по детской психологии И.Я. Медведева. — Распространённое в наши дни качество у многих мужчин. Маленький ребёнок тоже не отделяет себя от родителей. Я не знаю подробностей этого преступления, но вполне возможно, что в такую форму вылилось несостоявшееся самоубийство.

Неужели же такими невинными причинами — военной формой, инфантильностью сознания — можно объяснить страшные преступления? А где же главная, любимая наша формулировка — *среда заела!* Где социальные мотивации — нищета, голод, безработица?

Как сказал поэт, бывали хуже времена, но не было подлей. Вель, правда, бывало в России покруче — в смысле голода и нищеты. Пережили же и Смутное время, и войны, и революции, и разрухи... Но было меньше сирот при живых родителях. И такие вот «немотивированные» злодейства случались довольно редко и не являлись предметом общественного обсуждения — оставалось в сфере психиатрии, где им и положено быть. Среда «заедает» до определённых пределов, не покушаясь на глубинные основы нравственности. Правда, в мирное время очень распространённой «мотивацией» преступлений было пьянство. Анатолий Приставкин однажды рассказал мне о человеке, который два года писал из колонии письма любимой жене и детям — не верил, когда ему говорили, что он их зарезал. Не помнил. Сознание было отключено алкоголем.

— Что же происходит с сознанием сейчас? — продолжаю я беседу с Ириной Медведевой.

— Заповедь «Не убий!» закодирована в нашей генетической памяти. Убивать — сознательно! — очень трудно. У солдат, если это не Отечественная война и их не подpiraет уверенность, что «наше дело правое», возникают серьёзные психические травмы. В Америке эту проблему назвали «вьетнамским синдромом» и придумали специальные тренировки, облегчающие солдатам-агрессорам их задачу, — об этом сообщил Дэвид Гроссман, известный американский учёный, в прошлом — военный психолог. Так появились из-

— ...Тот так и живёт с парализованным сердцем, в «скорбном бесчувствии». Кстати, это один из признаков шизофрении — «окаменение» сердца при гипертрофированном гатю, эффект Кая из сказки «Снежная королева». Такому убивать легко. Другой вариант воздействия жестокости — постоянный подсознательный ужас от ощущения конечности своей жизни. А агрессия — оборотная сторона этого «непереваренного» страха.

...Приятель рассказывал: «Еду в метро, рядом пара молодая сидит, симпатичные, студенты, наверно. В руках — игрушка цифровая, мониторчик: Красная Шапочка бежит, должна взять препятствия. Раз, два... третья не смогла взять, и какая-то штука здоровая вроде бабы, которой сваи забивают, её — бах! — по голове. От неё только брызги полетели. Я говорю: «Ну ладно, Красная Шапочка не преодолела препятствие, но зачем же её — так?» — Смеются!»

ВО ИМЯ «АДРЕНАЛИНЧИКА!»

«Лучший способ преодолеть соблазн, это уступить ему!» — так говорил Оскар Уайльд, парадоксов друг. С этим способом у нас всё в порядке. Кулинарные книги бьют все рейтинги продаж. «Попробуй! купи! выиграй!» — уговаривают нас в метро и на улицах. И всё — с безудержным эротическим подтекстом, им проникнута даже известная реклама пылесосов. Прозвучавшая на заре перестройки знаменитая фраза «Секса в Советском Союзе нет» была поднята на шит и стала могучим стимулом для борьбы с «отставанием от цивилизованного мира».

Предельная сексуальная и моральная «раскрепощённость», к которой склоняется нас информационная среда, тоже один из признаков душевных заболеваний. Неслучайна смысловая пара — секс и насилие. Часто они выступают под общим псевдонимом *адреналин* — ключевым словом молодёжной и так называемой мужской рекламы. Адреналин же — это, как известно, гормон надпочечников, вызывающий состояние активности, тревоги и напряжения. Поклонникам этого магического слова нравятся безумные деци-

белы дискотек, опасные виды спорта, предельные скорости, «энергетические» напитки, всевозможные виды «бодриющих» наркотиков: эмоции должны бить ключом, а жизнь — висеть на волоске. Какой же русский не любит быстрой езды? Какому джигиту не охота пострелять из ружья? И — покатаются на «тарзанке» над пропастью? Или скатиться с горы в шарезорбе?... Адреналинчик!..

И что это, как не агрессия, направленная против всё равно кого — себя или других? Агрессия, мотивированная соблазнами острых ощущений, — главным доказательством своего существования.

Так, упакованные в заманчивые обёртки «адреналиновые» рекламы, агрессия и секс творят чудеса, *вплоть до полной перестановки верха и низа, земли и неба*. И тогда душа (которая даже у атеистов имеется!) начинает искать себе «еду» в земле, в грубой материи и, нахлебавшись адреналина, тестостерона и прочих радостей, забывается от неподходящего рациона. Что и требуется. Только — кому?

Считается, что чем меньше у человека уровень образования, тем больше он делает покупок. То есть идеальный потребитель (а мы рвёмся в общество потребления) не должен быть обременён интеллектном и прочими затеями выше пояса, и тогда здоровое желание быть не хуже других он реализует за счёт приобретения замечательных и полезных предметов: новейших цифровых игрушек, кулинарных полуфабрикатов, быстрых-пребыстрых автомобилей, больших-пребольших телевизоров, дешёвых-предешёвых «фирменных» футболок и т.п.

Возможно, падение образования и культуры этим и обусловлено — зачем нам философ, который на какой-нибудь сногшибательной распродаже ворочит нос и заявляет: «Как много, оказывается, на свете предметов, которые мне не нужны!» Поэтому *мы выращиваем потребителя*: в школах теперь не учат, а оказывают образовательные услуги, книжные магазины называются супермаркетами, и рекламируемая в них печатная продукция изображается сваленной в корзинки на колёсах, как сметана и сосиски. Впрочем, зачастую она того и заслуживает.

«СЕНСАЦИОННАЯ» ИСТИНА

А теперь вернёмся к преступникам. Неожиданное предложение руководителя силового ведомства об «уроках человеколюбия» для милиционеров показательно. Похоже, ни ужесточение законов, ни повышение зарплат, ни психологическое тестирование не могут решить проблем личности, обладающей властью (мундиром, удостоверением, служебным пистолетом). Чтобы власть ощущалась не как вседозволенность, а как ответственность, нужен определённый интеллектуальный и душевный (в идеале — духовный) багаж.

В выпускном классе школы сейчас 1 (один!) урок русского и 3 (три!) урока физкультуры. Когда нашим «руководящим товарищам» (особенно — в сфере — образования!) откроется *сенсационная истина, что здоровье бывает не только физическое и что именно от душевного здоровья зависит всё остальное*, может, всё наконец вернётся... нет, не на круги своя, а просто — к норме. «Назовём-ка кошку кошкой!» — написал Маршак. Норма — это когда небо наверху, а земля внизу. Когда родители любят и воспитывают детей. Когда люда млатом пишут в общественном туалете, а на сцене им не пользуются. Когда психические, сексуальные и эстетические извращения трактуются по медицинскому ведомству, а не провозглашаются современным образом жизни.

И норма эта ДОЛЖНА КУЛЬТИВИРОВАТЬСЯ ВЛАСТЬЮ, а стало быть, и информационными системами: телевидением и прессой. Говорят, у правителей сильно развит инстинкт самосохранения — тогда *они должны понять необходимость общественного поворота от гибели к жизни*.

В начале декабря в фейсбуке появилось объявление: поможем ничейным, приятным старикам, поздравим их с Новым годом! Благотворительный фонд «Старость в радость» предлагал собрать небольшие подарки (точно указавшись, какие, как их организовать и упаковать) и сложить в определённые дни и в определённых местах для передачи в дома престарелых. И если бы вы зашли в очень морозный предновогодний вечер в столичные сетевые кафе, то увидели бы целые горы праздничных мешков и пакетов и хлопочущих над ними змызленных девушек-приёмщиц. Люди молодые и не очень, одинокие и парами, на машинах и пешком спешили сложить свои подарки: кружки и сладости, тёплые носки и пижамы, календари и настольные елочки, чтобы обрадовать каких-то стариков, незнакомых. НИЧЕЙНЫХ дарителей.

Я уверена, что их никто не обманул, что вещи действительно доставлены адресатам, но дело даже не в этом, а в том, сколько хороших людей откликнулись на этот, казалось бы, наивный призыв.

Об этой акции, кажется, почти нигде не сообщалось — ни по ТВ, ни в печатных СМИ. (Или — я пропустила?) А ведь стоило бы сосредоточить на этом человеколюбивом направлении всю нашу телегазетную мощь. Вместо извращённого погружения массового сознания в кровавые подробности очередного убийства. «Немотивированного».

Карина ЗУРАБОВА

SOS

«...И я не пою, а рыдаю»

Замерзает Дом-музей С.А. Клычкова (а с ним и наш музей Журавля, расположенный на первом этаже родовой усадьбы поэта). Лопнул котёл. За старостью. Заказали новый, но будет он не скоро, а температура воздуха в музее уже опустилась почти до минусовой. Если ещё и трубы замёрзнут, то непонятно, удастся ли вообще запустить новый котёл до конца зимы.

Всё это грозит ещё большим обветшанием дома. На ремонт и так постоянно нет денег. Даже новые краски и штукатурка на первом этаже могут отслоиться и посыпаться. Директор музея Т.А. Хлебянкина обошла всё талдомское начальство, МЧС, бизнесменов — просила временно установить электрические обогреватели, хотя бы на первом этаже. Но ей отказали — обогреватели, мол, потребляют слишком много электричества, а у района на это нет лимитов.

Конечно, проще музей заморозить — он ведь не приносит дохода. Хлебянкиной предложено вывозить экспонаты. Нам — тоже. Вывезем, конечно. Но это может означать конец музея Клычкова. И действительно — зачем он нужен? Тем более что рядом хотят делать огромную свалку, обслуживающую пол-области.

Помогите, пожалуйста! Гибнет музей. Дом, где гостили Есенин и Пришвин и где жил «князь Мышкин русской поэзии», как называли Сергея Клычкова его друзья. Это ведь пласт нашей культуры.

Ольга ГРИНЧЕНКО,
директор заказника «Журавлиная родина»,
деревня Дубровка

ЗА БУГРОМ

Доброе слово и богатому приятно

Откуда залетела к нам фраза: что русскому хорошо, то немцу — смерть, неизвестно. Литературный памятник ей оставил Николай Лесков в рассказе «Железная воля», где во всём правильным немцем Пекторалис не совпал в поедании блинов с батюшкой Флавианом и умер прямо за столом. Навсегда остался вопрос, так ли велика заслуга в неумеренном питии и поглощении национальных блюд. А ещё хотелось бы узнать, что немцу-то хорошо?

На отутуженных германских просторах ответов много, и для нас, русских, отнюдь не летальных. Даже после безукоризненной геометрии полей и пашен, дворцов и башен самым сильным осталось впечатление от старейшего в мире социального поселения Футтергай. И это точно хорошо, и не только немцу.

В течение пятисот лет семейство Футтергов сохранило за свой счёт комплекс из десятков жилых домов для немущих граждан родного города Аугсбурга. Полтысячи лет германской жизни вобрали в себя не считано боли и крови, а одна из виднейших семей страны по-прежнему благоденствует на малом участке земли в центре древнейшего города Баварии. Здесь, несмотря на трагические потери безумных войн, все при памяти и всё на месте: герб с лилиями, пожалованный семье за заслуги; домик, где жил прадедушка Амадея Моцарта Франц — строительный рабочий Футтергай; солнечные часы на фронтоне церкви и даже неповторяющихся дверные ручки. Видимо, найти на ощупь свою после «несравненного» пива было непросто.

Социальное поселение — это отнюдь не барак, а весьма привлекательный ландшафт крыши с частокладом печных труб и ступенчатыми фронтонами. Здесь были своя школа и церковь, в здании Совета старейшин донные заседают представители трёх семейных линий Футтергов, определяющие жизнь поселения. Именно они решают, кто будет принят в посёлок. Есть условия обязательные: католическая вера и два года проживания в Аугсбурге, остальное оговаривается.

Изначально домов было 52, теперь 67, и некоторые их готические номера ведутся с начала XVI века. В 140 квартирах живут сегодня 150 человек, годовая плата за квартиру составляет номинал рейнского гульдена (сейчас это что-то около 1 евро). Сорок рублей в год за комфортное проживание в центре дивного города — для всех наций и народностей это очень хорошо. Впрочем, есть ещё одно обязательное для исполнения правило: три ежедневные молитвы за основание поселения и всю семью Футтергов.

Об основателе посёлка. Талантливый купец Якоб Футтер, прозванный Богатым, учредил этот городок для бедных в 1521 году с мыслью не только об убогих, но и собственной семье: в память об умерших братьях Ульрихе и Георге. «К благу их города и полный глубочайшей благодарности за дарованное Всевышним добро, из благоговения и великодушности щедрости» — так это звучало на торжественном языке XVI столетия. И вот уже скоро пятьсот лет, как благодарные жители Аугсбурга поминают добрым словом, памятниками и бюстами незаурядного земляка. А также его потомков, по сей день хранящих финансово-обременительную традицию.

Так вот. В давнем русском языке существовало слово, которое после 17-го века уже считалось книжным, — *призрение*. Сегодня буква и в приставке воспринимается, скорее, как орфографическая ошибка. Потому что слово с *e* прочно вытеснило остальное. *Призреть* — значит заботиться о больных и немущих. Мы забыли своих Футтергов. А ведь и наше просвещённое купечество было отмечено славным словом историка М. Подгодина: «Если бы счастье всех пожертвованная за нынешнее только столетие, то они составили бы такую цифру, которой должна бы поклониться Европа». Братья Третьяковы, которые не только галерею оставили городу, но создали училище для глухонемых; Прохоровы, при своей фабрике обустроившие родильный приют, богадельню, школу; Хлудовы, содержавшие богадельню, палаты для неизлечимо больных женщин, бесплатные квартиры. А ещё были больные Солдатёнова и Солодовникова, Бахрушинские, Хлудовские, Мазуринские, Горбовские дома призрения. Купцов Бахрушинных называли «профессиональными благотворителями»: они построили и содержали больницу, дом бесплатных квартир, приют и колонию для беспризорных, ремесленное училище для мальчиков, дом для престарелых артистов, в Зарайске была богадельня имени Бахрушинских. Емкое русское слово — «богадельня» и понятнее, чем хостис.

Купец Футтер искренне верил, что благодарные молитвы бедных сердец помогут ему не только на земле, но и там, куда отправляется каждый живущий. И ведь помогли: пятисотлетняя благополучная история семьи наглядный тому пример. Намим — ни молитв, ни славы. Может, потому новые богатые и вкладываются не туда.

Елена КАЗЁНОВА

Первый государь всея Руси Иоанн III Васильевич

Исполнилось 550 лет со дня вступления на престол первого государя всея Руси Ивана III, которому давно пора поставить памятник в столице нашей Родины. Увы, эта знаменательная юбилейная дата выпала из поля зрения большинства СМИ. А зря! Дмитрий Донской и Иван III, прадед и правнук, два великих московских князя, чьё правление отделяет всего лишь одно столетие. Жили и действовали они в разных условиях, но двигали Москву в одном направлении — собирания русских земель и освобождения от ордынской зависимости.

ИТОГ

Шёл октябрь 1505 года от Рождества Христова (или, как тогда считали на Руси, — 7014 года от сотворения мира)... В опочивальне деревянного великокняжеского терема Московского Кремля постепенно угасала жизнь старого, полупарализованного человека. За стеной продолжалось строительство нового дворца, возводившегося по его повелению из кирпича под руководством итальянских зодчих, но государю всея Руси Ивану III Васильевичу уже не суждено было перебраться и жить в нём. Последним актом его неустанной государственной деятельности, зафиксированным летописцами 21 мая 1505 года, стало распоряжение разобрать в Кремле старые Архангельский собор и церковь Иоанна Лествичника и заложить на их месте новые храмы.

Со строительных работ он начинал в 1462 году своё пребывание на московском великокняжеском престоле, ими же завершал жизненный путь, возведя не только крепости и церкви, но и каркас единого Русского государства, чьим выдающимся строителем можно по праву назвать Ивана III.

Объединение вокруг Москвы крупнейших русских земель и свержение ордынского ига — вот только две важнейшие задачи, которые удалось ему успешно решить за 43 года правления. Сколько же других не столь масштабных, но не менее примечательных событий вместили они?!

БЛАГОСЛОВЛЁННЫЙ ВЕЛИКИМ КНЯЖЕНИЕМ

Иван, родившийся 22 января 1440 года, был вторым сыном московского великого князя Василия II Васильевича и его супруги Марии Ярославны, дочери удельного князя Ярослава Владимировича Ярославского. Его детские годы совпали с самым драматическим этапом феодальной войны.

Перипетии ожесточённой борьбы за власть не могли не наложить отпечаток на сформировавшийся характер наследника Ивана Васильевича, сочетавшего в зрелые годы государственную мудрость, осмотрительность, настойчивость в осуществлении поставленных задач с жестокостью, коварством, подозрительностью.

Василий II Васильевич скончался 27 марта 1462 года, указав в составленном чуть раньше духовной грамоте (завещании): «А сына своего старейшего, Ивана, благословлю своею отчиною, великим княжением». В отличие от своих предшественников на московском великокняжеском престоле, Ивану III не пришлось ездить унывать в Золотую Орду, но ханский ярлык на великое княжение, судя по косвенным данным, ему всё же оттуда доставили. Москва пока ещё находилась в зависимости от Орды и вынуждена была уплачивать ей дань.

Постепенно укрепляя свою власть и могущество, Иван III Васильевич беспощадно расправлялся с неугодными ему лицами.

Тем временем в Новгороде Великом всё больше поднимала голову антимосковская боярская группировка, которую возглавляли боярыня Марфа, вдова посадника Исаака Борещкого, и их сыновья. Лишь номинально признавая великокняжескую власть, ново-

родские бояре стремились полностью сохранить внутреннюю независимость, жить «по старине», выдвигая из своей среды посадников и тысяцких, верховя на вече. Им больше по душе приходились порядки великого княжества Литовского и Польши, где города имели самоуправление и пользовались привилегиями. Литовская партия взяла курс на разрыв с Москвой, пригласив в 1470 году из Литвы бывшего киевского князя Михаила Ольговича (православного по вероисповеданию), а затем, в начале весны следующего года, подготовив договор о переходе Новгорода Великого под власть польского короля и великого князя литовского Казимира IV.

Эти сепаратистские акции переполнили чашу терпения Ивана Васильевича, приступившего к подготовке вторжения в Новгородскую землю. Стратегический план Москвы заключался в нанесении двух ударов — в направлении самого Новгорода и по его северным владениям. Окончательный исход войны решила состоявшаяся 14 июля 1471 года битва на р. Шелони, где новгородское торгово-ремесленное ополчение, включавшее конницу и пехоту, потерпело сокрушительное поражение. Простые горожане не очень-то жаждали сражаться за чуждые им интересы боярства.

БРАК С ЗОЕЙ ПАЛЕОЛОГ

На следующий год после победы над Новгородом овдовевший великий князь московский вторично женился. Его избранницей стала Зоя Палеолог, дочь деспота (правителя) провинции Мореи на Пелопоннесе Фо-

мы Палеолога, племянница последнего византийского императора Константина IX. Турки-османы захватили в 1453 году Константинополь и семью годами позже — Морею. Осиротевшая Зоя проживала вместе с двумя братьями в Риме при папском дворе. Привезённый посланцами в Москву её портрет произвёл впечатление на жениха, которому ещё в большей степени, чем внешность, импонировали родственные узы невесты-бесприданницы с византийским императорским домом. Святая Зоя за Ивана III, папский престол рассчитывал посредством этого брака распространить на Русь влияние католической церкви и привлечь её к активной борьбе с Османской империей, угрожавшей европейским государствам.

Надежды римского папы и его окружения оказались, однако, беспочвенными. Впоследствии Иван III Васильевич порой приписывался к советам жены-гречанки, скажем, приглашая в Московию итальянских зодчих и прочих мастеров, но её влияние мужа не стоит преувеличивать. Супруг не раз ставил Софию Фоминишну (так стали звать на Руси Зою) на подобающее ей место.

Иван III окончательно покончил с независимостью Великого Новгорода, чьё боярство по-прежнему цеплялось за «старину», поглядывая (впрочем, безуспешно) в сторону Литвы. В конце ноября 1477 года московские полки окружили старинный вековой город на берегах Волхова. С войском прибыл и сам великий князь, остановившийся на Городище, в окрестностях Новгорода. От его имени на начавшихся переговорах новгородским представителям были изложены

жёсткие требования Москвы: «Вечу и колоколу в отчине нашей в Новгороде не быти. Посаднику не быти. А государство нам своё держати... А которые земли наши, великих князей, за вами, а то бы было наше».

Видя, что силы неравны, и опасаясь неминуемого разгрома, в середине января 1478 года Новгород Великий капитулировал. Ему пришлось пожертвовать всеми своими вольностями.

Новгородский психологический тип русского человека, сложившийся в условиях вехового строя, огромной территории, колонизации северных пространств Восточной Европы, постоянных контактов с католическим Западом, конечно, отличался от московского. Свообразие же московского психологического типа определялось более тесными связями с Золотой Ордой, деспотической системой великокняжеской власти, ориентацией преимущественно на внутренние ресурсы.

СВЕРЖЕНИЕ ОРДЫНСКОГО ИГА

Весной 1480 года московскому посольству удалось заключить союзное соглашение с крымским ханом Менгли-Гиреем, непримиримым противником Ахмат-хана. Решающее столкновение последнего с Москвой назревало постепенно со второй половины 70-х гг. XV века, когда она отказалась платить дань Большой Орде — основному ядру Золотой Орды, распавшейся на ряд хандств (Казанское, Крымское и др.). Хан Ахмат был прекрасным полководцем, и поход его многочисленного войска, начавшийся весной 1480 года, представлял огромную угрозу для будущего Руси.

Бои русских полков с передовыми отрядами ордынской рати начались в октябре 1480 года на р. Угре, притоке Оки. В ходе «Стояния на Угре» московское войско, пожалуй, впервые активно использовало лёгкую полевую артиллерию — пушки (пищали). Обстреливая из луков и пищалей неприятеля, русские держались стойко и не позволили ордынской коннице переправиться на противоположный левый берег Угры. Тем временем приближалась ранняя зима, мороз сковывал льдом реки, переставшие служить серьёзным препятствием для татарской конницы. Оставив на Угре сторожевые отряды, великий князь приказал главным силам отойти в северном направлении, к Боровску, на более выигрышные позиции, чтобы готовиться к продолжению борьбы. Но, осознав её бесперспективность, Ахмат-хан повелел своему измотанному войску отступить назад в степи. Вернувшись с облегчением в Москву, Иван Васильевич вряд ли сразу понял, что достигнутая победа означала свержение ордынского ига. Впрочем, в качестве пережитка дани Москва продолжала посылать подарки («поминки») Орде до начала XVI века, а в Крымское ханство и в следующее столетие.

Во время «Стояния на Угре», как и в прочих военных кампаниях, великий князь выступал прежде всего в роли главнокомандующего. В отличие от своих предшественников, являвшихся и правителями, и военачальниками, он не участвовал в схватках с оружием в руках, но обеспечивал общее стратегическое руководство боевыми действиями, доверяя командование полками и принятие тактических решений опытным и проверенным в деле воеводам.

Решая дела государственной важности, Иван Васильевич забывал о родственных чувствах. Лишь с любимым братом Юрием Дмитриевским его связывали подлинно братские узы, впрочем, и они могли ослабеть, проживи тот дольше.

СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОГО КРЕМЛЯ

К началу правления Ивана III кремлёвские стены и башни, возведённые в 1366–1367 годах из белого подмосковного известняка и пережившие осаду золотоордынского

хана Тохтамыша (1382 г.) и татарского царевича Мазовши (1452 г.), несколько пожаров, изрядно обветшали. Значительный ущерб нанёс им и сильный ураган, пронёсшийся в 1460 году над Москвой. Местами на фоне повреждённого белого камня выделялись деревянные конструкции. Вот почему, заняв в 1462 году престол, Иван III Васильевич прежде всего позаботился об укреплении и ремонте белокаменного Кремля.

В 1472 году митрополит московский Филипп задумал возвести в центре Кремля на месте старого, обветшавшего нового каменного Успенский собор. Начинание главы церкви позднее поддержал Иван III. Пора было уже и в камне отразить возросшую мощь Московского государства. Возведённый до сводов храм в мае 1474 года вдруг рухнул из-за неправильных строительных расчётов и раствора плохого качества, и для его строительства Ивану III пришлось пригласить из Италии известного болонского мастера Аристотеля Фьорванти. За образец при возведении главного храма Московского Кремля (да и всего Российского государства) ему было предписано взять Успенский собор во Владимире. Новый Успенский собор Москвы, построенный из кирпича и камня, торжественно освятили в августе 1479 года с участием Ивана III.

ТИТУЛ И ЗАКОНЫ

Повышение авторитета и могущества Московского государства отразилось и в титуловании Ивана III. В преамбуле договорной грамоты Великого Новгорода и Пскова с юрьевским епископом (13 января 1474 г.) содержалось упоминание не только их символов — соборов св. Софии и св. Троицы, но и фразы «здоровьем господина нашего и государя нашего великого князя Ивана Васильевича, цара всея Руси, и здоровьем господина нашего и государя нашего великого князя Ивана Ивановича, цара всея Руси».

Московский великий князь стремился подражать императорам могущественной Священной Римской империи германской нации, с печатей которых заимствовал около 1490 года изображение двуглавого орла. Такой же геральдический символ использовался и в Византии. К одной из великокняжеских грамот 1497 года приложена красно-восковая печать, изготовленная кем-то из западноевропейских мастеров: на её лицевой стороне символически изображён правитель в образе всадника, поражающего копьём дракона, а на оборотной — двуглавый орёл с распростёртыми крыльями.

В том же 1497 году на Руси появился первый свод законов единого государства — Судебник Ивана III, вводящий во всех землях однообразие судебно-процессуальных норм: один и тот же порядок рассмотрения споров, одни и те же наказания за совершение уголовных преступлений, а также за получение взяток («посулов»). Кстати, за наиболее тяжкие и неоднократные кражи имущества впервые в истории общерусского законодательства преступника могли осудить на смертную казнь. Впрочем, Иван Васильевич порой казнил и по обвинению в политической измене, и реже, правда, за еретические взгляды. Суд при нём вершили бояре и окольные.

Скончался государь всея Руси Иван III светским человеком в понедельник 27 октября 1505 года, просидев на московском великокняжеском престоле целых 43 года и 7 месяцев и войдя в историю нашего государства как самый многолетний его фактический правитель. Мало кто знает, что ещё до внука Ивана IV прозвище «Грозный» получил Иоанн III Васильевич. Но более справедливым по отношению к нему кажется эпитет «Великий».

Валерий ПЕРХАВКО,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института российской истории РАН

КНИЖНЫЙ РЯД

Не стоял в общем ряду

Ермолов не был никогда любимцем нашей историографии. «Если консерваторы толковали о «цезаризме» Ермолова, то осведомлённые либералы не исключали его вмешательства в события в случае успеха тайного общества».

Иными словами, считалось, он мог стать Бонапартом русской революционной армии — если б кто-нибудь до того одержал её первоначальную победу. Это делало его подозрительным с двух сторон, в том числе для биографов разных направлений. Оттого о нём фактически принято было говорить только в связи с Кавказом и кавказскими делами. При этом даже главные козыри его военной судьбы: особая роль, какую он сыграл в войне 1812–1814 годов, — как-то терялись. Происходило то, чего сам Алексей Петрович в жизни опасался больше всего: он попадал в общий ряд. «Святую Анну 1-й степени получили за кампанию 1812 года более двухсот генерал-майоров и генерал-лейтенантов. А Ермолов не считал себя стоящим в общем ряду».

В этом смысле книга Якова Гордина заполняет лакуну, которую давно следовало заполнить.

Главное достоинство книги, это следует сразу подчеркнуть, — понимание исторической психологии: психологию давно прошедшего времени — и тем самым конкретную психологическую ситуацию событий. То, что отличает лишь истинных и глу-

боких историков. Гордин не замалчивает грехов и не скрывает чёрных пятен на своих персонажах.

То была гигантомахия. Битва гигантов с титанами. Где титаны вдобавок ещё без конца воюют между собой. «После битвы под Смоленском борьба генералов отступавшей русской армии со своим действующим главнокомандующим принимала всё более ожесточённый характер. Всё было, борьба идёт с человеком, стратегия которого, принятая им в этой войне, после будет признана всеми правильной, единственной верной. «Здесь зачинатель Барклая, здесь совершил Кутузов...» — скажет после Пушкин.

В эпоху, когда судьбу войны решало сражение, прямое столкновение войск на сравнительно небольшой территории, великого мастера сражения Бонапарта следовало заставить отступить от его коронных методов. Его должно было победить самоё *протестанство* России. Но этот план «не соответствовал идеологии «оповигов», которой дышал не один лишь главный герой книги. «Генералы — такие как Раевский, Остерман, Милордович и, конечно же, Ермолов, — будучи искренне преданы интересам отечества, мечтали не просто об изгнании Наполеона, но о победе со славою. А слава давалась только кровью солдат и их собственной».

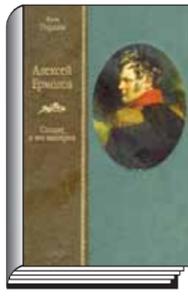
Автор книги сдержан даже в несомненной симпатии к своему герою — Ермолову. Этот римлянин душой,

воин, который в ночь перед Бородином зачитывается героическими легендами Оссана, вместе с тем, не смущаясь, строчит доносы императору на своего непосредственного начальника Барклая де Толли, за что заслуживает от того звание «интриганта». А когда не станет Барклая, не найдёт добрых слов в адрес опущенного и будет исходить желчь. Возможно, от сознания собственной вины?

В целом книга Гордина трагична, как трагична, в сущности, и сама война, и уделу, избранному им самим. Тут много причин для такого странного выбора после почти оглушительного триумфа в войне. (Он даже отказывается от командования гвардейским корпусом.) Тут и желание самостоятельности и отдалённости от петербургского начальства, столичной бюрократии, и то самое «цезарянство» Ермолова — его представление о том, что надо и как надо строить империю. «В Европе не дадут нам ни шагу без боя, а в Азии целые царства

к нашим услугам». Это целая идеология — не будем её скрывать. Гордин очень точно показывает здесь и причины такой войны, и методы её ведения в ту пору, когда во главе российской власти на Кавказе стоял великий Ермолов. «Смирись, Кавказ, идёт Ермолов!» «Проконсул Кавказа», как его называли. Война рождалась поначалу из необходимости безопасных дорог в Грузию, которая присоединилась к России. Но окружающие народы смотрели на дело иначе. Они привыкли властвовать на этих дорогах. Разбой, грабёж, взятие пленных за выкуп или обращение в рабов. Это было никак не преступление по их убеждению — но доблесть и форма жизни.

Чего Ермолов с его европоцентризмом (вернее, «россицентризмом») и

Яков Гордин.
Алексей Ермолов. Солдат и его империя. Документальный роман в двух томах. — ООО «Вита Нова», 2012. — 1000 экз.

Ермолов не видел карликовые ханства Дагестана, считая, среди прочего, что ханы угнетают свои народы. Но эти восточные ханы были куда ближе своим подданным, чем европеец Ермолов. И как только были разрушены ханства, которые можно было ещё как-то держать в узде, вольные горские общества на месте их сплотились на религиозной основе. Вокруг имамов, ещё более жестоких, чем ханы. Был объявлен газават — священная война против неверных. Явились такие вожди, как Шамиль. И война шла ещё больше тридцати лет после ухода Ермолова с поста проконсула.

В сущности, Ермолов первым нащупал болезненный узел столкновения цивилизаций, который и сегодня мы носим под сердцем, как пулю, застрявшую в груди ещё с той войны. И уроки Ермолова — его ошибки в том числе — нужно рассматривать скрупулёзнейше. И не только нам, но и нашим западным партнёрам или, чаще, оппонентам.

европейским мышлением (как он полагал) никак не мог понять. Для него Кавказ был как Галлия для Юлия Цезаря — это очень точно в книге!

Грибоедов, который долго служил при Ермолове, потом поссорился с Ермоловым, писал в одном письме: «Борьба горной и лесной свободы с барабанным просвещением... Будем вешать и прощать и плюём на историю». Если последняя часть фразы и не впрямую цитата из Ермолова, то, несомненно, формулировка позиции Ермолова. Грибоедов предостерегает тем же: «Одно страшнейшее правосудие мирит покорённые народы со знаменными победителями».

Ермолов не видел карликовые ханства Дагестана, считая, среди прочего, что ханы угнетают свои народы. Но эти восточные ханы были куда ближе своим подданным, чем европеец Ермолов. И как только были разрушены ханства, которые можно было ещё как-то держать в узде, вольные горские общества на месте их сплотились на религиозной основе. Вокруг имамов, ещё более жестоких, чем ханы. Был объявлен газават — священная война против неверных. Явились такие вожди, как Шамиль. И война шла ещё больше тридцати лет после ухода Ермолова с поста проконсула.

В сущности, Ермолов первым нащупал болезненный узел столкновения цивилизаций, который и сегодня мы носим под сердцем, как пулю, застрявшую в груди ещё с той войны. И уроки Ермолова — его ошибки в том числе — нужно рассматривать скрупулёзнейше. И не только нам, но и нашим западным партнёрам или, чаще, оппонентам.

А смещён был Ермолов с поста враз, фактически без причин. Он был заменён неплохим генералом, небезталанным и храбрым. Но генералом, каких было немало. Ну да, Николай I, взшедший на престол, мог подозревать, что Ермолов имел какое-то отношение к подготовке мятежа декабристов. Но, когда снимали, уже прошло следствие и было ясно, что не имел он к заговору никакого отношения. Николай I видел в нём другое — сильного человека! Талант. «Кумир прапорщиков!» — бросал царь в его адрес. Только ли прапорщиков?

Николай I знал, что делал, — он создавал царствование среднего человека. Ермолов злорадствовал в старости: «Ведь можно же было когда-нибудь ошибиться, он же всегда как раз попадал на неспособного человека, когда призывал его на какое-нибудь место!» И правда — почти не ошибался! Что с того, что эта «кадровая политика» привелёт через тридцать лет к Крымской войне, к падению Севастополя? И что собственному сыну царя с его реформами будет не очень-то комфортно править этой страной — да и просто опасно жить в ней?..

«В нравственном смысле я — солдат». «Это важнейшая подсказка для понимания характера Ермолова», — утверждает автор книги. Он даёт нам понять, что книга эта, наверное, о чём-то большем, чем сам Ермолов, чем биография его. Недаром в финале звучит: «Солдат и герой империи своей личной драмой предвосхитил её трагическую судьбу».

Борис ГОЛЛЕР

Год назад Владимир Путин в программной статье «Россия: национальный вопрос» выступил с предложением сформировать список из ста книг, которые должен будет прочитать каждый выпускник российской школы.

Предложение пробудило оживлённую общественную дискуссию. По итогам общественной дискуссии, которая шла на протяжении большей части 2012 года, стало очевидно, что итоговый список не может ограничиться только ста книгами из русской литературы и что необходимо его

дополнить перечнем, который можно условно назвать «100+», составленным из книг зарубежных авторов.

Русская литература – всеобщее культурное достояние. Но понять её значимость можно только в единстве с мировой литературой. Поэтому Союз писателей России сформировал список ста книг классической и современной зарубежной литературы, который становится логическим продолжением перечня книг русской литературы, рекомендованных к внеклассному чтению.

Уверены, что представляемый в рамках президентского проекта вниманию общественности перечень 100 книг зарубежной литературы будет способствовать укреплению духовности и нравственности среди российской молодёжи, а также поможет возрождению традиций семейного чтения, станет заметным событием культурной жизни современной России.

Александр БЕЗЗУБЦЕВ-КОНДАКОВ,
секретарь правления
Союза писателей России

100+

Сто книг зарубежных авторов, рекомендуемых к самостоятельному прочтению в рамках проекта Президента Российской Федерации В.В. Путина

1. Данте Алигьери. Божественная комедия
2. Ф. Рабле. Гаргантюа и Пантагрюэль
3. М. Сервантес. Дон Кихот
4. Ж.Б. Мольер. Тартюф
5. О. Голдсмит. Гражданин мира
6. О. Бальзак. Шагреневая кожа
7. Ч. Метьюрин. Мельмот Скиталец
8. Д. Дефо. Жизнь и приключения Робинзона Крузо
9. М. Пруст. В поисках утраченного времени
10. А. Дюма. Три мушкетёра
11. Ч. Диккенс. Посмертные записки Пиквикского клуба
12. В. Гюго. Отверженные
13. И.В. Гёте. Фауст
14. Стендаль. Красное и черное
15. В. Скотт. Айвенго
16. У. Шекспир. Гамлет
17. Ф. Купер. Последний из могикиан
18. Дарио Салас Соммер. Мораль XXI века
19. Ж. Верн. Дети капитана Гранта
20. М. Твен. Приключения Тома Сойера
21. Г. Мопассан. Пышка
22. О. Уайльд. Портрет Дориана Грея
23. Ф. Ницше. Так говорил Заратустра
24. Д. Сэлинджер. Над пропастью во ржи
25. Р. Стивенсон. Остров сокровищ
26. Г. Сенкевич. Quo vadis
27. Э.М. Ремарк. Три товарища
28. И. Бобровский. Бёлендорф. Литовские клавиры
29. Р. Олдингтон. Смерть героя
30. А. Кронин. Замок Броуди
31. М. Метерлинк. Синяя птица
32. Д. Лондон. Мартин Иден
33. Д. Буццати. Татарская пустыня
34. Р. Джованьоли. Спартак
35. Д. Голсуорси. Сага о Форсайтах
36. О. Генри. Короли и капуста
37. Я. Гашек. Похождения бравого солдата Швейка
38. Д. Олдридж. Последний дюйм
39. А. Сент-Экзюпери. Планета людей
40. А. Жид. Имморалист
41. У. Голдинг. Повелитель мух
42. Г. Уэллс. Война миров
43. С. Моэм. Луна и грош
44. П. Валери. Юная парка
45. Г.Р. Хаггард. Копи царя Соломона
46. Р. Бах. Чайка по имени Джонатан Левингстон
47. Я. Кавабата. Снежная страна
48. Г. Бёльль. Глазами клоуна
49. Ф.С. Фицджеральд. Ночь нежна
50. Э. По. Убийство на улице Морг
51. Э. Золя. Жерминаль
52. А. Франс. Остров пингвинов
53. Б. Шоу. Пигмалион
54. Ф. Кафка. Замок
55. Г. Гессе. Игра в бисер
56. Т. Драйзер. Стоик
57. Г. Грасс. Траектория краба
58. Р. Роллан. Жан-Кристоф
59. Л. Фейхтвангер. Гойя, или Тяжкий путь познания
60. Э. Хемингуэй. Прощай, оружие
61. А. Кёстлер. Слепящая тьма
62. И. Стоун. Жажда жизни
63. А. Камю. Чума
64. Ж.П. Сартр. Тошнота
65. М. Кундера. Невыносимая лёгкость бытия
66. Г. Грин. Наш человек в Гаване
67. Джон ле Карре. Шпион, прошедший с холода
68. Ж. Кокто. Петух и арлекин.
69. Дж. Оруэлл. 1984
70. И. Новакович. День дурака
71. Р. Брэдбери. 451° по Фаренгейту
72. У. Фолкнер. Сарторис
73. Г. Майринк. Голем
74. М. Уэльбек. Элементарные частицы
75. А. Азимов. Я, робот
76. Дж. М. Кутзее. Бесчестье
77. Х. Лакснесс. Самостоятельные люди
78. Д. Толкиен. Властелин колец
79. Ж.И. Кусто, Ф. Дюма. В мире безмолвия
80. Г. Мелвилл. Моби Дик
81. Дж. Чивер. Прощай, брат!
82. А. Тутуола. Пальмовый пьянень
83. К. Кизи. Пролетая над гнездом кукушки
84. Ф. Саган. Немного солнца в холодной воде
85. Д. Апдайк. Кролик, беги
86. А. Бирс. Заключенное окно
87. Лао Шэ. Записки о кошачьем городе
88. Б. Окри. Голодная дорога
89. Д. Стейнбек. Зима тревоги нашей
90. О. Памук. Музей невинности
91. Д. дю Морье. Не позже полуночи
92. Д. Джойс. Улисс
93. С. Бэккет. Моллой
94. Я. Парандовский. Алхимия слова
95. У. Эко. Имя розы
96. Т. Манн. Доктор Фаустус
97. Я. Корчак. Король Матиуш I
98. М. Унамуно. Авель Санчес
99. Р.П. Уоррен. Потоп
100. Б. Брехт. Карьера Артуро Уи

ЭПИТАФИЯ

Правдивость мысли

Не стало Ивана Михайловича Шевцова. Я помнил его с тех пор, когда работал в журнале «Октябрь», то есть лет 45. Это старейшина нашей литературы, и даже за многолетний подвигнический труд, независимо от величины таланта, он достоин уважения. Шевцов воевал, начиная с Финской кампании 1939 г., служил в погранвойсках. Там и сформировался его железный характер, его русский офицерский боевой дух.

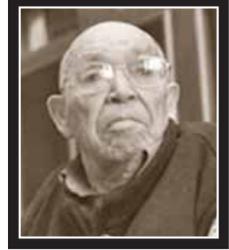
Из него делают чуть ли не «главного антисемита», а между тем прогрессивные на всю страну шевцовские романы посвящены совершенно другой теме. Там едва ли даже можно встретить слово «еврей». Шевцов воевал с космополитическим направлением, кто бы его ни исповедовал. Роман «Гля» стал знаковым. Такой же напраслиной в отношении этого романа является и ярлык «антипрогрессистский». Не забудем, что «Гля» была первой ласточкой подобного направления. Роман вышел ещё до всей почвеннической прозы. И вызвал на себя шквал огня. Если бы не стальной характер, Шевцов сломался бы после такой огромной критики. Но его это только раззадорило. Он стал плотно работать с этой темой, сосредоточился на борьбе государственников и космополитов. Борьба таких начал, между прочим, велась со времён Древнего Рима, не затихла и до сих пор. Но с военной темой Иван Михайлович никогда не порывал, оставался по преимуществу

писателем-баталистом. Последний роман он написал лет пять назад. Его военные книги достойны уважения.

Шевцов был, кроме того, большим специалистом в области батальной живописи, можно сказать, искусствоведом лучших многих профессоров. Дружил с плеядой советских художников военного направления, практически курировал студию баталистов им. Грекова. Много писал как искусствовед о батальной живописи. Он прожил плодотворную жизнь. Бури 70–80-х, другие времена и другие имена заслонили его. О Шевцове, патриархе национально-патриотической литературы, почти забыли. Тем не менее гораздо более значимые писатели, такие как Белов, Астафьев, Юрий Кузнецов, уважали Шевцова за правдивость мысли.

Его ведь тоже можно назвать диссидентом, только правого крыла. Книги Ивана Михайловича изымали из библиотек, после скандалов около семи лет вообще не печатали ни строчки – почище Аксёнова или Войновича. Такие люди, как Шевцов, тоже не подходили к «обшпримиряющей» обстановке брежневской эпохи. Для примиренчества Шевцов не годился. Каким он стал на заставе рядом с финской границей в 18 лет, таким и умер в 92 года. Побольше бы нынешней России таких прямых, нестигаемых людей.

Владимир БОНДАРЕНКО

ВЫСТАВКА

Идеалисты и темнота

Государственный литературный музей в своём филиале (Трубинковский пер., д. 17) представляет выставку «Тогда, в шестидесятые...», рассматривающую

в ретроспекции самостийный опыт «оттепели». Текущее десятилетие, явившись полувековой отметкой, переключается с 1960-ми каскадом юбилейных дат:

такое впечатление, что буквально каждый шестидесятник отмечает (или мог бы отметить) сейчас круглую годовщину того или иного события своей жизни.

Увы, не все дожили до этих дней, и мы чтим память Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Аксёнова, Б. Ахмадулиной, Г. Бакланова, В. Белова, И. Бродского, В. Быкова, Ю. Визбора, А. Вознесенского, А. Володина, В. Высоцкого, А. Галича, Р. Казаковой, Ф. Горенштейна, Ю. Казакова, В. Розова, Д. Самойлова, Ю. Левитанского, А. Межирова, Б. Можая, Б. Окуджавы, Р. Рождественского, А. Солженицына, Ю. Трифонова, В. Шаламова, М. Шатрова, В. Шукшина и многих других...

На открытии выставки появился один из виновников торжества – Евгений Евтушенко, которого мгновенно окружили зрители, и вернисаж вылился в творческий вечер. Экспозиция – при всей масштабности в целом – в каждом из пяти залов преподносит материал всё же в камерном звучании. Поначалу зрителю предлагают разнообразие форм и предметов: в полный рост высятся чёрно-белые картонные фигуры Е. Евтушенко, Б. Ахмадулиной, А. Вознесенского, Р. Рождественского в момент их выступления на площади Маяковского, громко разносящего по музею их голоса, безостановочно декламирующие стихи. Будто и ты попал на площадь в то самое время и готов часами, стоя в толпе среди сотен людей, внимать и сопереживать... Но вслед за браваурно-стью плакатной поэзии имеет смысл соединиться – на стендах разложены многочисленные рукописи, посвящения, автографы, письма, фотографии, первые издания книг, ставших популярными и неоднократно переизданными. Василий Аксёнов на обложке повести «Коллеги» написал несколько строк: автор совсем не ожидал, что эта скромная вещь может вызвать столь сильный читательский отклик...

Живописные полотна характеризуют не столько художников, сколько опять-таки их время: спонтанно хаосу обрётённой свободы они должны придать смысловой поток. В следующем зале расположился условный кабинет главного редактора литературно-художественного журнала. По приметам – это «Новый мир» А. Твардовского, через который прошла волна основных направлений русской прозы второй половины XX столетия: военная, деревенская, городская, лагерная. Расцвет прозы и новая драматургия привели к возрождению театра и кинематографа, связанного с именами Г. Товстоногова, Н. Акимова, О. Ефремова, Ю. Любимова, Г. Чухрая, А. Тарковского, С. Бондарчука, М. Хуциева, Л. Кулиджанова...

На большом экране сменяют друг друга фрагменты великих фильмов «Гамлет» Г. Козинцева, «Летят журавли» М. Калатозова, «Берегись автомобиля» Э. Рязанова, а на стенах – репертуарные листы с названиями знаменитых театральных постановок, макеты афиш, сцены из спектаклей, с размашистой правкой первая страница сценария «Летят журавли», где перечёркнуто его первое название «Журавлики, кораблики» и перечислены начальные кадры предрасчётной панорамы Москвы... Неожиданно мы оказываемся в пространстве типичной кухни 1960-х, в атмосфере городского быта, когда «в тесноте, да не в обиде», «чем богаты, тем и рады». Вот на таких кухнях вёлся задушевный бесконечный трёп, пелись под гитару бардовские песни и между делом решались вопросы бытия.

Аутентичность заворачивает – этот предметам всего-то 50 лет, но дух, хранящийся в них, исторически обусловил эпоху, подобную мгновенной вспышке, вдруг исчезающую, потухшую, разочаровавшую даже её деятелей: идеализм столкнулся с реальностью и был побеждён...

Арина АБРОСИМОВА

Выставка работает до конца мая

ЮБИЛЯЦИЯ

В поисках истины

Наверное, неслучайно сошлись в этом номере «ЛГ» наше поздравление известного историка Юрия Жукова с 75-летием и публикация «Мины закладывали позже» его коллеги-историка Владислава Гросула, в которой он спорит с юбиляром.

Уже много лет Юрий Николаевич сотрудничает с «Литературкой». И, пожалуй, никогда не случилось, чтобы его собственная статья или интервью с ним выходили незамеченными.

Всегда читательский отклик – в письмах в редакцию, а сейчас всё чаще на нашем сайте. Да и нас, журналистов, они не оставляют равнодушными. Но совсем не потому, что Жуков,

сам, кстати, в прошлом журналист агентства печати «Новости», стремится к сенсационности и популярности любой ценой.

Он серьёзный, глубокий и авторитетный учёный, чьи книги «Тайны Кремля: Сталин, Молотов, Берия, Маленков», «Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 годах», «Сталин: тайны власти», «Настоящая книга сталиниста», «Первое поражение Сталина» и другие неизменно вызывали и вызывают интерес не только у специалистов, но и у обычных читателей.

Основательность исследований, а это главным образом послереволюционные времяз,

сталинская эпоха, всегда сопровождаются у Жукова эмоциональным поиском истины, стремлением за гущей анализируемых событий и фактов увидеть движение истории, философию жизни во всём их многообразии и противоречивости. Жуков ломает штампы, оставаясь при этом приверженцем объективного и точного взгляда на пережитое любимой страной и её народами.

Мы дорожим сотрудничеством с таким учёным и писателем, как Юрий Жуков, и надеемся, что оно будет продолжено. Да, годы летят, но мысль его по-прежнему свежа и молода. Доброго вам здоровья, Юрий Николаевич, новых творческих успехов!

«Нет, всё-таки прав был Андрияш Вознесенский: какого златоустого блатаря мы потеряли!» (Случайно услышанная фраза после демонстрации фильма «Высоцкий. Спасибо, что живой».)

Кто помнит стихотворение Вознесенского, знает, что есть в нём и такие строки: «Спи, шансонье Всей Руси», «Шёл популярней, чем Пеле», «Носил гитару на плече, Как пару нимбов», «Спи, русской песни крепостной» — очень впечатляющие, доложу, поэтические тропы. Но на слуху у всех только эти: «О златоустом блатаре рыдай, Россия! / Какое время на дворе — таков мессия». Чего, собственно, автор добивался. Из-за неосознанной (хотя, может, и осознанной!) зависти к сумасшедшим популярности и славе Высоцкого. Кто-то заметит: какая дичь, вздор, нелепость! А не спешите с выводами.

Сделанное Высоцким в театре уйдёт со временем в небытие. Фильмы с его участием проживут долго, но в конце концов тоже забудутся. И даже песни растворятся в туманной дымке будущего. Без всяких оговорок останутся лишь стихи Высоцкого. Как всякая настоящая поэзия, они будут жить, сколько существовать будет русский язык. Почитайте. Нынешний юбилей поэта — прекрасный повод вернуться к его стихам.

Если бы Владимир Семёнович по-настоящему, с присущей ему целеустремлённостью и хваткой взялся когда-нибудь за издание своих стихов — несомненно, добился бы своего. Но, во-первых, как он сам не раз утверждал: «Не люблю быть просителем, обивать пороги редакций». А во-вторых, он не хотел ни при каких обстоятельствах идти на компромиссы с редакторами, издательствами, редакциями газет, журналов. Притом что даже в те застойные времена находились удалые, смелые люди, которые хотя бы ради принципа могли пробить в печать то или иное стихотворение Высоцкого. Ведь маленькая, хрупкая, далеко не деловая Белла Ахмадулина сумела напечатать в альманахе «День поэзии» сочинение Владимира Семёновича. А Евтушенко, Вознесенский, Рождественский, Окуджава, Самойлов и ещё многие, многие другие поэты, считавшиеся друзьями Высоцкого, — выходили, не могли помочь в публикации хотя бы по одному стихотворению каждый? Или Высоцкого постоянно преследовал злой рок? Но почему же тот рок дрогнул перед Ахмадулиной?

Кстати, читатель небось подумал, что Владимир Семёнович горячо и сердечно поблагодарил поэтессу за участие в публикации его стихотворения? Как бы не так. «Когда-то давно уже я поздравляла читателей «Литературной газеты» с Новым годом, с чудесами, ему сопутствующими, в том числе с пластинкой «Алиса в стране чудес», украшенной именем и голосом Высоцкого, — вспоминает Ахмадулина. — А Высоцкий потом горько спросил меня: «Зачем ты это делаешь?» Я-то знала — зачем. Добрые и доблестные люди, ещё раз подарившие нам чудную сказку, уже терпели чьё-то нареkanie, нуждались хоть в какой-нибудь поддержке и защите печати. И ещё один раз Высоцкий так же горько и устало спросил меня: «Зачем ты это делаешь?» — когда в альманахе «День поэзии» было напечатано одно его стихотворение, сокращённое и искажённое. Мне довелось принять на себя глупые оскорбления за отношение к нему как к независимому литератору. Я знаю, как была узвезлена столь высокая, столь опрятная его гордость».

Да, Высоцкий был горд, порою — слишком. Но только ли этим объяснять его строптивую несговорчивость со всеми печатными органами и организациями (а она была, была!) — не упрощённо ли? Получается, что все остальные поэты, печатавшиеся в застойные времена, были напрочь лишены этой самой гордости? Что-то тут не стыкуется, явно не вписывается в ставшие уже дежурными утверждения: «Высоцкий так хотел увидеть напечатанными свои произведения, но литературные чиновники всячески препятствовали этому».

Точно не способствовали. А скажите, к чему хорошему, здоровому, критически задорному, неординарному, нестандартному, вырывающемуся за узкие «параграфные» рамки,

— к чему в те годы чиновники благоволили? Какого оригинально мыслящего и творящего художника они не затирали, не крутили в бараний рог? Почему же мы все задним числом так упорно сетуем на них за неблагоклонность именно к Высоцкому? Ведь даже гипотетически нельзя предположить нечто противоположное, а мы упорно долбим одно и то же, как заведённые, сладострастно раздирая уже давно зажившие раны.

Правда же заключается в том, что всерьёз по большому счёту публикацией своих сочинений Высоцкий сам никогда не занимался. Более того: это не лежало в русле основных его тогдашних творческих устремлений. Бард ориентировался исключительно на слушание, а не чтение. Именно поэтому выпуска своих пластинок он как раз добивался с упорством неслыханным, подключая к этому процессу порой многих своих влиятельных знакомых. И, как мы знаем, выходили они гигантскими тиражами. Здесь он шёл на любые компромиссы. Первые диски совсем не удовлетворяли его, если не сказать — озорчали. Тогдашние чиновники из фирмы «Мелодия» были ничуть не прогрессивнее своих собратьев из литературного цеха. И каждая песня, прежде чем попасть на пластинку, «обкатывалась» в стольких инстанциях, что даже у очень пробивных людей, бывало, опускались руки. Однако Высоцкий с упорством и настойчивостью искал и находил с бюрократами от песни общий язык. Даже гитаре ради

«Мне кажется, что те, кто изо всех сил раздувает «пузырь Высоцкого», сами осознают ущербность своих усилий. Поэтому в ход пошли байки о каких-то преследованиях хрипуна с гитарой, о его страданиях. А этот хрипун является маховым цветком периода застоя. Именно в те годы он имел в своём распоряжении целый театр, в любой день мог без всяких помех полететь в любой конец земного шара — подумать только, он, пожалуй, единственный из советских людей, кто отдыхал на Таити! Запойный пьяница и наркоман, он жил и хрипел свои сочинения под постоянным объективом кинокамер. Его ещё в те времена, ещё живого, уже готовили на недосыгаемо высокий пьедестал. Шутка сказать, отснятый киноматериал исчислялся многими километрами. И когда наркотики всё же сказали своё слово, у полёзда его дома моментально оказались все машины специфической скорой помощи, которыми в то время располагала Москва. Так что какие уж там гонения!» («Молодая гвардия», № 8, 1989 г.).

Когда у Высоцкого действительно возникали какие-то сложности и проблемы, он писал (и не раз!) в Министерство культуры, в ЦК КПСС. И ТАМ ненавидистые «гонимые» всегда (!) шли ему навстречу!

«...Песни мои в конечном счёте жизнеутверждающие и мне претит роль «мученика», эдакого «гонимого поэта», которую мне навязывают. (Подчёркнуто мною. — М.З.) Я от-

и сильных друзей, покровительство и высочайший блат в самых верхах власти, твёрдо проторённая дорога за границу. Большого в те годы нельзя было добиться никому!»

Вот сухой остаток всего вышесказанного. За 42 года жизни Высоцкий снялся более чем в 30 фильмах, выпустил несколько пластинок многомиллионными тиражами, 16 лет проработал в популярнейшем столичном театре, где сыграл несколько десятков интересных и различных ролей. С 1965 года выступал в самых престижных залах страны, да что там залах — он пел свои песни на многотысячных стадионах. Я уже не говорю о том, что он обезжил полмира.

Высоцкий — всего лишь малограмотный, но задиристый и нахальный самоучка. В начале 90-х в журнале «Континент» он даже был назван «Недоучкой 60-х».

А на самом деле? Владимир Семёнович окончил Школу-студию МХАТа — высшее, пожалуй, что и самое уважаемое театральное училище в стране. Можно говорить и писать всё что угодно о фундаментальной, базовой подготовке Высоцкого. Нельзя лишь отрицать того бесспорного факта, что его учил, формировал его мировоззрение цвет советской театральной культуры. Да, он был от природы наделён недожанным талантом, необыкновенными и разносторонними способностями. Но именно в школе-студии этот природный алмаз бриллиантом сделали творцы, всем народом признанные. (На всякий случай напомним, что литературу Володе

преподавал Андрей Донатович Синявский. Тот самый, который писал под псевдонимом Абрам Терц и который был в 1966 году осуждён вместе с Юрием Даниэлем. В обширной поэзии Высоцкого мы встречаем прямые или косвенные аллюзии, параллели и реминисценции из Библии, из многих восточных учений, из античной мифологии, из «старинных скетчей», из Пушкина, Гоголя, Булгакова, Зошенко, из целой плеяды погибших поэтов-фронтовиков, из Д. Самойлова, Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной, которую очень высоко ценил и называл «своим любимым поэтом». В личной библиотеке Высоцкого, которую он совершенно точно начал собирать ещё со студенческой скамьи, мы опять-таки находим не только полные собрания Есенина и Маяковского, но и тома А. Ахматовой, М. Цветаевой, Б. Пастернака, И. Мандельштама, И. Северянина. Высоко ценил Владимир Семёнович Николая Клюева. Часто употреблял крылатое клеовское «избавная Русь». Николая Лескова и Павла Мельникова-Печерского тоже не раз цитировал.

Уже треть столетия прошло после смерти поэта, а до сих пор оттуда, «из-за бугра» бесчисленные теоретики и «почитатели» барда из кожи вон лезут, чтобы доказать нам: *Высоцкий-де всегда стоял в оппозиции к бывшему советскому народу и социалистическому общественному строю. Его, певца индивидуализма, ничего, мол, кроме факта рождения не связывало с коммунистическими советами; если бы ещё немного он пошел, то непременно сбегал бы на обетованный Запад. То есть он просто каким-то чудом не попал в ряды диссидентов.* Для таких признание поэта: *«Я смеюсь, умирая со смеха. / Как поверил этому бреду? / Не волнуйтесь, я не уехал. / И не надейтесь — я не уеду.»* ничего не значит, потому что было написано «под давлением». Ложь всё это и корыстолюбивая клевета!

У Высоцкого нет ни одной строки, написанной под чьим бы то ни было давлением. Даже в самые трудные моменты жизни, а их на его долю с лихвой выпало, Высоцкий всегда глубоко осознавал себя всего лишь частицей своего народа, своей Родины. Он не мыслил себя без России и поэтому острее многих других и известных деятелей культуры, по разным причинам дрогнувших в борьбе с отечественными бюрократами, понимал, что его место всегда — на

Родине. Что именно здесь, как нигде, нужны его голос, его песни, его присутствие. Мучившая его постоянная боль не могла быть до конца понята ни в каком ином, самом «райском» краю на Земле. Это принципиальный, определяющий момент не только в творчестве, но и во всей жизни Высоцкого.

(Из книги М. Влади «Владимир, или Прерванный полёт»: «Уехать из России? Зачем? Я не диссидент, я — артист. Ты говоришь это в Нью-Йорке во время знаменитой передачи Си-би-эс «Шестьдесят минут». У тебя покраснело лицо и побелели глаза — видно, как ты раздражён. — Я работаю со словом, мне необходимы мои корни, я — поэт. Без России я — ничто. Без народа, для которого я пишу, меня нет. Без публики, которая меня обожает, я не могу жить. Без их любви я задохнусь. Но без свободы я умираю.»

Вся поэзия Высоцкого — простая, почти примитивная, лубочная, «для шансона». Вне именно его музыкального исполнения она не может рассматриваться всерьёз».

Поэзия Высоцкого, как и всякого любого иного творца, — разная. Но в лучших своих проявлениях она отвечает самым взыскательным требованиям. Относительно военно-патриотического цикла, особенно так называемых фронтовых реминисценций, можно смело утверждать, что они абсолютно уникальны и безальтернативны во всей нашей и даже мировой литературе. Другой вопрос, никто по-настоящему до сих пор не дал себе труда задуматься и проанализировать: а как же так получилось, что человек, родившийся за четыре года до Великой Отечественной войны, ни дня потом не прослуживший ни в армии, ни на флоте, ни даже в милиции, вообще ни в какой силовой государственной структуре, сумел написать такой пронзительной силы поэтические вещи про ту же войну и про ту же воинскую — берём шире — любую «государеву» службу, как это не сделал никто иной ни до, ни после Высоцкого?

Кроме всего прочего, как и всякое сочинительство, недожанным талантом оплодотворённое, творчество Высоцкого и полифонично, и эвристично, и даже мистично. Не зря же Давид Самойлов написал: *«И чему-то вселенскому родственно / И стаутой Молвы стаутой — / Нежное лицо Высоцкого. / Полное печали и предчувствия, как бред».* «Смерть тех из нас всех прежде ловит, / Кто понорошку умираю», «Я не знал, что подвергнусь сужению после смерти», «И с меня, когда взяла я да умер, / Живо посмертную маску сняли расторопные члены семьи».

...В мире нет литературы богаче российской. О поэзии и говорить не приходится. По числу хороших, качественных поэтов на душу населения мы обогнали все страны мира, вместе взятые. Как Япония «умыла» весь прочий мир по электронике. Похоже, в том и другом случае — навсегда. Но русская поэзия удивительно богата ещё и на великие поэтические имена. Высоцкий — в их числе. Уникальность его творчества ещё и в том, что оно чрезвычайно прочно хранится в народе, а стало быть, и в нашей культуре. Как в письменном, так и в звуковом исполнении. Это столь оригинальный интеллектуальный пласт, который никак невозможно измерить, учесть, проинвентаризовать. Грубо говоря, никто и никогда не сможет сказать, сколько в нашей стране, в мире существует любителей Высоцкого. Предположительно: тысячи и тысячи. Но дело даже не в этом. Ни один другой поэт в России, да, пожалуй, и в мире не имеет такой многочисленной, такой благодарной и такой стойкой аудитории, какую суждено было посмертно стяжать Высоцкому. Да, конечно, у многих мировых поэтических знаменитостей есть свои поклонники, приверженцы, популяризаторы. По круглым датам кумиров они, как правило, активизируют свою деятельность. Тогда и мы, простые любители поэзии, вспоминаем о том или другом поэтическом имени — отечественном или зарубежном. В примере с Высоцким картина разительно и принципиально иная. Те, кто его любит, им постоянно живут во всякое время года и все 25 часов в сутки.

Михаил ЗАХАРЧУК

Личное

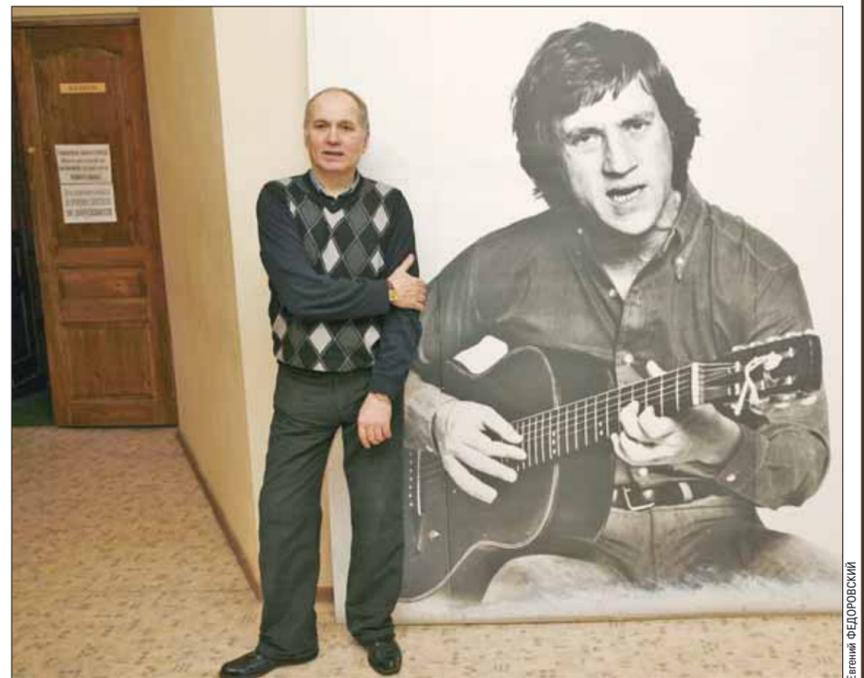
Он так важен и интересен многим, потому что спустя 32 года после его смерти в людях по-прежнему сильно личное отношение к нему. История идёт своим чередом, но он не уходит в историю. Даже для тех, кто его никогда не видел и не жил в то время, когда и он, Высоцкий, — личное. Ему исполнилось бы 75, не такая уж старость — из ныне живущих «друзей Высоцкого» можно составить клуб. Но представить его старым — так же как и членом любого клуба — нет никакой возможности.

«ЛГ» публикует редкие фотографии из уникального собрания «Дома Высоцкого на Таганке». На первой из них — двенадцатилетний Володя с матерью, Н.М. Высоцкой. Вторая, где он с Мариной Влади и капитаном А. Гарагулей, снята в 1969 году на теплоходе «Грузия». На третьей — фотограф Валерий Плотников сфотографирован со своим героем здесь же, на Таганке, благодаря которому появились наиболее известные снимки великого барда.

К 75-летию со дня рождения Высоцкого в центре-музее его имени 24 января открывается тематическая выставка «Уважаемый Владимир Семёнович!», а в Фотоцентре на Тоголевском бульваре 22 января открывается фотовыставка «Житие Владимира Высоцкого».

Нина Яковлевна Львова

Евгений ФЕДОРОВСКИЙ

